АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

Н.В. БАГАПШ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СУХУМЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.)

АбИГИ
Сухум – 2017

УДК 314/39
ББК 60.75 (5Абх), 215.1
Б 14

Багапш Н.В.

Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало XXI вв.). / Н.В. Багапш; науч. ред. Т.А. Ачугба; рец. О.В. Маан, А.Ш. Хашба; АНА, АбИГИ им. Д.И. Гулиа. – Сухум: «АбИГИ», 2017. – 280 с.

Г/Р 978–5–111–14–03017

Монография кандидата географических наук Багапш Н.В. посвящена изучению этнодемографических процессов в столице Абхазии на протяжении последних 130 лет. В работе анализируется история изменения этнической структуры населения Сухума с конца XIX столетия до наших дней, даётся ретроспективная характеристика этнокультурного пространства города, а также проводится исследование современной этнодемографической и этноязыковой ситуации в столице на основе анализа данных социологического опроса.

Книга рассчитана на этнологов, историков, демографов, географов, социологов, политологов, политиков, краеведов, студентов-гуманитариев, а также на широкий круг читателей, интересующихся этнодемографической историей Абхазии.

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор, академик АНА
Т.А. Ачугба

Рецензенты:
доктор исторических наук
О.В. Маан,
кандидат исторических наук
А.Ш. Хашба

Утверждена к печати Учёным советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

© Багапш Н.В., 2017
© АбИГИ, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Абхазии XIX, XX и начала XXI столетий наполнена событиями, обусловившими кардинальные сдвиги в этнической структуре населения страны и отдельных её регионов. Неудивительно, что изучение этнодемографической истории Абхазии уже давно привлекает к себе внимание специалистов.

Среди авторов, наиболее целенаправленно и углублённо изучавших динамику этнодемографических процессов в Абхазии в обозначенный период, можно выделить следующих. Г.А. Дзидзария впервые монографически описал одно из ключевых событий в истории Абхазии последних столетий – *махаджирство* – и связанное с ним изменение этнической структуры населения Абхазии[1]. К этнодемографическим процессам в Абхазии в XIX–XX столетиях обращался также Ш.Д. Инал-ипа[2]. Данная проблематика исследовалась в работах З.В. Анчабадзе[3], Т.А. Ачугба[4], Н.Г. Волковой[5], Н.А. Дубовой[6], С.З. Лакоба[7], Г.П. Лежава[8], Д. Мюллера[9], Л.Т. Соловьёвой[10], А.Ш. Хашба[11], Г.В. Цулая[12], А.А. Цуциева[13], В.А. Чирикба[14], А.Н. Ямскова[15] и других авторов. Анализу этнодемографического развития Абхазии в конце XIX – начале XXI веков посвящена также кандидатская диссертация автора настоящей работы[16].

Поскольку этнодемографические процессы в Абхазии в данный период оказали решающее влияние на сложившуюся к концу советской эпохи пёструю этническую мозаику территории страны, где доля абхазского населения упала к 1989 году до 17,8%, а доля грузинского населения достигла 45,7%, данная тематика стала одной из неотъемлемых составляющих исторической полемики в ходе грузино-абхазского конфликта. В этой связи изучением этнодемографических процессов по-

следних столетий в жёсткой привязке к попыткам доказательства автохтонности картвельского населения в Абхазии активно занимаются и современные тбилисские учёные[17].

В.А. Шнирельман в ходе обстоятельного анализа этнодемографической составляющей грузино-абхазской исторической полемики отмечает, в частности, следующее: «Новым предметом абхазо-грузинского спора в конце 1980-х гг. стала демографическая проблема. Впервые она явственно прозвучала в "Абхазском письме". Затем ее активно начали обсуждать Ш.Д. Инал-ипа и другие абхазские авторы… Поводом к этому послужили неоднократные заявления З. Гамсахурдия… и других грузинских политических активистов о том, что якобы 17% населения Абхазии (т.е. абхазы. — В.Ш.) имеют здесь невообразимые привилегии и чуть ли не эксплуатируют всех остальных. Поэтому абхазские ученые обратились к этнодемографической статистике, свидетельствующей о резких изменениях в этническом составе местного населения за последние 100 — 150 лет… С тех пор грузинские авторы стали усердно доказывать, что грузинские миграции не оказали существенного влияния на демографические процессы в Абхазии, а если даже они стимулировались искусственно, то с благой целью, — чтобы противостоять встречным миграциям русскоязычного населения. Более других на этой ниве потрудился А. Тотадзе»[18].

Несмотря на то что проблема этнодемографических процессов в Абхазии в рассматриваемый период достаточно хорошо проработана, вопросы этнодемографического и этнокультурного развития городских центров страны, и в частности, столицы, до сих пор остаются детально не исследованными. Исключение составляют монография Л.И. Цвижба «Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке»[19], в которой автор анализирует динамику этнодемографической истории городских поселений страны в позапрошлом столетии; статья Ю.М. Ботякова, освещающая вопросы культурной адаптации выходцев из абхазского села в послевоенном Сухуме[20]; а также ряд статей Р.Ш. Зельницкой (Шларба), посвящённых этнографическому изучению городского пространства современной Абхазии[21]. Краткой этнодемографической истории абхазской столицы преимущественно последних 100 лет посвящена описательная статья Т. Блаувельта[22].

Этнографическое изучение городского пространства в СССР началось преимущественно с середины 1960-х годов[23]. При этом изначально основным объектом исследования являлся быт рабочего класса: «Обращение к "рабочей" проблематике стало для советской этнографии этапным, но ограничение исследований по городу сферой быта главным образом промышленных рабочих все же приводило к искусственному сужению темы, а в ряде случаев и к некоторой односторонности суждений»[24]. В Абхазии впервые данный вопрос был освещён в работе Л.Х. Акаба «Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели»[25].

В.В. Покшишевский уже в конце 1960-х годов отмечал: «…стремительный ход урбанизации обязывает этнографическую науку уделять городскому населению несравненно больше внимания, чем это было по традиции в прошлом. На VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук с большой силой прозвучал призыв к повороту этнографии "лицом к городам", наряду с требованием сильной "демографизации" широкого фронта этнографических исследований. В последнее время проблематика городского населения стала занимать в этнографических исследованиях все более видное место»[26].

Изучению этнодемографической динамики и этнокультурных процессов в Санкт-Петербурге была в значительной степени посвящена научная деятельность Н.В. Юхнёвой. Кульминацией исследований автора на данном направлении можно считать монографию, выпущенную на базе докторской диссертации, в которой детально раскрыта этническая история российской столицы во второй половине XIX – начале XX столетий[27].

По мнению Ю.Д. Анчабадзе, город до недавнего времени оставался фактически вне поля зрения научного кавказоведения по ряду объективных причин, главной из которых была его полиэтничность и слабая представленность коренных этносов в общей структуре населения. Но в последнее время, как отмечает автор, «…произошли колоссальные изменения, в том числе и по этнодемографическим показателям. Город стал естественной средой обитания для народов Кавказа, а городской образ жизни неотъемлемой чертой их бытовой культуры. Более того, урбанизация активно порождает новые формы и атрибуты этнического бытия народов региона, что свидетельствует об имманентной пластичности и вариабельности культурных традиций, как в темпоральном пространстве, так и в социальной динамике их существования»[28]. При этом он выделяет типичные для Кавказа особенности урбанизации, которые обусловили процесс трансформации ряда элементов традиционно-бытовой культуры у народов региона: «…городской образ жизни у народов Кавказа имеет ряд особенностей. Последние связаны с исторически более поздними традициями урбанизированного быта в регионе, с сохраняющейся теснейшей связью горожан с сельской округой и с районами выхода, с неустоявшейся моделью городского modus vivendi, циркулирующими в обществе представлениями о престижности и непрестижности жизни в городе и т.д. Остается фактор многоэтничности городской среды и процессов взаимодействия разных культурных традиций. Все это порождает сложные общественные коллизии, отражением которых можно считать распространяющуюся романтическую идеализацию сельского образа жизни, периодически раздающиеся призывы возродить родные селения, вернуться в горы, вдохнуть новую жизнь в оставленные пепелища и т.д»[29]. Автор отмечает, что этнологическое изучение кавказского города должно концентрироваться на этнографическом описании и анализе обозначенных фактов и процессов «как в историческом аспекте, так

и в синхронном срезе»[30]. Резюмируя, Ю.Д. Анчабадзе пишет: «К счастью, такая работа уже началась, и кавказоведческая урбанистика не выглядит ныне отстающим сегментом нашего научного знания»[31].

Проблема неустоявшейся модели городского образа жизни, характерная для большинства народов Кавказа, в нашем случае актуализируется массовой, не имевшей аналогов в истории, послевоенной урбанизацией абхазского этноса, происходившей в совершенно нехарактерных для этого процесса условиях резкого, почти тотального, спада как промышленного производства, так и отраслей непроизводственной сферы. В 2004 году мэр Сухума Л.И. Лолуа отмечал, что интеллигенции «вполне под силу помочь привить многим жителям культуру городской жизни. Для послевоенного Сухума это очень важная проблема»[32].

Ю.М. Ботяков в предисловии к сборнику, посвящённому этнографическому изучению современного кавказского города, пишет следующее: «Еще относительно недавно автор предисловия при изучении этнографии кавказского общества привычно “отодвигал” городское пространство в качестве объекта исследования на самую дальнюю периферию сознания. Рискну предположить, что и для значительной части представителей этнографического сообщества, отправляющихся за информацией о процессах, протекающих в пространстве народной культуры, город долгое время оставался лишь базой, своего рода “перевалочным пунктом” на пути в селение — к земле обетованной, где жизнь людей строится по “незыблемым” традиционным законам. В настоящее время ситуация коренным образом изменилась: городское пространство стало все более активно (в большинстве случаев вынужденно) осваиваться представителями сельского сообщества, и вслед за своими ушедшими из селения информантами к городу все чаще стали обращаться в своих исследованиях этнографы»[33].

Настоящая работа является попыткой исторического анализа траектории этнодемографического развития Сухума в

течение последних 130 лет и выявления современных тенденций этнокультурных и этнодемографических процессов в столице. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен двумя факторами: во-первых, Сухум, разрушенный в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, начинает отсчёт своей современной этнодемографической истории именно с последней четверти XIX столетия; во-вторых, с этого периода появляются первые достоверные статистические данные о населении города.

Являясь крупнейшим по численности населения городом страны, будучи одновременно политическим, экономическим, культурным и географическим центром Абхазии, Сухум, таким образом, представляет собой вполне органичную столицу. Именно здесь во всей полноте проявилось межкультурное взаимодействие и культурная интерференция основных этносов страны. Сухум является тем городом, где наиболее отчётливо прослеживается взаимодействие двух крупнейших этнографических групп абхазского народа – абжуйцев и бзыпцев, – долгое время развивавшихся в отрыве друг от друга. В то же время сформировавшееся за последние полтора столетия на полиэтничном фундаменте культурное пространство Сухума в определённой степени способствует нивелированию естественных этнокультурных характеристик абхазского народа. Наиболее отчётливо процессы культурной трансформации проявляются в языковой сфере. Учитывая, что на протяжении всего рассматриваемого периода Сухум являлся пунктом притяжения этнически абхазского населения, а с 1993 года процесс миграции абхазов в столицу усилился многократно, всестороннее этнодемографическое изучение столицы, как и других городских поселений, представляется одним из ключевых и в то же время незаслуженно игнорируемых направлений этнологических исследований в Абхазии. В настоящее время в столице сконцентрировано более трети всех этнических абхазов страны. Исходя из общей логики современных этнодемографических процессов в Абхазии, концентрация абхазского населения в Сухуме в ближайшие десятилетия будет только нарастать, что естественным образом отразится на общих контурах этнокультурного облика абхазского народа.

Работа состоит из двух глав. Первая глава посвящена анализу этнодемографической истории города, начиная с постмахаджирского времени и до наших дней, с периодизацией, включающей три основных этапа. В данной главе также проводится анализ особенностей этнокультурного пространства Сухума как сложившейся территориальной общности. Вторая глава представляет собой анализ данных социологического исследования, проведённого нами путём анкетирования горожан с февраля по сентябрь 2015 года с целью выявления современной этнодемографической ситуации в столице.

Автор выражает благодарность всем коллегам, родным и близким, оказавшим помощь в подготовке данной книги к публикации (в особенности Теймуразу Алиевичу Ачугба, Аиде Юрьевне Барателия, Нелли Владимировне Гвазава, Симе Андреевне Дбар, Ирине Игоревне Какубава, Петру Камшишевичу Квициния и Яне Валерьевне Логуа), а также директорам и преподавательскому составу средних школ города Сухума и студентам биолого-географического факультета АГУ.

Данная работа посвящается моим родным – Валерию Григорьевичу Багапш, Григорию Меджитовичу Багапш, Нине Георгиевне Кутелия, Тому Эрастовичу Шакрыл, Валентине Меджитовне Квадзба, Гураму Томовичу Шакрыл и Стелле Томовне Шакрыл.

---

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

[2] Инал-ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992; Его же. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // Советская этнография, 1990, №1. С. 38–49.

[3] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

[4] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010; Его же. Этническая «революция» в Аб-

хазии (по следам грузинской периодики XIX в.). Сухум, 1995; О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк). Сухум, 2006; Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007; и др.

[5] Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 3–61; Её же. Армяне Абхазии (вопросы этнокультурных контактов) // Полевые исследования Института этнографии 1979 г. М., 1983. С. 105–114; Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX–XX веке // Советская этнография, 1968, №6. С. 39–51.

[6] Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2012. С. 477–493; Её же. Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических аспектов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008. С. 27–57.

[7] Лакоба С.З. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993; Его же. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001; и др.

[8] Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989.

[9] Müller D. Ethno-demographic history of Abkhazia, 1886–1989 // The Abkhazians: a handbook. New York, 1998. С. 218–239.

[10] Соловьёва Л.Т. Миграционные процессы в юго-восточной Абхазии и их влияние на этнокультурное развитие региона (XIX – начало XX в.) // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009. С. 376–395; Её же. Субэтноним самурзаканцы: возникновение, история, современность // Вестник МГИМО – Университета, №3 (12). 2010. С. 27–34.

[11] Хашба А.Ш. Современная абхазская сельская семья: демографический аспект // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008. С. 58–70; Её же. Этническое воспроизводство населения Абхазии (1992–2010 гг.) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012. С. 284–307; и др.

[12] Цулая Г.В. Современная этнодемографическая ситуация в Грузии в грузинской этнографической литературе (1964–1974) // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 255–279.

[13] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

[14]Tchirikba V. La situation ethno-demographique en Abkhazie // L'Ossétie et d'Alentour, Publieé par l'Association Ossète en France, 2005, №17. С. 36–42.

[15] Ямсков А.Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов // Вестник МГИМО – Университета, №3 (12). 2010. С. 18–26; Его же. Особенности изменения этнодемографической ситуации в Абхазии в постсоветский период // Кавказ и глобализация. Т. 3. Выпуск 2–3, 2009. С. 190–201.

[16] Багапш Н.В. Этнодемографическое развитие Абхазии: территориальный аспект. Кандидатская диссертация. М., 2011.

[17] Например: Тотадзе А. Население Абхазии. Осетины в Грузии. Тбилиси, 1994; Геджуа М. История этнодемографического развития населения современной Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времён до наших дней. Тбилиси, 2009. С. 567–573; Квашилава К. Историческое Самурзакано (конец XVII в. – 1840 г.): Автореф. диссертации на соискание академической степени доктора истории. Тбилиси, 2009.

[18] Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 440, 443.

[19] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000.

[20] Ботяков Ю.М. Проявления системы организации абхазского сельского сообщества в условиях современного города (на примере Сухума) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 206–245.

[21] Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города в формировании социальных отношений в современной Абхазии // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014. С. 165–173; Её же. Городская и деревенская свадьба в Абхазии // Антропология города. Материалы конференции молодых ученых. М., 2013. С. 187–194; Абхазская молодежь между городом и деревней // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М., 2015. С. 56–63.

[22] Blauvelt T. Sukhum(i): Multi-Ethnic Capital of the Soviet Riviera // The Black Sea, 2013, №7/8. С. 36, 37.

[23] Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография, 1977, №6. С. 26.

[24] Там же. С. 25, 26.

[25] Акаба Л.Х. Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели // Труды АбИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Выпуск XXXI. Сухуми, 1960. С. 49–68.

[26] Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография, 1969, №5. С. 3.

[27] Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984.

[28] Анчабадзе Ю.Д. Введение // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014. С. 6.

[29] Там же. С. 7.

[30] Там же.

[31] Там же.

[32] Интервью Леонида Лолуа // Акуа – Сухум, 2004, №1. С. 190.

[33] Ботяков Ю.М. Предисловие // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 3.

Глава I

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СУХУМА (1886–2016 гг.)

Сухум как наследник античных Диоскуриады и Себастополиса является одним из древнейших городов Кавказа[1]. На протяжении многих столетий он выполнял как роль форпоста крупных государств Античности, Средневековья и Нового времени на побережье Абхазии, так и функцию пункта межкультурного взаимодействия между абхазским народом с одной стороны и цивилизациями Европы, Средиземноморья, Малой Азии и Ближнего Востока – с другой[2].

В то же время точкой отсчёта при изучении современной этнодемографической и этноязыковой ситуации в абхазской столице могут служить события относительно недавнего прошлого, а именно: разрушение и опустошение города, связанное с чередой войн и восстаний на территории Абхазии в 1850–1870 годы[3], конечным итогом которых явилось *махаджирство* – массовая депортация в первую очередь абхазо-адыгских, а также ряда других народов Кавказа в пределы Османской империи.

Если большинство абазин, адыгов, убыхов и жителей вольных обществ Западной Абхазии было выселено в 1864 году

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. С. 67, 68; Джопуа А.И., Нюшков В.А. Раннеантичные полисы на территории Абхазии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2015. С. 80; См.: Гунба Б.М. Из истории изучения древнего Себастополиса (Сухума) // Абхазоведение. История, археология, этнология. Выпуск I. Сухум, 2000.

[2] Воронов. Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум // Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014. С. 171.

[3] Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 46.

вслед за поражением в Кавказской войне, то для жителей собственно Абхазского княжества и полунезависимых горских обществ Цабал и Дал критическими датами явились 1867 год (махаджирство, вызванное Абхазским восстанием 1866 года) и особенно 1877 год, когда в ходе Русско-турецкой войны было выселено более половины бзыпских абхазов, значительная часть абжуйцев и практически всё население Гумской Абхазии[1]. Тогда же был разрушен Сухум. С этого момента, как отмечает Л.И. Цвижба, «Сухум и его окрестности вновь превратились в заболоченные места. Но постепенно жизнь налаживалась, благоустраивался и расширялся город»[2].

С конца XIX столетия этнодемографическая история Сухума может быть проанализирована уже по данным российских дореволюционных, позже – советских (всесоюзных и региональных) и, наконец, современных абхазских переписей и текущего учёта населения. Несмотря на то что у специалистов могут быть вполне обоснованные нарекания к итогам переписей населения, тем не менее, именно перепись является единовременным, проводимым по единой схеме и охватывающим практически всех жителей той или иной территории событием, дающим более-менее полную статистическую информацию о населении.

Этнодемографическая история Сухума на протяжении последних 130 лет в целом очень схожа с этнодемографической историей большинства других городских поселений Абхазии, однако имеет ряд уникальных особенностей, вызванных в первую очередь тем особым положением, которое занимает Сухум как город, выполняющий столичные функции на протяжении всего рассматриваемого периода.

С конца XIX столетия и вплоть до 1993 года этнодемографические реалии Сухума были таковыми, что можно с полной уверенностью говорить о том, что абхазская столица была «аб-

[1] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 213, 294.

[2] Цвижба Л.И. Там же.

хазской» только в политическом плане. Однако и последнее утверждение верно лишь отчасти и с большой долей условности, учитывая то место, которое занимала Абхазская АССР в сложной и многоуровневой иерархии национально-государственного устройства СССР. Если же говорить о сталинско-бериевском периоде, то Абхазия де-факто была лишена всякой автономии. На фоне крайне неблагоприятной для абхазского народа этнодемографической ситуации в республике в целом, положение в столице закономерно было ещё более сложным.

Среди основных причин, по которым Сухум до 1993 года оставался этнически преимущественно неабхазским городом, можно выделить следующие:

1. Махаджирство, вызвавшее исход большей части абхазов в Турцию и приведшее к практически полному опустошению целых регионов, в частности Гумской Абхазии, в пределах которой расположен Сухум;

2. Царский указ, объявлявший большинство оставшихся на родине абхазов *«виновным»* населением и запрещавший им селиться в городах Абхазии[1]. Несмотря на снятие «виновности» в 1907 году, многолетний запрет на поселение в городах страны именно в тот период, когда они активно развивались и заселялись, эхом отразился на всей последующей этнодемографической истории Сухума;

3. Колонизационное заселение Абхазии, сначала проводившееся российскими властями, а позже, в изменившихся политических реалиях, уже властями Грузинской Демократической Республики и советской Грузии;

4. Сухум, будучи одним из центров «Советской Ривьеры», являлся пунктом притяжения населения со всей страны. А целенаправленная демографическая политика властей советской Грузии, начиная с конца 1930-х годов, вызвала опережающий механический прирост именно грузинского населения города;

5. Абхазское общество, как и родственное адыгское, и в начале XX века в основном оставалось сугубо аграрным: абхазы не были вовлечены в товарно-денежные отношения и не занимались отхожими промыслами (в отличие, например, от ряда народов Северо-Восточного Кавказа и Грузии). Сама торговля, по крайней мере в постмахаджирский период, считалась у абхазов недостойным и постыдным занятием[1]. Всё это естественным образом ограничивало функциональную потребность в урбанизации этноса.

В рассматриваемый период может быть выделено три основных этапа этнодемографической истории Сухума: *формирование полиэтничной структуры населения города (1886–1937), постепенная грузинизация Сухума (1937–1993), Сухум становится этнически абхазским городом (1993–2016)*. Хронологические границы этапов не соответствуют датам проведения переписей населения, однако для качественного и количественного анализа этнодемографической динамики потребуется обращаться именно к данным переписей, проведённых несколькими годами или даже десятилетием позже произошедших изменений в этнической структуре населения.

СУХУМ КАК ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ГОРОД

В начале 1850-х годов Сухум представлял собой небольшое городское поселение. А.А. Олонецкий указывает: «Общий характер Сухуми был достаточно специфичен – это был даже не город, а небольшой посад…»[2]. Автор также полагает, что не-

[1] «Виновными» были признаны большинство абхазов после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов якобы за пособничество туркам. «Виновность» распространялась на абхазское сельское население, за исключением жителей Самурзакана и селений Пакуаш и Илор. «Виновное» население было лишено земельных прав и освобождалось от военной службы [Соловьёва Л.Т. Субэтноним самурзаканцы… С. 29].

[1] См.: Лакоба С.З. Крылились дни в Сухум-Кале. Сухум, 2011. С. 31–49.

[2] Олонецкий А.А. Сухуми в первой половине XIX столетия // Труды Абхазского государственного музея. Выпуск I. Сухуми, 1947. С. 165.

многочисленное городское население было представлено в основном выходцами из Мегрелии, торговавшими в Сухуме[1].

К 1868 году число жителей Сухума достигло 4980 человек. Бóльшую часть городского населения на тот период составляли военные и члены их семей – 3601 человек. Следующими по численности группами были местные мещане – 414 человек, временно проживающие иностранцы – 336 человек, временно проживающие граждане Российской империи разного рода занятий – 292 человека, гражданские чиновники с семьями – 68 человек, отставные военные и чиновники – 63 человека, выделенные в отдельную категорию временно проживающие евреи-мастеровые – 42 человека, лица купеческого сословия – 56 человек, проститутки – 43 человека, вдовы с детьми – 27 человек, лица духовного сословия – 16 человек, мелкие торговцы – 12 человек, потомственные граждане – 10 человек[2]. В том же 1868 году начальник Сухумского военного отдела генерал-майор В.А. Гейман составил рапорт на имя императора Александра II, в котором ходатайствовал о расширении городской черты Сухума от реки Гумиста до реки Келасур[3].

В ходе Русско-турецкой войны 20 августа 1877 года генерал Алхазов занял безлюдный Сухум. Город с семитысячным населением был сожжён турецким десантом[4]. С конца XIX века Сухум постепенно восстанавливается. Для скорейшей ревитализации города власти прибегают к налоговым послаблениям и льготам. Г.А. Дзидзария отмечает: «жители города освобождались от платежа государственных налогов на 5 лет; ранее проживавшие граждане и вернувшиеся после войны освобождались от старых неоплаченных долгов»[5]. В сентябре 1878 года начальник Сухумского военного отдела полковник П.И. Аракин в рапорте на имя императора ходатайствовал «об оказании помощи несчастным разорённым сухумским жителям, потерявшим всё своё имущество»[1].

[1] Там же.
[2] Кавказский календарь на 1870 год. Тифлис, 1869. С. 415.
[3] Национальный архив Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 423.
[4] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. соч. С. 238.
[5] Г.А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960. С. 151.

В условиях, когда бóльшая часть этнически абхазского населения была вынуждена покинуть родину, а оставшимся абхазам, за редким исключением, запрещалось селиться в городе, когда Российская империя проводила политику демографической колонизации Черноморского побережья Шапсугии, Убыхии и Абхазии, Сухум стал формироваться как полиэтничный городской центр. Стоит отметить, что и в 1860-е годы в Сухуме также практически отсутствовало абхазское население, а большинство горожан было представлено мегрелами, греками, армянами и русскими[2].

Посемейная перепись населения Закавказья, проведённая в 1886 году, зафиксировала в Сухуме всего 412 жителей, в том числе 119 (28,9%) русских, 115 (27,9%) представителей картвельских народов (из них 84 лаза/мегрела и 31 грузин), 93 (22,6%) грека, 53 (12,9%) армянина, 17 (4,1%) поляков, 6 (1,5%) евреев, 3 (0,7%) болгар, 3 (0,7%) кабардинцев. Абхазов также было 3 (0,7%) человека[3] (рис. 1).

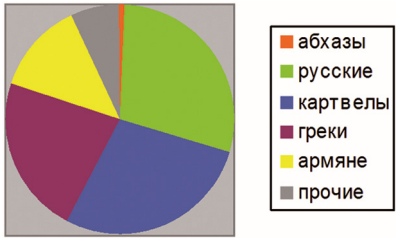

Рис. 1. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1886 г.).

[1] Национальный архив Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1826.
[2] Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Т. III. Сухум, 2012. С. 53.
[3] Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. Без пагинации.

В конце XIX столетия, когда Сухум только начал возрождаться, а население его было крайне немногочисленным, уже вырисовываются общие контуры этнодемографической композиции населения города: основные этнические группы, которые будут составлять бóльшую часть населения абхазской столицы на протяжении XX века, уже отчётливо видны в общей структуре. Исключение пока, по описанным выше причинам, составляют сами абхазы.

В то время как Сухум практически не имел абхазского населения, самым этнически абхазским городом Российской империи, по данным посемейной переписи 1886 года, был Батум. Абхазские махаджиры, осевшие в Аджарии в тот период, когда она была в составе Османской империи, проживали как непосредственно в городской черте («виновность» распространялась только на жителей Сухумского округа), так и в окружавших Батум сёлах. Ш.Д. Инал-ипа отмечает: «в целях колонизации турецкое правительство, начиная с 1866 г., уступило земли в районе г. Батуми абхазским эмигрантам, которые обязаны были платить аренду мечети»[1]. Так как абхазские сёла в окрестностях Батума в тот период были ещё этнически гомогенными, вокруг города возник компактный абхазский этнический ареал. Число сельских абхазов в предместьях Батума достигало 915 человек. Численность же абхазского населения в самом городе составляла 554 человека (3,7% от населения Батума). При этом общая доля всех картвельских народов в городе составляла лишь 17,0%, а самыми многочисленными группами были греки и армяне[2].

На момент проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 года Сухум представлял собой уже восьмитысячный город. Поскольку перепись 1897 года не содержит

[1] Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1960. С. 73.

[2] Свод статистических данных о населении Закавказского края… Без пагинации.

непосредственной информации об этническом составе населения, рассматривать его приходится сквозь призму данных о родном языке. Из 7998 жителей Сухума абхазский язык признали родным 144 (1,8%) человека, картвельские языки – 2474 (30,9%) человека (из них мегрельский – 1522 человека, грузинский вместе с имеретинским наречием – 951 человек, сванский – 1 человек), русский язык – 1685 (21,1%) человек, украинский – 216 (2,7%) человек, греческий – 1143 (14,3%) человека, армянский – 1083 (13,5%) человека, турецкий – 323 (4,0%) человека, остальные языки – 930 человек[1] (рис. 2).

После снятия «виновности» в Сухуме появляется абхазское население, однако пока оно крайне немногочисленно. Его удельный вес в общем населении города также минимален. В дальнейшем абсолютная численность и доля абхазов в Сухуме будут расти. Как видно, картвелоязычное население вкупе выходит на первое место вследствие большей по сравнению с другими колонистами переселенческой активности выходцев из Западной Грузии, подстёгиваемой деятелями грузинского национального движения[2].

Рис. 2. Удельный вес носителей основных языков в населении Сухума (1897 г.).

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. С. 90, 91.

[2] Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта, №2. Ирвайн, 2000. С. 58; см. также: Ачугба Т.А. Этническая «революция» в Абхазии…

Доля уроженцев Сухумского округа в населении города в 1897 году составляла 22,9%, тогда как первую по численности группу представляли уроженцы других уездов Кутаисской губернии (36,3%), что даже несколько превышает процент картвелоязычного населения Сухума. Помимо этого, 2,4% приходилось на уроженцев Тифлисской губернии. Выходцы из других губерний России составляли 19,1%, а уроженцы других государств – прежде всего Турции – 17,3%[1] (рис. 3).

Рис. 3. Население Сухума по месту рождения (1897 г.).

Динамику этнодемографической ситуации в Сухуме нельзя рассматривать в отрыве от остальных центров Закавказья. Несмотря на то что крайне низкий процент абхазов в населении Сухума в конце XIX столетия объясняется прежде всего последствиями многолетнего запрета на поселение в городе, не стоит забывать, что и в других современных столицах Южного Кавказа ситуация была если не аналогичной, то довольно схожей.

Переписи конца XIX – начала XX столетий показывают, что ни в одной из шести современных столиц южнокавказских государств[2] коренное/титульное население не составляло абсолютного большинства. Причём в четырёх из шести столиц титульное население не составляло и относительного большинства. Так, все картвелоязычные группы вкупе в 1897 году составляли лишь 26,3% населения Тифлиса, уступая армянам и русским[1]. Стоит учитывать и тот факт, что в число признавших грузинский язык родным, очевидно, входило большинство грузинских евреев и часть тифлисских армян. Данных по языковому составу населения Цхинвала в 1897 году не имеется, однако и в 1922 году осетины составляли только 13,5% населения города, уступая евреям, грузинам и армянам[2]. В селении Ханкенды (нынешний Степанакерт) доля армянского населения, по данным посемейной переписи 1886 года, составляла лишь 0,7%, в то время как в нём абсолютно преобладало русское население[3]. В Баку доля лиц, указавших в качестве родного языка *татарский*[4], в 1897 году достигала лишь 36,0% (относительное большинство)[5]. Доля армяноязычного населения в Эривани составляла только 43,2%[6].

Перед началом Первой мировой войны в Сухуме действовало 10 общественных этнокультурных объединений (обществ): Сухумское общество абхазов, Сухумское армянское культурно-благотворительное общество, Сухумское общество грузин, Сухумское общество караимов, Сухумское еврейское

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. С. 40–50.

[2] В качестве таковых рассматриваются все государства региона: как члены ООН, так и не входящие в данную организацию.

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXIX. Тифлисская губерния. СПб., 1905. С. 76–81.

[2] Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2. Население по полу, возрасту, национальностям, месторождению, продолжительности пребывания и семейному состоянию. Тифлис, 1923. С. 15.

[3] Свод статистических данных о населении Закавказского края… Без пагинации.

[4] Азербайджанский язык в материалах переписи 1897 года значится как «татарский». При этом в число татароязычных бакинцев могли входить поволжские татары и представители некоторых других тюркских этносов.

[5] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXI. Бакинская губерния. СПб., 1905. С. 52–53.

[6] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. СПб., 1905. С. 52–55.

общество, Сухумское отделение «Союза русского народа», Сухумское отделение «Украинской Громады», Сухумское польское общество, Сухумское эллинское (греческое) общество и Сухумское эстское общество[1]. Они были созданы в начале XX века для решения культурных, просветительских и религиозных задач. В их функции, в частности, входило открытие школ и строительство культовых сооружений[2].

В первой четверти XX века Сухум продолжает активно расти и развиваться. Во время Первой мировой войны и непосредственно после её окончания в городе, как и в Абхазии в целом, оседает большое количество беженцев из Турции: преимущественно понтийских греков и амшенских армян. Беженцы с территории Анатолии пребывают в Сухум как в последние годы существования Российской империи, так и в период оккупации Абхазии войсками ГДР. Количество нетрудоустроенных беженцев в столице было столь значительным, что уже в сентябре 1921 года, спустя полгода после советизации страны, Ревком Абхазии издаёт постановление под эвфемистическим названием «О разгрузке города Сухум», в котором, в частности, фигурировало следующее положение: «Беженцы и лица, доказавшие отсутствие для них возможности выехать за неимением к тому материальных средств, должны быть выселены средствами Республики»[3]. В инструкции наркома внутренних дел ССР Абхазии М.К. Цагурия, прилагавшейся к указанному постановлению, сообщалось: «Выселению из города Сухума подлежат… все беженцы, которые до опубликования постановления о разгрузке города не занялись общественно-полезным трудом или не зарегистрировались в Учрабсил… Все пункты настоящей инструкции, касающиеся подлежащих выселению из города Сухума, распространяются в равной мере и на иностранно-подданных»[4]. Комиссией по разгрузке в сентябре 1921 года была проведена перепись населения Сухума, которая коснулась всех категорий

[1] Агумаа А.С. Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX–XX вв. Сухум, 2016. С. 233, 234.
[2] Там же. С. 225.
[3] Газ. «Голос трудовой Абхазии», №70, 11 сентября 1921.
[4] Там же.

граждан, кроме военных и лиц, проживавших «в советских домах и учреждениях». По данным переписи, население города составляло 11494 человека[1].

В конце ноября 1922 года в пределах ССР Грузии, в состав которой к тому времени на договорных началах уже входила ССР Абхазии, была проведена всеобщая перепись городского населения. Городская перепись 1922 года явилась единственной переписью населения, зафиксировавшей греков в качестве крупнейшей по численности этнической группы Сухума. Рост численности греческого и армянского населения города в указанный период объясняется трагическими событиями в Турции в 1915–1919 годах. В то же время, несмотря на увеличение греческой общины города и страны в целом, в первой половине XX века отмечается несколько волн греческой эмиграции, что уже к концу 1920-х годов скажется как на снижении абсолютной численности сухумских греков, так и на ещё большем сокращении их доли в населении столицы. Выезд греков из Абхазии был связан с репатриацией на историческую родину, воссоединением семей, боязнью революции и военных действий, а также с целенаправленным подталкиванием к переселению со стороны грузинских властей[2].

Согласно итогам переписи 1922 года, в Сухуме проживало 17426 человек, в том числе 426 (2,4%) абхазов, 4992 (28,7%) грека, 4467 (25,6%) русских, 3706 (21,3%) грузин, 1889 (10,8%) армян, 1012 (5,8%) евреев, 204 (1,2%) поляка, 203 (1,2%) перса[3], 127 (0,7%) немцев и 396 (2,3%) представителей прочих этнических групп. Ещё 4 человека не указали свою этническую принадлежность[4] (рис. 4).

[1] Газ. «Голос трудовой Абхазии», №107, 28 ноября 1921.
[2] Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления). Сухум, 2006. С. 10.
[3] Большинство «персов» Абхазии было представлено этническими тюрками – выходцами из Иранского Азербайджана, о чём свидетельствуют, в частности, характерные окончания их фамильных имён.
[4] Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1. Население по полу, возрасту и национальностям. Тифлис, 1923. С. 23.

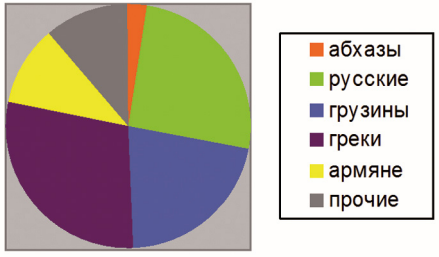

Рис. 4. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1922 г.).

В данных переписи 1922 года приводится разбивка основных этнических групп по месту рождения на уроженцев ССР Грузии (включая Абхазию) и родившихся за её пределами. Так, 78,9% сухумских поляков, 76,1% русских, 75,4% персов, 69,3% немцев, 67,7% греков, 65,9% евреев, 59,3% армян, а также 80,1% представителей иных этнических групп и все не указавшие этническую принадлежность родились за пределами ССР Грузии[1]. Поскольку большинство сухумских грузин, очевидно, также родилось за пределами Абхазии, а большинство абхазов столицы было представлено уроженцами сельской местности, подавляющая часть населения Сухума в 1922 году была представлена неместными уроженцами.

В материалах первой Всесоюзной переписи населения 1926 года имеется информация как по этническому составу, так и по распределению населения по родному языку. К сожалению, данные по этническому составу охватывают только граждан СССР, в то время как по родному языку дана разбивка по всему населению Абхазии. Поскольку в Абхазии проживало 15012 иностранцев, что составляло 7,5% населения республики, и большинство иностранцев было представлено греками и армянами, значительная часть которых проживала непосредственно в столице, обратимся в первую очередь к данным о родном языке.

[1] Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2. Население по полу, возрасту, национальностям, месторождению, продолжительности пребывания и семейному состоянию. С. 14.

По данным переписи 1926 года, население столицы ССР Абхазии составляло 21568 человек. Абхазский язык признали родным 600 (2,8%) человек, русский – 7643 (35,4%) человека, украинский – 966 (4,5%) человек, картвельские языки – 5064 (23,5%) человека (в том числе грузинский – 2844 человека, мегрельский – 2210 человек, сванский – 10 человек), греческий язык – 4169 (19,3%) человек, армянский – 2096 (9,7%) человек, идиш – 321 (1,5%) человек, немецкий – 111 (0,5%) человек, эстонский – 50 (0,2%) человек, прочие языки – 548 (2,5%) человек[1] (рис. 5).

Рис. 5. Удельный вес носителей основных языков в населении Сухума (1926 г.).

Русские (вкупе с представителями других восточнославянских народов), став в раннесоветский период первой по численности этнической группой в населении Сухума, продолжат оставаться таковой вплоть до 1970-х годов, когда они уступят первое место грузинам. Причём в период формирования Сухума как полиэтничного города процент русского (вместе с украинским) населения рос опережающими темпами, достигнув своего максимума к 1939 году. За счёт непрекращающегося со

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. М., 1929. С. 101 раздела ССРГ.

второй половины XIX века миграционного притока из Западной Грузии, быстрыми темпами продолжает расти численность картвельского населения Сухума.

В первые десятилетия XX века в Абхазии формируется довольно многочисленная лазская община, при этом часть лазов укореняется непосредственно в Сухуме. По данным, приводимым Н.Ф. Бугаем, общая численность лазов в республике составляла порядка 5000 человек и около 4500 покинули Абхазию в конце 1920-х годов, вернувшись в Турцию[1]. В 1930 году правительство Абхазии выделило землю для лазов[2] (в частности, в Бзыпском ущелье и в местности Скурча Адзюбжского сельсовета Очамчырского района, где планировалось организовать колхоз «Красный Лазистан»). В 1930-е годы в Гудауте функционировала начальная школа с лазским языком обучения[3], а в Сухуме с 1929 года по 1938 год издавалась первая в мире лазская газета *«Мчита Муруцхи» (Красная Звезда)*. Однако данные переписи 1926 года не предоставляют полноценных сведений о лазском населении страны. Всего в Абхазии в 1926 году проживало 42 лаза, имевших советское гражданство[4]. Из них 40,5% указали в качестве родного языка лазский, 47,6% – турецко-османский, 9,5% – абхазский и 2,4% – иной язык[5]. Данные о распределении жителей Абхазии (включая иностранцев, к которым относилось большинство лазов) по родному языку также не вносят ясности. Так, в Сухуме вообще не было зафиксировано людей, указавших лазский в качестве родного языка. Наибольшее число носителей лазского языка – 305 человек – было отмечено в сельской местности Сухумского уезда. Основная их масса (298 человек) проживала

[1] Бугай Н.Ф. Лазы – известные и неизвестные // Кавказские научные записки, 2011, №3 (8). С. 50.
[2] Там же.
[3] Tchirikba V. La situation ethno-demographique… С. 41.
[4] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 22 раздела ССРГ.
[5] Там же. С. 32, 33.

в Андреевском сельсовете, составляя 21,2% населения указанной административно-территориальной единицы[1]. При этом в Сухумском уезде не имелось сколько-нибудь значительного количества лиц с турецким родным языком, а суммарная численность лиц, указавших турецкий в качестве родного языка в Гудаутском, Кодорском и Гагринском уездах, составляла 1282 человека. Учитывая, что в указанных уездах проживало 877 этнических турок, имевших советское гражданство, всего около 400 иностранцев указало турецкий язык в качестве родного. Среди последних могли быть как этнические турки, так и лазы и представители других этнических групп[2]. По данным переписи 1939 года, в Абхазии было зафиксировано 1524 турка, из которых 96 человек проживало непосредственно в Сухуме[3]. По всей вероятности, большинство «турок» было представлено этническими лазами. В 1949 году большинство лазов было выселено из Абхазии вместе с греками, турками и представителями ряда других этнических групп. К концу 1950-х годов часть лазов вернулась в Абхазию. В настоящее время в Абхазии проживает определённое количество людей, имеющих лазские корни. Основная их масса давно восприняла абхазский язык, а впоследствии и другие компоненты абхазской этнической идентичности, сохранив при этом в большинстве случаев характерные фамильные имена. Этот процесс затронул и этнических турок.

В Сухуме также начинает формироваться значительная еврейская община, ранее слабо представленная в городе. Сначала в ней преобладали *ашкеназы* (причём первая, позже разрушенная в ходе Русско-турецкой войны, синагога европейских евреев была построена в Сухуме ещё в 1860-е годы)[4], но ближе к середине XX века существенно увеличивается доля *грузин-*

[1] Там же. С. 101.
[2] Там же. С. 100, 101.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
[4] Агумаа А.С. Указ. соч. С. 130.

ских евреев и иных еврейских групп. Так, по данным текущего учёта, на 1 января 1931 года в Сухуме проживал 1031 еврей, из которых к грузинским евреям относилось только 227 человек[1]. По данным переписи 1926 года, идиш являлся родным языком более чем для половины сухумских евреев[2]. В конце 1921 года евреи составляли 6,3% членов сухумских профсоюзов, опережая по данному показателю абхазов и армян[3]. В 1930-е годы существовали планы по организации еврейского колхоза в Сухуме, для чего специально была выделена земля на окраине города. Мероприятия властей по переселению советских евреев в сельскую местность в 1930-е годы были частью общей переселенческой политики того периода. Так называемое *«еврейское переселение»* не обошло стороной и евреев Абхазии, однако этот единичный эпизод сравнительно малоизвестен, так как закономерно оттенён масштабным переселением западногрузинских крестьян в Абхазию в тот же период. В отличие от других регионов СССР, на Южном Кавказе еврейское переселение по сути таковым не являлось. Еврейские колхозы организовывались в местах компактного расселения. В Грузии и Азербайджане, например, многие еврейские общины и так были сельскими. А в Сухуме еврейский колхоз намеревались организовать путём переселения евреев на окраину города, но в пределах территории горсовета. Переселение сухумских евреев осуществлялось по линии грузинского филиала Общества землеустройства еврейских трудящихся. Выявленные нами архивные документы содержат следующую информацию по данному вопросу: «в Сухумском еврейском колхозе из 30 домов построено 25, а строительство остальных приостановлено в виду того, что строительный участок расположен в черте города и Горсовет не разрешает закреплять участки за колхозниками на вечное пользование…»[1]. В другом деле сообщается: «Колхоз в Сухуми им. Кагановича. В настоящее время в колхозе состоит 17 хозяйств; колхоз организован из евреев г. Сухуми. Усадебные участки колхозников расположены на городской земле. Земля колхозу прирезана в 1,5 км от усадебных участков»[2].

[1] Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2012. С. 30.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 101–103 раздела ССРГ.

[3] Газ. «Голос трудовой Абхазии», №136, 30 декабря 1921.

Первую Всесоюзную перепись 1926 года принято считать одной из самых достоверных в плане отображения этноязыкового состава населения страны. Уже в 1926 году 8,8% абхазов Сухума указало в качестве родного языка иной язык[3]. В дальнейшем, особенно после Великой Отечественной войны, с увеличением численности абхазского населения в столице процент абхазов с русским языком в качестве родного будет перманентно увеличиваться. Однако в переписях позднесоветского периода, вероятно, увеличивается доля психологически мотивированных ответов на вопрос о родном языке, не соответствующих реальному языковому состоянию переписываемых.

По итогам школьной переписи 1927 года, в Сухуме имелось 16 школ, из которых 7 были с русским языком преподавания, 3 – с грузинским, 1 – с грузинским и русским, 2 – с абхазским и русским, 2 – с греческим и 1 – с армянским. Всего в городе было 3760 школьников. В школах с полным образовательным циклом на русском языке обучалось 1342 (35,7%) человека, в грузинских (в том числе в грузино-русских) – 1239 (33,0%) человек, в греческих – 594 (15,8%) человека, в армянской – 386 (10,3%) человек, в абхазских (с абхазским и русским языками обучения) – 199 (5,3%) человек[4].

По итогам текущего учёта населения 1932 года, в Сухуме проживало 33052 человека. Этнический состав выглядел следу-

[1] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 214.

[2] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 232.

[3] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 101 раздела ССРГ.

[4] Статистический справочник на 1927 год. Сухум, 1928. С. 56, 57.

ющим образом: абхазы – 1884 (5,7%) человека, русские – 12956 (39,2%) человек, украинцы – 430 (1,3%) человек, грузины – 7536 (22,8%) человек, греки – 4264 (12,9%) человека, армяне – 3206 (9,7%) человек, прочие – 2776 (8,4%) человек[1] (рис. 6).

Рис. 6. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1932 г.).

Всесоюзная перепись населения 1939 года, проведённая через несколько лет после завершения первого этапа этнодемографической истории Сухума, всё же со всей яркостью демонстрирует его кульминационную фазу. Грузинизация абхазской столицы, начавшаяся в конце 1930-х годов, к моменту проведения переписи ещё не успела набрать необходимых оборотов, чтобы серьёзным образом отразиться на этнической структуре населения.

По данным переписи 1939 года, население Сухума составляло уже 44290 человек, увеличившись за тринадцатилетний межпереписной период более чем вдвое. Численность абхазов достигла 2415 человек, что составляло 5,5% населения столицы. Несмотря на рост численности и доли коренного населения, абхазы по-прежнему оставались меньшинством в столице. Доля русского населения в Сухуме достигла своего исторического максимума, составив 42,0% или 18580 человек. Численность украинцев составила 2033 (4,6%) человека, белорусов – 95 (0,2%) человек. Таким образом, суммарно представители

[1] Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.

восточнославянских народов составляли почти половину населения города – 20708 (46,8%) человек. Второй по численности этической группой в 1939 году продолжают оставаться грузины. Всесоюзная перепись 1939 года является первой всеобщей переписью населения (за исключением признанной «дефектной» переписи 1937 года, результаты которой не были опубликованы), в материалах которой все картвелоязычные этносы включены в состав грузин[1]. Грузин в Сухуме в 1939 году было 8813 (19,9%) человек. Несмотря на то что общая численность грузинского населения в городе в межпереписной период выросла, его доля в населении снизилась. Возросла доля греческого и армянского населения столицы. Численность греков составила 4990 (11,3%) человек, армян – 4322 (9,8%) человека. Заметно увеличилась и еврейская община города, составив 1545 (3,5%) человек. В Сухуме также проживало 216 (0,5%) поляков, 206 (0,5%) эстонцев, 96 (0,2%) турок[2], 81 (0,2%) татарин, 72 (0,2%) болгарина, 70 (0,2%) адыгейцев, 65 (0,1%) иранцев. Численность представителей каждого из остальных этносов не превышала 50 человек[3] (рис. 7).

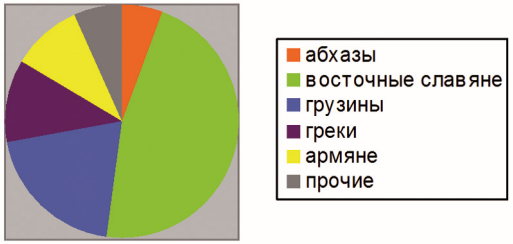

Рис. 7. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1939 г.).

[1] Под влиянием руководства Грузии в материалах переписи 1926 года мегрелы, сваны, лазы и аджарцы объединены как субэтносы в составе грузин [Blauvelt T. The “Mingrelian Question”: Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies, 2014, №6. С. 997], однако численность людей, указавших принадлежность к каждому из этих народов, также приводится.

[2] Часть из них, очевидно, лазы.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

Несмотря на то что Сухум, равно как и вся Абхазия, в советское время становится центром притяжения населения как с территории Грузии, так и из других республик СССР, абхазское этническое присутствие за пределами Абхазии в рассматриваемый период не было сколько-нибудь значительным. По данным переписи 1939 года, только 4,8% советских абхазов проживало за пределами Абхазской АССР, а к 1989 году эта доля выросла до 11,4%. При этом за пределами Абхазии в 1989 году проживало только 2,7% от всех абхазов Грузинской ССР. Компактные группы абхазского населения появляются в Грузии во второй половине XIX века после махаджирства, когда часть абхазских изгнанников обосновывается на территории Аджарии. Довольно серьёзные языковые трансформации у абхазского населения Аджарии отмечаются уже в середине XX века. Так, по данным переписи населения 1959 года, из 1157 абхазов, проживавших в автономной республике, абхазский язык признали родным 61,8%, грузинский – 31,0%, русский – 7,0%[1]. В советский период абхазское население Грузии растёт крайне незначительно, в том числе за счёт оставшихся в городах Грузии после обучения в вузах абхазских студентов, абхазских «кадров», переведённых на работу в Грузию, и абхазских женщин, вышедших замуж за жителей Грузии. После войны их число пополняют в некоторой степени и абхазские жёны грузинских беженцев. В свою очередь, среди абхазского населения Аджарии ещё в советский период наметилась тенденция к выезду на постоянное место жительства за пределы Грузии, в том числе в Абхазию. Миграционная «пассивность» абхазского этноса в советское время, обусловленная не в последнюю очередь объективными причинами экономической привлекательности Абхазии, позволила избежать гуманитарной катастрофы, которая без сомнения возникла бы в 1990-е годы при наличии в Грузии многочисленной абхазской диаспоры. Примером может служить судьба этнических осетин, численность которых в Грузии значительно превосходила количество осетинского населения самой Южной Осетии. Только в одном Тбилиси, по данным переписи 1989 года, проживало 33138 осетин[1], что превышало число осетин в Цхинвале (31537 человек)[2]. При этом численность абхазов в грузинской столице составляла лишь 405 человек[3].

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Грузинская ССР. М., 1963. С. 140.

Само географическое положение Абхазии предопределило значительный миграционный прирост грузинского, русского, украинского, армянского, греческого, еврейского и прочего населения страны в раннесоветский период, создавая, с одной стороны, уникальную этническую мозаику территории, с другой, способствуя неуклонному снижению удельного веса титульной группы населения. Высокий миграционный прирост населения Абхазии вкупе с завершившейся к середине XX столетия ассимиляцией довольно многочисленных *самурзаканских абхазов* привёл к тому, что перепись 1959 года зафиксировала исторический минимум удельного веса коренного населения в республике – 15,1%.

Завершая рассмотрение первого этапа этнодемографической истории Сухума, обратимся к процессам, проходившим в других городах Абхазии на кульминационном этапе формирования полиэтничной структуры их населения. Во-первых, обращает на себя внимание отчётливо прорисовывающийся *географический детерминизм* в формировании этнической композиции городов Абхазии: в 1939 году во всех городских поселениях Западной Абхазии восточнославянское население является первым по численности, в то время как в городах Восточной Абхазии преобладает грузинское население[4]. Доля абхазского населения во всех городах республики всё

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 272.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 274.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 272.
[4] Исключение составляют лишь этнически преимущественно русские шахтёрские посёлки городского типа Акармара и Куазан в Очамчырском районе, из слияния которых впоследствии вырастет город Ткуарчал.

ещё незначительна, что является долговременным эхом описанных выше трагических событий второй половины XIX века. Эта тенденция, наметившаяся в начале XX столетия, несколько видоизменяясь под влиянием этнодемографических сдвигов последующих десятилетий (депортация греков, нарастающий механический прирост численности грузинского населения, отток славянского населения, усиливающаяся урбанизация абхазов), будет во многом сохраняться вплоть до конца века.

Современный город Гагра возник в начале XX столетия как курорт при непосредственном участии принца А.П. Ольденбургского. В материалах посемейной переписи 1886 года Гагра не значится как населённый пункт[1], хотя Л.И. Цвижба со ссылкой на В.П. Пачулиа указывает на то, что «до конца 80-х годов XIX в. Гагра оставалась незначительным населённым местом…»[2]. Сам В.П. Пачулиа пишет: «В конце 80-х годов Гагра в справочниках и путеводителях значится как незначительное поселение»[3]. В брошюре, выпущенной в 1905 году, отмечалось: «Еще в октябре 1901 года местность эта была в полном смысле слова необитаема и представляла из себя только развалины бывшего укрепления»[4]. Коренное абхазское население данной территории – садзы – подверглось полной депортации после завершения Кавказской войны в 1864 году. Самый западный город Абхазии – Гагра – на протяжении XX века был центром притяжения прежде всего русского населения. Несмотря на падение удельного веса русских в позднесоветский период, они останутся крупнейшей этнической группой города вплоть до оккупации Гагры войсками Госсовета Грузии в 1992 году.

По данным переписи 1939 года, население Гагры составляло 9808 человек, а этнический состав был следующим: абхазы – 371 (3,8%) человек, представители восточнославянских народов – 5762 (58,7%) человека (в том числе русские – 4783

[1] См.: Свод статистических данных о населении Закавказского края… Без пагинации.
[2] Цвижба Л.И. Указ. соч. С. 52.
[3] Пачулиа В.П. Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979. С. 26.
[4] Гагры. Климатическая станция на черноморском побережье. СПб., 1905. С. 5.

человека, украинцы – 941 человек, белорусы – 38 человек), армяне – 1111 (11,3%) человек, грузины – 1066 (10,9%) человек, греки – 983 (10,0%) человека, евреи – 129 (1,3%) человек, остальные – 386 (3,9%) человек[1] (рис. 8).

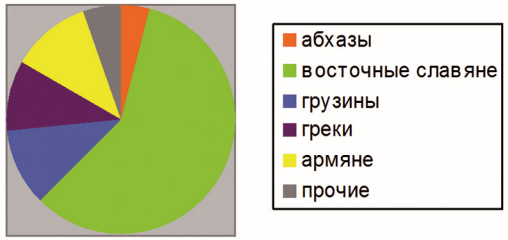

Рис. 8. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гагры (1939 г.).

В 1939 году в Гудауте, являвшейся центром одного из двух этнически абхазских районов, абхазы также были, хотя и довольно значительным, но меньшинством. Превращение Гудауты в этнически абхазский город начнётся в последние десятилетия советской власти, чему будет способствовать в первую очередь её географическое положение: окружённый мощным массивом абхазских сёл, административный центр Бзыпской Абхазии станет ядром урбанизации западных абхазов. А в 1939 году этнический состав Гудауты выглядел следующим образом. Население города составляло 7056 человек. Абхазы, будучи третьим по численности этносом в Гудауте, составляли 15,5% от общего числа жителей (1093 человека). Представители восточнославянских народов вкупе – 2856 (40,5%) человек (в том числе русские – 2622 человека, украинцы – 217 человек, белорусы – 17 человек), греки – 1210 (17,1%) человек, грузины – 1031 (14,6%) человек, армяне – 527 (7,5%) человек, турки[2] – 113 (1,6%) человек, остальные – 226 (3,2%) человек[3] (рис. 9).

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
[2] Вероятно, в основном этнические лазы.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

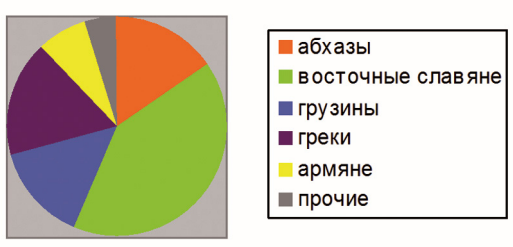

Рис. 9. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гудауты (1939 г.).

Население посёлка городского типа Псырцха (нынешний город Новый Афон) в 1939 году составляло 3120 человек. Любопытно, что, помимо 176 абхазов, в посёлке проживали также абазины (21 человек). Таким образом, суммарная численность абхазов и абазин составляла 197 (6,3%) человек. Абсолютное большинство населения, как и в Гагре, составляли представители восточнославянских народов – 2153 (69,0%) человека (в том числе русские – 1865 человек, украинцы – 272 человека, белорусы – 16 человек), а следующей по численности этнической группой были армяне – 236 (7,8%) человек. Численность греков составляла 159 (5,3%) человек, грузин – 109 (3,6%) человек, евреев – 55 (1,8%) человек, остальных – 211 (6,8%) человек[1] (рис. 10).

Рис. 10. Удельный вес представителей основных этносов в населении Псырцхи (1939 г.).

[1] Там же.

Этнодемографические процессы в городе Очамчыре на этапе формирования полиэтничной структуры населения городских поселений Абхазии имели совершенно иную направленность. Если этническая мозаика Сухума и городов Западной Абхазии формировалась при явном преобладании славянского элемента, то вектор этнодемографического развития Очамчыры характеризовался опережающим ростом картвельского (преимущественно мегрельского) населения. Географическая близость к Мегрелии, непосредственная близость с уже мегрелоязычным Самурзаканом, а также стремительный механический прирост картвельского населения самой Абжуйской Абхазии в сталинско-бериевский период будут определять этническую структуру населения города вплоть до конца XX столетия. В то же время, по данным переписи 1939 года, Очамчыра является и самым этнически абхазским городом страны (как по абсолютной численности абхазов, так и по их удельному весу в населении). Незначительная доля армянского, греческого и прочего населения также является отличительной особенностью этнического облика городов Восточной Абхазии.

Согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года, общая численность населения Очамчыры равнялась 11684 человека, из которых абхазы насчитывали 2599 (22,2%) человек, грузины – 5071 (43,4%) человек, представители восточнославянских народов – 3045 (26,1%) человек (в том числе русские – 2649 человек, украинцы – 382 человека, белорусы – 14 человек), армяне – 294 (2,5%) человека, греки – 286 (2,4%) человек, турки[1] – 208 (1,8%) человек, остальные – 181 (1,5%) человек[2] (рис. 11).

[1] Значительную их часть, очевидно, составляли этнические лазы.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

Рис. 11. Удельный вес представителей основных этносов в населении Очамчыры (1939 г.).

Несмотря на указанные выше принципиальные отличия характера этнодемографического развития Очамчыры от городов Западной Абхазии в рассматриваемый период, нужно заметить, что доля славянского населения в межпереписной период 1926–1939 годов резко возросла и здесь. Распределение населения Очамчыры по родному языку в 1926 году выглядело следующим образом: из 3419 жителей города абхазский язык признали родным 777 (22,7%) человек, мегрельский – 1572 (46,0%) человека, грузинский – 493 (14,4%) человека, греческий – 214 (6,3%) человек, русский и украинский – 193 (5,6%) человека, армянский – 56 (1,6%) человек, турецко-османский – 55 (1,6%) человек, прочие языки – 59 (1,7%) человек[1] (рис. 12).

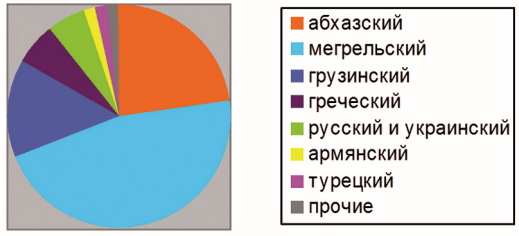

Рис. 12. Удельный вес носителей основных языков в населении Очамчыры (1926 г.).

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 103 раздела ССРГ.

Будущий город Ткуарчал в 1939 году был представлен двумя посёлками городского типа – Акармара и Куазан – в составе Очамчырского района. Статус города Ткуарчал получил в 1942 году[1]. Вектор этнодемографического развития Ткуарчала на раннем этапе сильно отличался от процессов, протекавших в других городах Восточной Абхазии, что объясняется непосредственной причиной его возникновения как крупного промышленного центра внутри аграрной предгорной абхазской глубинки. Исходя из общей логики этнодемографических процессов в новых промышленных городах СССР, Ткуарчал на раннем этапе своего развития закономерно аккумулировал значительное славянское население, которое будет долгое время преобладать в промышленной столице Абхазии. Причём на раннем этапе значительную долю населения города составляли украинцы, поскольку: «Донбасс оказал помощь Ткварчели… кадрами. В Ткварчели из Донбасса было прислано несколько партий квалифицированных рабочих»[2]. Украинское население Ткуарчала продолжало расти и в годы Великой Отечественной войны. Л.М. Прицкер отмечает, что «во время оккупации Донбасса в Ткварчели было эвакуировано много донецких горняков, которые оставили заметный след в жизни города…»[3]. Вместе с тем со второй половины XX века начнётся параллельное увеличение абхазского и грузинского населения города, однако уже с начала 1970-х годов наметится опережающий рост доли абхазов при постепенном сокращении удельного веса грузин. Находящийся «в тылу» гомогенного массива абхазских селений, именно Ткуарчал, а не Очамчыра, возьмёт на себя роль урбанизационного центра абжуйских и частично самурзаканских[4] абхазов. К моменту распада СССР Ткуарчал и Гудаута будут двумя городами Абхазии с относительным аб-

[1] Акаба Л.Х. Указ. соч. С. 52.
[2] Там же. С. 51.
[3] Город в горах. Сухуми, 1971. С. 99.
[4] Жители абхазских самурзаканских сёл Река, Агубедиа и Первая Бедиа.

хазским этническим большинством. В свете вышеописанного неудивительна и та особая роль, которая будет уготована этим городам в ходе Отечественной войны народа Абхазии.

Рассмотрим этнический состав посёлков Акармара и Куазан по данным переписи 1939 года суммарно. Общее число жителей двух посёлков городского типа составляло 8434 человека, в том числе абхазы – 691 (8,2%) человек, представители восточнославянских народов – 6684 (79,3%) человека (из них русские – 5265 человек, украинцы – 1378 человек, белорусы – 41 человек), грузины – 646 (7,7%) человек, армяне – 99 (1,2%) человек, адыгейцы – 64 (0,8%) человека, греки – 35 (0,4%) человек, остальные – 215 (2,5%) человек[1] (рис. 13).

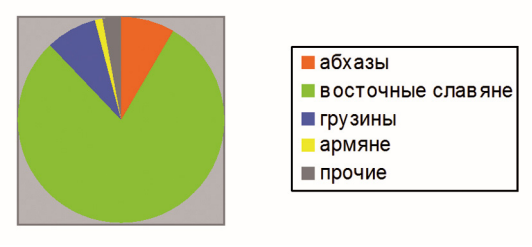

Рис. 13. Удельный вес представителей основных этносов в населении пгт Акармара и Куазан суммарно (1939 г.).

Гал, получивший городской статус в 1932 году, изначально имел резко отличный от других городов Абхазии вектор этнодемографического развития. Выросший из большого самурзаканского села и находящийся в центре тогда уже мегрелоязычного Самурзакана, Гал будет развиваться как этнически мегрельский город. Отдалённый от основных индустриальных и туристических районов Абхазии, Гал не мог стать центром притяжения русского населения. В силу географического положения у города также не было никаких шансов стать центром урбанизации абхазского населения Очамчырского района, тем более, что такую роль не смогла взять на себя и сама Очамчыра. Несмотря на вышеописанное, в 1939 году процент абхазского населения Гала был даже выше, чем в Сухуме и Гагре. Местное абхазское население, по всей видимости, было представлено почти исключительно коренными самурзаканскими абхазами, этнокультурная и, самое главное, «документальная» ассимиляция которых на момент проведения переписи 1939 года ещё не была завершена окончательно.

По данным Всесоюзной переписи 1939 года, население Гала равнялось 3847 человек, из которых абхазы составляли 5,8% (223 человека). Бóльшую часть населения города составляли грузины – 3074 (79,9%) человека. Представителей восточнославянских народов вкупе было 483 (12,6%) человека (в том числе русских – 401 человек, украинцев – 81 человек, белорусов – 1 человек), армян – 18 (0,5%) человек, немцев – 10 (0,3%) человек, греков – 9 (0,2%) человек, остальных – 30 (0,8%) человек[1] (рис. 14).

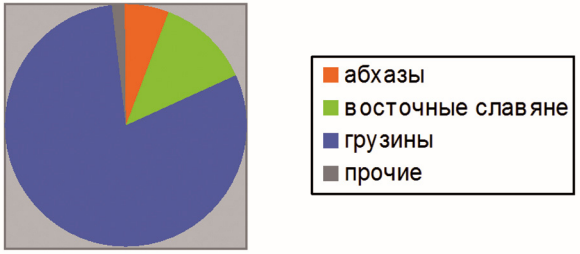

Рис. 14. Удельный вес представителей основных этносов в населении Гала (1939 г.).

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

[1] Там же.

ГРУЗИНИЗАЦИЯ СУХУМА

Хронологической границей первого и второго этапов этнодемографической истории Сухума нами был определён 1937 год. Поэтапное понижение политического статуса Абхазии, смерть Нестора Лакоба, начало политических репрессий и последовавшая за ними всесторонняя грузинизация Абхазии[1] непосредственно отразились и на динамике этнических процессов как в республике в целом, так и в её столице. Именно с этого времени начался новый этап этнодемографической истории города, который может быть охарактеризован как *«грузинизация Сухума»*. Несмотря на изменение политической конъюнктуры после смерти Сталина и XX съезда партии, общий вектор этнодемографического развития Сухума, заданный в сталинско-бериевский период, будет оставаться доминирующим вплоть до осени 1993 года.

Из-за войны следующая после 1939 года перепись населения была проведена только в 1959 году. Двадцатилетний межпереписной период ознаменовался революционными сдвигами в этнической структуре населения Абхазии. Определяющее влияние на столь резкие перемены оказало плановое переселение в страну западногрузинских крестьян и выселение греков из Абхазии.

Начиная с постмахаджирского периода, когда до того этнически практически гомогенная территория Абхазии теряет бóльшую часть коренного населения и превращается в площадку полиэтнической колонизации, и вплоть до 1992 года

[1] Показательно, в частности, что этнический состав принятых в Абхазскую областную организацию Компартии Грузии в 1949 году выглядел следующим образом: из 636 человек 68,6% составляли грузины, 16,8% – русские, 8,8% – армяне, 3,6% – абхазы и 2,2% – прочие [Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers, 2007, Vol. 35, №2. С. 222].

происходит непрекращающийся механический прирост грузинского населения страны. В целом рост грузинского населения Абхазии за указанный период происходил трёмя путями:

1) *миграционный прирост,* происходивший за счёт притока населения преимущественно из районов Западной Грузии, начиная со второй половины XIX века и вплоть до грузино-абхазской войны;

2) *ассимиляционный прирост* – увеличение численности грузинского населения Абхазии за счёт ассимиляции большей части самурзаканских абхазов;

3) *естественный прирост* как уже осевшего в Абхазии грузинского населения, так и вновь прибывавших мигрантов. Учитывая стотридцатилетнюю историю существования компактных грузинских поселений в постмахаджирской Абхазии, естественный прирост грузинского населения на протяжении всего этого периода, конечно, имел место, но определить его абсолютные количественные характеристики не представляется возможным ни для территории *«Несамурзаканской Абхазии»*, где на него накладывался постоянный миграционный прирост, ни для территории Самурзакана, где помимо миграционного и естественного происходил и ассимиляционный прирост картвельского населения.

Переселение жителей Западной Грузии в Абхазию в XIX–XX веках происходило по двум основным векторам, не связанным между собой организационно, но, тем не менее, никогда не шедшим в отрыве друг от друга.

Первый путь – переселение, инспирированное властями и, соответственно, преследовавшее определённые государственные цели; *второй путь* – неорганизованная, «самочинная» миграция, вызванная, как правило, экономическими причинами, но по крайней мере после 1917 года уже не идущая вразрез с интересами государственной власти (будь то ГДР или советская Грузия), а наоборот, дополняющая организованную переселенческую политику.

Всего за последние 150 лет властями (сначала российскими имперскими, затем грузинскими периода ГДР и, наконец, советскими) было организовано три крупные волны переселения грузинского населения в Абхазию. Между собой их объединяет, помимо несомненного наличия в каждом случае преследуемых государством конкретных целей, сам контингент переселенцев: во всех трёх случаях это сельское население – уроженцы Мегрелии и других регионов Западной Грузии.

В то же время неорганизованная миграция населения из районов Западной Грузии в Абхазию происходила, как уже отмечалось, перманентно, охватывая не только сельское, но и городское население районов выбытия, и, соответственно, конечной целью подобной миграции были в том числе и городские центры Абхазии. Спонтанный характер миграции, однако, не означает, что она не имела никакой государственной поддержки. Так, в сталинско-бериевский период были созданы все условия, благоприятствующие переселению именно грузинского населения в Абхазию. Неорганизованная миграция грузинского населения в Абхазию не прекращалась с XIX века и вплоть до 1992 года, охватывая в том числе и периоды планового переселения грузинских крестьян.

Плановое переселение, в отличие от неорганизованного, способствовало резкому, скачкообразному росту грузинского населения и изменению этнодемографической ситуации в краткие сроки как в Абхазии в целом, так и в отдельных районах в частности.

Плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Абхазию началось в 1937 году по личной инициативе Л. Берия и осуществлялось поначалу Наркомземом Грузии. Только с 1939 года после соответствующего постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР руководство переселением перешло к Переселенческому управлению при СНК СССР и его местным подразделениям: трестам «Грузпереселенстрой» и «Абхазпереселенстрой».

Плановое заселение крестьян из Западной Грузии производилось в сельские местности всех без исключения районов Абхазии, но основными районами вселения были Очамчырский, Гудаутский и Гагрский (первые два – этнически абхазские, последний – «стратегический», пограничный с Россией, где доля грузинского населения до того была невелика), что иллюстрирует цели, поставленные организаторами этого мероприятия[1]. После депортации греков и представителей ряда других народов в 1949 году мегрельских крестьян стали вселять в покинутые прежде всего греческим населением сёла Центральной Абхазии[2].

В Грузинской ССР переселение также охватило:

1) *горные районы Восточной Грузии,* жителей которых переместили в Кахетию, Тианети, под Тбилиси и в присоединённые к Грузии после выселения коренных жителей районы Чечено-Ингушетии;

2) *горные области Западной Грузии,* население которых, помимо Абхазии, переселялось в Аджарию, Месхетию, Борчало, Карачай и Приэльбрусье;

3) *горные районы Южной Имеретии,* жителей которых переселяли в заболоченные районы Мегрелии.

Абсолютное большинство грузинских крестьян, планово переселённых в Абхазию в сталинско-бериевский период, происходило из четырёх исторических областей Западной Грузии: *Мегрелии, Сванетии, Рачи и Лечхума*. Небольшая часть переселенцев также была родом из Имеретии и Месхетии.

Г.П. Лежава указывает на наличие двух целей переселенческой политики в Абхазии: экономической и ассимиляторской. Автор, в частности, отмечает, что «научно неоправданно полностью сбрасывать со счетов народнохозяйственное значение этой организованной миграции»[3]. Исключительно

[1] См.: Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.: Сб. материалов. Сост.: Сагария Б.Е. (отв. ред.), Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Сухум, 1991.
[2] Лежава Г.П. Указ. соч. С. 24.
[3] Там же. С. 23.

экономическими причинами объясняет плановое переселение западногрузинских крестьян в Абхазию З.В. Папаскири, рассматривая данное мероприятие в качестве составной части общесоюзной переселенческой политики, абсолютно аналогичное большинству других эпизодов массового организованного переселения в СССР, кроме депортаций по этническому признаку[1].

На наш взгляд, ключевым вопросом является не определение того, имела ли место экономическая составляющая при проведении данной кампании (в подобных мероприятиях она по определению не может отсутствовать), а то, какая из целей являлась для её организаторов мотивирующей, основополагающей и приоритетной. А таковой, очевидно, была ассимиляторская.

Руководствуясь в первую очередь экономической целесообразностью, агенты переселенческой политики вряд ли стали бы подбирать контингент переселенцев исключительно из среды этнических картвелов, а в качестве мест вселения выбирать в первую очередь этнически абхазские районы и другие территории с отсутствием компактного грузинского населения. Т.А. Ачугба, описывая особенности географической локализации переселенческих посёлков, в частности, отмечает: «во-первых, большинство спецпоселений было построено в трех районах – Очамчырском, Гудаутском и Гагрском, где проживала подавляющая часть абхазского населения. Во-вторых, переселенческие поселения вначале локализовались на прибрежной полосе, т.е. на территориях важных, как в экономическом, так и в военном отношении, вдоль автомобильных и железнодорожных магистралей…»[2].

Показательно и то, что при массовом переселении жителей предгорных районов Мегрелии в Абхазию, в равнинные районы самой Мегрелии в нижнем течении Риона переселяли имеретинцев. А после возвращения из депортации карачаевцев и балкарцев, сваны и рачинцы, расселённые на их землях, вместо возвращения на родину, были перемещены в Абхазию: в село Хяцха (Чубурхиндж) Галского района, село Охурей Очамчырского района и село Мкялрыпш Гагрского района[1].

В качестве основного людского ресурса при проведении демографической колонизации Абхазии были использованы мегрелы. По всей вероятности, помимо географической близости Мегрелии к Абхазии, немаловажную роль в подборке колонистов сыграло этническое происхождение идейного вдохновителя и непосредственного руководителя данной кампании Л. Берия. Парадоксально, что мегрельский этнос, именно в рассматриваемый период активно подвергавшийся институциональной и языковой грузинизации, был выбран в качестве основной страты для грузинизации абхазов. Не владеющее в своей массе грузинским языком и не принявшее окончательно грузинской идентичности мегрельское крестьянство было призвано оказать решающее воздействие на аккультурацию Абхазии, введение её в грузинское этнокультурное пространство. Эта политика не явилась новацией сталинско-бериевского периода, так как её фундамент был заложен ещё в царское время, когда деятели грузинского национального движения, пытаясь инкорпорировать Абхазию в границы складывавшейся в их умозрительных построениях, но не существовавшей в реальности «идеальной Грузии», задействовали с этой целью мегрельский элемент. Интересно, однако, что Т. Гордадзе, характеризуя данный исторический эпизод, помещает Мегрелию по степени владения её населением грузинским языком в один ряд с Абхазией: «Грузинская Православная церковь выступала в роли союзника грузинского национального движения и способствовала внедрению грузинского языка там, где на нём практически не говорили (в Абхазии, Мегрелии, Сванетии и т.д.)»[2].

[1] Папаскири З. Абхазия. История без фальсификации. Тбилиси, 2010. С. 278.
[2] Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв… С. 212.

[1] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 276.
[2] Гордадзе Т. Указ. соч. С. 57.

Не изменилась ситуация и в первые десятилетия после установления советской власти. В этой связи представляет интерес *«Доклад об итогах обследования ССР Абхазии по национальному вопросу»*, выявленный нами в Государственном архиве Российской Федерации. Доклад по итогам командировки в Абхазию был составлен весной 1929 года в городе Баку азербайджанским партийным работником Сеидом Кадыровым на имя некоего товарища Ибрагимова. Обследование Абхазии по национальному вопросу было произведено С. Кадыровым по поручению закавказского отдела Центральной контрольной комиссии ВКП(б), которую в тот период возглавлял С. Орджоникидзе. В докладе, проходившем под грифом «совершенно секретно», в частности, имеются следующие положения: «… по возвращении из Абхазии я остановился на несколько дней в Зугдидском уезде, на совещании руководящих работников уезда, где обменивались мнениями не только о Гальском уезде, но и вообще вопросами культурной и хозяйственной жизни Зугдидского уезда. Население Зугдидского уезда составляет 130000 человек, исключительно мингрельцев, причем они имеют свой язык, свои обычаи, свои нравы, в значительной степени отличающиеся от грузинских и абхазских. Ещё в [19]25 году со стороны мингрельцев начались требования, чтобы в школах преподавание велось на мингрельском языке, чтобы на мингрельском языке велось делопроизводство и судоговорение во всех организациях и т.д. Тогда же группа работников-мингрельцев требовала автономию для Мингрелии. Была выделена комиссия с участием представителей ЦК КП(б) Грузии и после длительного изучения этого вопроса 25-го августа, на Президиуме ЦК КП(б) Грузии, совместно с Президиумом Заккрайкома, было вынесено постановление (протокол №67), отклоняющее требование об автономии Мингрелии и предлагающее ликвидировать неграмотность среди взрослого населения на мингрельском языке, судоговорение и делопроизводство перевести на мингрельский язык и как вспомогательный предмет в первых группах школ 1-ой ступени ввести мингрельский язык… Отсутствие достаточного внимания не могло не вызвать, особенно за последнее время, среди мингрельского крестьянства и среди руководящих работников этих уездов самой открытой борьбы против руководства Грузии, не могло не вызвать борьбы с политикой Грузии, проводимой в уездах с мингрельским населением, а в частности, в Зугдидском уезде»[1].

Далее автор доклада описывает недовольства, высказанные крестьянами Зугдидского уезда относительно ассимиляторской политики властей Грузии по отношению к мегрельскому народу: «…когда мною в Зугдидском уезде в воскресный день было созвано крестьянское собрание, на которое явилось около 300 человек, представителей почти всех селений Зугдидского уезда, и где был поставлен ряд практических вопросов (…), вокруг которых я просил крестьян высказаться, все эти вопросы были забыты, оставлены в стороне, и, главным образом, говорили о недостаточно чутком внимании Грузии к Зугдиду, о недостаточной работе по поднятию культурного уровня мингрельского населения, благодаря неправильной политике вышестоящих организаций. Один крестьянин сказал примерно следующее: “мингрельцы не имеют своей республики. Грузия и Абхазия после советизации получили автономию, благодаря чему они делают всё только для себя. А вот, мы, мингрельцы, непонимающие грузинского и русского языка, не имеющие своей автономии, не можем поднимать своего культурного уровня. Грузия ведет политику затирания лица мингрельского населения путём дробления его по отдельным территориям, по отдельным республикам и по отдельным уездам”. Другой крестьянин, выступая, говорит: “Разве когда-либо партия и советская власть говорили о том, что отдельные народности не могут изучать своего родного языка, иметь свою культуру. Мы не хотим быть высококультурными на грузинском языке, мы

[1] ГАРФ, ф. 3316. Оп. 64. Д. 775. С. 93–95.

пока что хотим быть культурными на своем родном языке”… Повторяю, это выступление вызвало целый взрыв одобрительных возгласов, я бы сказал, не совсем лестных для Грузии»[1].

В итоге докладчик резюмирует: «Разве это не говорит о том, что со стороны грузинских организаций имеется неправильная линия, которая приводит в такое озлобленное настроение мингрельское крестьянство… Политика же Грузии в мингрельском вопросе не соответствует духу решений XII-го Партсъезда по национальному вопросу, где говорится об усилении культурно-просветительской работы среди отдельных отсталых народностей Советского Союза, потому что решения XII-го Партсъезда говорят о том, что через развитие культуры этих народностей, нужно приобщить их к общей пролетарской культуре, между тем как в данном случае имеется явное препятствие развитию культуры мингрельцев, которые имеют свой язык… По имеющимся у меня сведениям, среди населения Зугдидского уезда подписчиков газет на грузинском языке можно счесть по пальцам, ибо крестьяне не знают и не понимают грузинского языка»[2].

Пример Абхазии по рассматриваемому вопросу не является исключительным. Спланированное властями демографическое освоение «проблемной» территории представителями доминирующей этнокультурной группы характерно и для других государств, в особенности же, с тоталитарной системой управления. В этой связи неудивительно, что демографическая колонизация Абхазии, как часть общей схемы грузинизации республики, была осуществлена именно в период правления Сталина, хотя первые попытки имели место в период оккупации Абхазии войсками ГДР. Как правило, формальным поводом к массовому заселению того или иного региона представителями «государствообразующего этноса» служит нехватка трудоспособного населения в местах вселения в условиях

[1] Там же. С. 95, 96.
[2] Там же. С. 97.

форсированной индустриализации. Так, китайское правительство до сих пор осуществляет политику заселения ханьцами Синьцзяна и частично Тибета. Испанское правительство времён Франко в ходе активной индустриализации страны в 1950–1970-е годы способствовало массовому переселению кастильскоязычного населения в Страну Басков и Каталонию[1].

В Абхазии, в отличие от вышеназванных регионов, массовое плановое переселение происходило не в городские центры, а преимущественно в сельскую местность, и, соответственно, формальным поводом к нему послужила необходимость форсированного развития сельского хозяйства республики в условиях «землеизбыточности» и, как следствие, предполагаемой нехватки крестьянского населения. Кроме того, в абхазском случае агентом переселенческой политики и заинтересованной стороной было не государство в целом, а его составная часть – Грузинская ССР.

Между двумя советскими переписями населения 1939 и 1959 годов население Абхазии выросло с 311885 человек до 404738 человек, то есть на 29,8%. В этот период естественное воспроизводство населения в целом по СССР было замедлено вследствие известных негативных явлений, имевших место в стране. Массовые политические репрессии, голод, огромные

[1] Менее чем за двадцатилетний период между 1951 и 1970 годами в Каталонию переселилось 1160000 выходцев из других регионов Испании, преимущественно андалусийцев [Conversi D. Immigration and statelessness: Political Participation of Immigrants and their Descendants in Catalan and Basque Mobilizations (1959–1978). Turin, 2002. C. 6]. Переселенцы, как правило, оседали в пределах Барселонской городской агломерации и в ряде других крупных центров, таких как Таррагона. К 1970 году 37,7% населения Каталонии родилось за пределами региона. В 1975 году мигранты составляли 39% населения Барселоны. Наибольшая концентрация переселенцев наблюдалась в рабочих пригородах Барселоны. В 1981 году в городе *Санта-Кулома-да-Граманет* они составляли 78,7% населения, а в городе *Курнальяда-Льюбрагат* – 78,4% [Там же. С. 27]. В это число не входят дети мигрантов, родившиеся уже в Каталонии. В Стране Басков бóльшая часть мигрантов происходила из Кастилии, Андалусии и Эстремадуры.

военные и гражданские потери населения во время Великой Отечественной войны привели к замедленному росту населения в межпереписной период. Так, население РСФСР выросло только на 7,4%, население Грузинской ССР – на 14,2%, что, однако, вдвое меньше, чем рост населения Абхазии в данный период. Очевидно, что на столь высокий прирост населения Абхазии в рассматриваемое время оказала первоочередное влияние переселенческая политика, наглядным подтверждением чему служат данные о приросте представителей отдельных этносов Абхазии (см. табл. 1).

Табл. 1. Динамика роста основных этносов Абхазии по данным переписей 1939 и 1959 годов[1].

	1939 год	1959 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	311885	404738	92853	+29,8
абхазы	56197	61193	4996	+8,9
армяне	49705	64425	14720	+29,6
русские	60201	86715	26514	+44,0
грузины	91967	158221	66254	+72,0
греки	34621	9101	-25520	-73,7
прочие	19194	25083	5889	+30,7

Несмотря на то что плановое переселение крестьян производилось в основном в сельскую местность, это мероприятие в долгосрочной перспективе отразилось на изменении этнической ситуации в Сухуме и других городах Абхазии, поскольку урбанизационные процессы в Абхазии во второй половине XX века затронули всё сельское население республики (и далеко не в последнюю очередь грузинскую его часть).

[1] Составлено нами по источникам: 1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года… С. 140; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.

Кроме того, помимо планового переселения западногрузинских крестьян, в рассматриваемый период имели место как массовое переселение этнических грузин из Грузии во все города Абхазии, так и урбанизация уже проживавшего в Абхазии картвельского населения, что оказало непосредственное влияние на опережающий механический прирост именно грузинской общины Сухума в последующие десятилетия. Росту грузинского населения города в 1950-е годы в немалой степени способствовало также освобождение значительной части жилищного фонда вследствие выселения греческого населения столицы[1]. При этом лучшая недвижимость, ранее принадлежавшая этническим грекам, как правило, переходила в собственность представителей партийного и государственного руководства Абхазии, переведённых на новую работу из районов Грузии[2].

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 года, в Сухуме проживало 64730 человек. Абхазов в городе насчитывалось 3647 (5,6%) человек. Русское и украинское население по-прежнему составляло самую многочисленную группу – 26575 (41,1%) человек (в том числе русских – 23819 человек, украинцев – 2756 человек). Численность грузин достигла 20110 (31,1%) человек. Армян в городе было 6783 (10,5%) человека, греков – 3141 (4,9%) человек. Численность евреев без грузинских евреев составляла 1281 (2,0%) человек. По всей вероятности, число грузинских евреев было примерно таким же или чуть меньшим, поскольку всего в Абхазии проживало 1400 грузинских евреев[3], а основная их масса была сконцентрирована в Сухуме. Суммарная численность прочих народов, включая грузинских евреев, составляла 3193 (4,9%) человека[4] (рис. 15).

[1] См. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв… С. 230, 231.
[2] Иоаниди Н.Н. Указ. соч. С. 51, 52.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-д.
[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572.

Рис. 15. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1959 г.).

За двадцатилетний межпереписной период в этнической структуре населения Сухума произошли существенные изменения, ознаменовавшие переход к новому этапу этнодемографической истории города. Население столицы выросло на 20440 человек, при этом 55,3% прироста обеспечили грузины, а их численность увеличилась на 128,2%, в то время как русские и украинцы, оставаясь пока самой многочисленной группой, обеспечили всего 29,2% от общего прироста, а их суммарная численность увеличилась только на 28,9% (табл. 2).

Табл. 2. Динамика численности основных этносов Сухума по данным переписей 1939 и 1959 годов[1].

	1939 год	1959 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	44290	64730	20440	+46,2
абхазы	2415	3647	1232	+51,0
русские и украинцы	20613	26575	5962	+28,9
грузины	8813	20110	11297	+128,2
армяне	4322	6783	2461	+56,9

[1] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-д.

греки	4990	3141	-1849	-37,1
прочие	3137	4474	1337	+42,6

Все последующие советские переписи населения будут демонстрировать лишь углубление и интенсификацию начавшихся в середине XX века процессов. Среди основных тенденций, наметившихся в указанный период, можно выделить стабильное уменьшение доли славянского населения, резкое увеличение доли грузин, столь же резкое сокращение удельного веса греческой общины города, связанное с тем, что из депортации вернулась лишь часть сухумских греков. Процент абхазского населения столицы почти не изменился, однако уже с 1960-х годов наметится постоянный рост численности и доли абхазов в Сухуме, хотя в целом удельный вес абхазов будет незначительным вплоть до 1993 года. При этом доля армянского населения в Сухуме отличается удивительной стабильностью, колеблясь в пределах 9–11% на протяжении всего советского периода. И даже после Отечественной войны народа Абхазии удельный вес армянского населения в столице практически не изменится.

По данным переписи 1959 года, 86,5% сухумских абхазов признали абхазский язык в качестве родного, в то время как 11,5% указали русский язык, 1,9% – картвельские языки[1].

По данным переписи населения 1970 года, число жителей Сухума достигло 101798 человек. Абхазов насчитывалось 7355 человек, что составляло 7,2% населения города. Русские и украинцы суммарно по-прежнему оставались первой по численности группой, однако «отставание» грузин было символическим. И если рассматривать национальный состав столицы в тех категориях этнической номенклатуры, которые представлены непосредственно в материалах переписи, то грузины уже в 1970 году стали самой многочисленной этнической группой Сухума. Численность русских и украинцев составляла 35052 (34,4%) человека (в том числе 31220 русских и 3832 украинца), грузин –

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1567.

34560 (33,9%) человек, армян – 11664 (11,5%) человека, греков – 5998 (5,9%) человек, евреев (вместе с грузинскими евреями) – 3618 (3,6%) человек, остальных – 3551 (3,5%) человек[1] (рис. 16). Еврейская община города к 1970 году достигла своей максимальной численности. Но уже в течение следующего десятилетия еврейское население Сухума сократится более чем вдвое вследствие массовой эмиграции в Израиль.

Рис. 16. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1970 г.).

Всесоюзная перепись 1979 года иллюстрирует кардинальные изменения траектории количественной динамики основных этнических групп, произошедшие в течение 1970-х годов, хотя фундамент этих подвижек был заложен ещё в конце 1930-х годов. Впервые отмечается депопуляция славянского населения не только Сухума, но и всей Абхазии. Г.П. Лежава в качестве основной причины этого явления выделяет «сокращение потребностей промышленного развития региона»[2]. Очевидно, что выявление всего комплекса причин оттока славянского населения из Абхазии в 1970-е годы требует специального изучения, однако следует отметить, что аналогичные явления в рассматриваемый период имели место во многих «национальных окраинах» Советского Союза. Сокращение абсолютной численности и удельного веса славянского населения в Сухуме продолжится и в последующем. Численность и доля грузинского населения продолжают расти опережающими темпами, превратив грузин в самую многочисленную этническую группу города. В то же время увеличивается и абхазское население столицы.

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.
[2] Лежава Г.П. Указ. соч. С. 25.

По данным переписи 1979 года, население Сухума составляло 108337 человек. Абхазов было 10766 человек или 9,9% от всего населения. Грузинское население равнялось 41477 (38,3%) человек, русских и украинцев было 32289 (29,8%) человек (в том числе 28556 русских и 3733 украинца), армян – 11823 (10,9%) человека, греков – 7069 (6,5%) человек, евреев (включая грузинских евреев) – 1640 (1,5%) человек, остальных – 3273 (3,0%) человека[1] (рис. 17).

Рис. 17. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1979 г.).

Последняя Всесоюзная перепись населения была проведена в 1989 году, за несколько лет до распада СССР. Данные этой переписи отражают этнический состав населения Сухума перед Отечественной войной народа Абхазии 1992–1993 годов. Та композиция, которая явилась продуктом более чем вековой истории формирования сложной этнической мозаики населения абхазской столицы, знаменует собой завершение второго этапа.

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.

Десятилетний межпереписной период 1979–1989 годов характеризуется нарастающим ростом доли грузинского населения города, продолжающимся сокращением численности и удельного веса славянского населения, а также дальнейшим увеличением доли абхазского населения. Впервые с конца XIX столетия численность абхазов в городе превысила число армян. Процент грузинского населения Сухума достиг своего исторически зафиксированного максимума. По данным переписи 1989 года, в Сухуме проживало 119150 человек, из которых 14922 жителя были абхазами, что составляло 12,5% населения столицы. Грузин было 49460 (41,5%) человек, представителей восточнославянских народов вкупе – 30345 (25,5%) человек (в том числе 25739 русских, 4001 украинец и 605 белорусов), армян – 12242 (10,3%) человека, греков – 7355 (6,2%) человек, евреев (вместе с грузинскими евреями) – 1308 (1,1%) человек, цыган – 332 (0,3%) человека, татар – 330 (0,3%) человек, осетин – 315 (0,3%) человек, поляков – 286 (0,2%) человек, крымских татар – 278 (0,2%) человек, эстонцев – 204 (0,2%) человека. Численность представителей остальных этносов не превышала 200 человек[1] (рис. 18). В столице проживали представители 93 этносов, не считая тех, что не попали в основной список национальностей при разработке материалов переписи 1989 года.

Рис. 18. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (1989 г.).

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.

В целом период между переписями 1970 и 1989 годов характеризуется двумя разнонаправленными процессами: основной прирост населения Сухума формируется путём непрерывного увеличения численности грузинской общины, не только компенсирующего, но и почти троекратно перекрывающего депопуляцию славянского населения города. К данному периоду также относится начало активной урбанизации абхазов, число которых в столице в рассматриваемый период удвоилось. По темпам роста численности в последние десятилетия советской власти абхазы выходят на первое место среди основных этносов Сухума. В то же время по абсолютному численному приросту абхазы вдвое уступают грузинам. По объективным причинам удельный вес коренного населения в столице, несмотря на стабильное увеличение, всё ещё остаётся относительно незначительным. Менее динамично растёт численность греческого и армянского населения, тогда как еврейская община Сухума, активно вовлечённая в *алию,* неуклонно сокращается (табл. 3).

Табл. 3. Динамика численности основных этносов Сухума по данным переписей 1970 и 1989 годов[1].

	1970 год	1989 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	101798	119150	17352	+17,0
абхазы	7355	14922	7567	+102,9
русские и украинцы	35052	29740	-5312	-15,2
грузины	34560	49460	14900	+43,1
армяне	11664	12242	578	+5,0
греки	5998	7355	1357	+22,6
евреи	3618	1308	-2310	-63,8
прочие	3551	4123	572	+16,1

[1] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333; 2. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.

Несмотря на то что рост основных некоренных общин Абхазии происходил в том числе и путём механического прироста, естественный прирост этнически абхазского населения в республике был самым высоким. В 1989 году естественный прирост у абхазов составлял 1,2%, у грузинского населения Абхазии – 0,79%, у армянской общины – 0,85%, у русских же отмечалась естественная убыль – -0,3%[1].

Доля абхазок среди многодетных матерей Сухума в 1989 году также была выше процента абхазского населения в городе, в то время как у грузинской и армянской общин этот показатель был значительно ниже (табл. 4). Однако стоит учитывать, что часть многодетных матерей Сухума определённой национальности имела детей от представителей иной национальности, таким образом, их потомство, как правило, выбирало национальность отца.

Табл. 4. Многодетные матери Сухума в разрезе национальностей (1989 г.)[2]

	многодетные матери	всё население	разница, %
все	180 (100%)	119150 (100%)	0
абхазы	31 (17,2%)	14992 (12,5%)	+4,7
грузины	64 (35,5%)	49460 (41,5%)	-6,0
армяне	11 (6,1%)	12242 (14,6%)	-8,5
прочие	74 (41,1%)	42456 (35,6%)	+5,5

Если Сухум из многонационального города с преобладанием славянского населения превратился к концу советской эпохи в город с относительным преобладанием грузинского населения (при сохранении полиэтничной структуры), то в

[1] Демографический паспорт Абхазской АССР. Сухуми, 1990. С. 38.
[2] Там же. С. 43.

остальных городских поселениях Абхазии к 1989 году этнодемографическая ситуация складывалась по-разному. Можно выделить ряд общих закономерностей. Во-первых, практически во всех городах и посёлках городского типа наблюдается значительное увеличение доли грузинского населения. Во-вторых, общие контуры дивергенции городских поселений Западной и Восточной Абхазии по характеру их этнической структуры в целом сохраняются: несмотря на то что на западе происходит заметное усложнение этнической композиции, большинство городских поселений всё же сохраняет славянскую доминанту. В-третьих, Ткуарчал и Гудаута превращаются в преимущественно этнически абхазские города, хотя ни в одном из них доля абхазского населения пока не превышает 50%. В-четвёртых, численность и удельный вес абхазов постепенно увеличиваются в большинстве городов и посёлков городского типа Абхазии.

При изучении этнической пестроты территории советская этногеография оперировала и математическим аппаратом. Б.М. Эккелем в 1976 году был предложен интегральный показатель – *«индекс этнической мозаичности»* или *«индекс мозаичности национального состава»*. Автор указывает, что впервые вопрос о применении подобного показателя был поставлен В.В. Покшишевским, а первые расчёты были произведены Л.Ф. Моногаровой применительно к городам Таджикистана. Сравнение этнической мозаичности различных территорий по данному показателю представляет несомненный интерес, несмотря на то, что при подобных расчётах имеется возможность пользоваться только официальной этнической номенклатурой, представленной в материалах переписи, что несколько снижает практическую ценность полученных результатов. Автор провёл расчёты на основе итогов Всесоюзной переписи населения 1970 года для всех союзных и автономных республик, автономных областей, национальных округов, краёв, областей, столиц союзных республик и Ленинграда. Абхазия по данно-

му показателю находилась на четвёртом месте (0,744), уступая лишь Дагестану (0,864), Ташкентской (0,770), Кокчетавской (0,752) и Тургайской областям (0,750)[1].

Серьёзное влияние на динамику этнодемографической ситуации в Сухуме с начала 1960-х годов и вплоть до заката советской эпохи оказывали административно-территориальные преобразования и возникновение на западной окраине города жилого массива из многоэтажных многоквартирных домов, получившего неофициальное название *«Новый район»*[2], которое закрепилось за ним в официальном словоупотреблении лишь впоследствии[3]. На момент проведения Всесоюзной переписи населения 1959 года территория Сухума была примерно вдвое меньше нынешней. Расширение территории столицы путём включения в городскую черту прилегающих территорий Сухумского района наиболее активно проходило в 1960-е годы. Территориальному росту города сопутствовало увеличение его населения, как за счёт уже проживавших в инкорпорируемой сельской местности жителей, так и благодаря притоку новых горожан в активно застраиваемые и развивающиеся периферийные районы. Только за одиннадцатилетний межпереписной период 1959–1970 годов население столицы выросло на 37068 человек или на 57,3%. При этом 39,0% прироста обеспечили этнические грузины, 22,9% – русские и

[1] Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография, 1976, №2. С. 33–42.
[2] Несмотря на то что в обыденном восприятии большинства жителей столицы Сухум подразделяется на ряд исторически сложившихся районов (Центр, Маяк, Новый район, Старый посёлок, Водоканал, Вокзал, Депо, Турбаза, ВИЭМ, Кинопрокат, Синоп, Келасур и т.д.), официально ввиду сравнительно небольшой численности населения город не имел внутреннего районного деления в советский период. Не было произведено никаких административных преобразований в этом направлении и в послевоенное время.
[3] Даже в 1978 году в речи председателя исполкома Сухумского горсовета В.Т. Миканба для обозначения Нового района используется описательное «микрорайон на Лечкопском плато» [XXVIII конференция Сухумской городской партийной организации. Сухуми, 1978. С. 18].

украинцы, 13,2% – армяне, 10,0% – абхазы и 14,9% – представители других этносов.

Нынешняя восточная окраина Сухума – *Келасур* – ещё в середине XX века являлась сельским населённым пунктом в составе Ахалсопельского сельсовета Сухумского района. Так, в сборнике административно-территориального деления Абхазской АССР 1953 года указано, что местонахождением станции Келасури Закавказской железной дороги является село Келасури[1]. В 1959 году в данном селе проживало 1056 человек, преобладало грузинское население[2]. В середине 1960-х годов адресом Грузинского института субтропического хозяйства, в бывшем здании которого ныне располагается Абхазский государственный университет, значится село Келасури[3].

Район *Маяк*, находящийся на юго-западной окраине города, ещё в 1950-е годы являлся сельским населённым пунктом. По данным сельскохозяйственной переписи 1923 года, в селе Матросская Слобода (как тогда назывался Маяк) Гумистинской волости проживало 338 человек, из которых 52,8% составляли грузины, 34,9% – русские, 6,2% – греки, 0,9% – абхазы и 6,2% – представители прочих этносов[4]. По итогам Всесоюзной переписи 1926 года, в Матросской Слободе проживало уже 614 человек, в том числе 264 (43,0%) грузина, 191 (31,1%) русский, 58 (9,4%) украинцев, 7 (1,1%) греков и 79 (12,9%) представителей прочих этносов. Абхазов отмечено не было[5]. В двух сборниках административно-территориального деления Абхазии начала 1950-х годов указано село Шукура (грузинизированное

[1] Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. Сухуми, 1953. С. 22.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.
[3] Розенблит Г.А. Сухуми. Практический справочник туриста. Сухуми, 1966. URL: http://apsnyteka.org/file/Rozenblit_Sukhumi_Prakticheskiy_spravochnik_turista.pdf (дата обращения: 20.02.2017).
[4] Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года. Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925. С. 195.
[5] Административно-территориальное деление ССР Грузии. Тифлис, 1930. С. 166.

название Маяка, официально использовавшееся в позднесталинский период) Гумистинского сельсовета Сухумского района[1]. По данным переписи населения 1959 года, в селе Маяк Сухумского района проживало 963 человека, а численно преобладающей национальностью были грузины[2]. В источнике указано, что административно-территориальное деление дано по состоянию на 1 января 1960 года. Однако в сборнике административно-территориального деления Грузинской ССР на 1 мая 1960 года село Маяк в Гумистинском сельсовете уже не значится[3]. Таким образом, Маяк вошёл в городскую черту в начале 1960 года.

Одним из наиболее существенных факторов, оказавших влияние на этнодемографические изменения в Сухуме в 1960–1980-е годы, было строительство на ранее заболоченной и неиспользовавшейся в хозяйственных целях местности Нового района, призванного решить проблему с жильём у растущего населения абхазской столицы. Первые многоквартирные дома на западной окраине Сухума были введены в эксплуатацию в 1963 году. Особенно активизировалось строительство новостроек к 1967 году[4]. К концу 1980-х годов в пределах небольшого по площади Нового района проживала примерно четверть всех сухумчан. Жилой массив, численность населения которого перед войной, по всей вероятности, составляла около 30000 человек, аккумулировал в позднесоветский период преимущественно грузинское, а также русское и армянское население. Хотя доля этнически абхазского населения здесь была относительно невелика, именно в пределах Нового района в позднесоветский период оседает значительное число абхазов, переселяющихся из сельской местности. В.П. Пачулиа писал о Новом районе на закате советской эпохи следующее: «На Лечкопском плато – в промышленном микрорайоне города – размещается 25 тысяч жителей»[1].

Новый район и прилегающая сухумская периферия в позднесоветский период становятся зоной концентрации промышленных объектов. Здесь функционировали предприятия пищевой и лёгкой промышленности, а также деревообрабатывающий, асфальтобетонный, литейно-механический заводы, экспериментальный завод газовой аппаратуры и ряд других предприятий[2]. В 1967 году началось строительство первой троллейбусной линии, протянувшейся через весь город и связавшей Новый район с восточной окраиной города – Келасуром[3].

К середине 1970-х годов окончательно установились нынешние границы Сухума. Тот же В.П. Пачулиа в конце 1980-х годов отмечал следующее: «Город протянулся вдоль лунообразной Сухумской бухты на 15 километров от реки Келасури почти до реки Гумисты»[4].

К настоящему времени площадь территории Сухума составляет 21,0 км^2 и с 1977 года никаких изменений административных границ города отмечено не было[5].

СУХУМ – ЭТНИЧЕСКИ АБХАЗСКИЙ ГОРОД

Отечественная война народа Абхазии внесла революционные изменения в этническую структуру населения, полностью перекроив сложившуюся к 1992 году этническую карту стра-

[1] Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1951 год. Сухуми, 1951. С. 19; Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. С. 20.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799.
[3] Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1960 года. Тбилиси, 1960. С. 125.
[4] Газ. «Советская Абхазия», №56 (12650), 19 марта 1967.

[1] Пачулиа В.П. Сухуми – Акуа (От Диоскурии до наших дней). Историко-культурный очерк. Сухуми, 1989. С. 80.
[2] Там же.
[3] Газ. «Советская Абхазия», №52 (12646), 14 марта 1967.
[4] Пачулиа В.П. Указ. соч. С. 81.
[5] Абхазия в цифрах за 2014 год. Сухум, 2015. С. 3; См.: Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Тбилиси, 1988.

ны. В частности, бóльшая часть грузинской общины Абхазии, сформировавшейся за последние полтора столетия путём перманентной миграции преимущественно из районов Западной Грузии, покинула республику вместе с отступающими грузинскими войсками. Исключение составили жители исторического Самурзакана, основная часть которых вернулась в Абхазию к началу XXI века. В результате произошедших изменений абхазы впервые за долгое время вновь стали большинством населения страны.

Во время и после войны Абхазию покидает значительная часть русских, украинцев, греков, евреев, эстонцев и представителей других общин. В несколько меньшей степени этот процесс затронул не сильно урбанизированную армянскую общину Абхазии. Эмиграция частично затрагивает и этнических абхазов. Оккупация большей части территории страны в период войны, разрушение инфраструктуры, экономическая блокада Абхазии в 1990-е годы и сопутствующие трудности вызывают значительный отток населения. Процесс возвращения в послевоенную Абхазию этнических меньшинств начнётся не сразу, и он уже не будет иметь тотального характера.

Завершение войны запустило процесс резкой и бурной урбанизации абхазского этноса. Урбанизация в 1990-е годы была столь динамичной, что из преимущественно «сельского» народа абхазы превратились в преимущественно «городской». Массовая смена места жительства в долгосрочной перспективе обусловила и постепенную трансформацию многих элементов материальной и духовной культуры абхазского социума. Н.А. Дубова, ссылаясь на выводы А.Н. Ямскова, отмечает: «…ныне мы наблюдаем переломный момент в развитии абхазской народной культуры – из ещё недавно преимущественно сельской она превращается в переходную, сельско-городскую, и роль элементов общемировой урбанистической культуры, преимущественно в их российских формах, будет в ней только нарастать»[1].

[1] Дубова Н.А. Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008. С. 38.

Несмотря на то что уровень урбанизации абхазского этноса нарастал на протяжении всего советского периода, именно послевоенные 1990-е годы вывели этот процесс на качественно новый этап. В 1926 году только 3,7% абхазского населения Абхазии проживало в городских поселениях[1], в 1939 году – 13,5%[2], в 1959 году – 21,5%[3], в 1970 году – 31,6%[4], в 1979 году – 36,9%[5], в 1989 году – 43,9%[6], в 2011 году – 58,9%[7] (рис. 19).

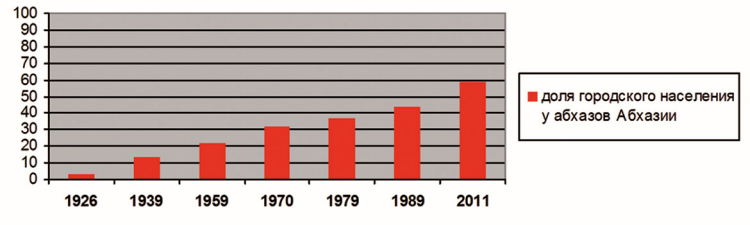

Рис. 19. Доля горожан среди абхазского населения Абхазии (по данным переписей населения).

Данные переписи населения 2011 года показывают относительно скромный рост уровня урбанизации абхазов по сравнению с довоенным периодом, не соотносящийся с объективными и вполне очевидными реалиями. Подобное может объясняться вероятностью двойного учёта населения, при котором в числе сельских жителей оказалось переписано определённое количество фактических горожан и *«полугорожан»*. Это мнение, высказанное А.Н. Ямсковым ещё применительно

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 23 раздела ССРГ.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572.
[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.
[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.
[6] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.
[7] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012. С. 108.

к учёту населения Республики Абхазия 2003 года[1], на наш взгляд, не менее актуально и в отношении данных переписи 2011 года.

Однако итоги переписи вполне отчётливо иллюстрируют другую закономерность послевоенного этнодемографического развития Абхазии: очень сильный рост доли абхазов в общем городском населении страны, вызванный как миграцией этнически абхазского населения из сельской местности, так и резкой депопуляцией неабхазского (в особенности – грузинского) населения городских поселений. Так, в 1926 году абхазы составляли только 6,4% городского населения Абхазии[2], в 1939 году – 8,6%[3], в 1959 году – 10,2%[4], в 1970 году – 11,4%[5], в 1979 году – 13,8%[6], в 1989 году – 16,5%[7], а в 2011 году – 59,3%[8] (рис. 20).

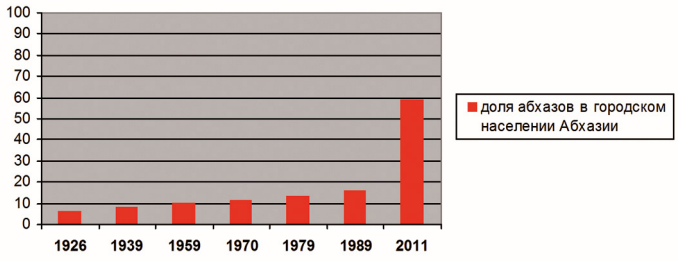

Рис. 20. Доля абхазов в городском населении Абхазии (по данным переписей населения).

[1] Ямсков А.Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии… С. 21.
[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 23, 24 раздела ССРГ.
[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999.
[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572.
[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333.
[6] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481.
[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273.
[8] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 108.

Ещё до войны уровень урбанизированности абхазов (47,1%) был выше, чем у грузинского населения Абхазии (40,8%). К настоящему времени доля горожан среди картвелов резко снизилась вследствие оттока большей их части из внутренних районов Абхазии и концентрации оставшихся в пределах слабо урбанизированной *Гальской зоны*[1]. По-прежнему относительно невысок процент горожан среди армянского населения, тогда как у греков и славян этот показатель в послевоенное время вырос (табл. 5).

Табл. 5. Процент городского и сельского населения у основных этносов Абхазии[2].

	1989 год		2011 год	
	городское, %	сельское, %	городское, %	сельское, %
всё население	47,1	52,9	50,4	49,6
абхазы	43,9	56,1	58,9	41,1
русские и укр.	75,3	24,7	79,4	20,6
грузины	40,8	59,2	25,1	74,9
армяне	32,0	68,0	34,0	66,0
греки	62,1	37,9	71,9	28,1

Фундаментальные этнодемографические сдвиги послевоенного времени закономерно отразились и на этнической структуре сельского населения Абхазии. Здесь депопуляция коснулась всех основных этносов страны, включая абхазов. При сравнении этнического состава сельского населения Абхазии с общей этнической композицией государства можно выявить ряд тенденций: во-первых, процент абхазского, славянского и греческого населения в сельской местности ниже,

[1] Термин введён А.Н. Ямсковым применительно к Галскому району в «старых границах», то есть в границах до 1994 года.
[2] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273; 2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 108.

чем по стране в целом; во-вторых, доля армянского и грузинского населения, соответственно, значительно выше (табл. 6).

Табл. 6. Этническая структура сельского населения Абхазии (по данным переписей 1989 и 2011 годов)[1].

	1989 год	2011 год	убыль, чел.
всё население	277518 (100%)	119450 (100%)	158068
абхазы	52321 (18,9%)	50257 (42,1%)	2064
русские и украинцы	21353 (7,7%)	4911 (4,1%)	16442
грузины	141931 (51,1%)	34822 (29,2%)	107109
армяне	52031 (18,7%)	27661 (23,2%)	24370
греки	5561 (2,0%)	389 (0,3%)	5172
прочие	4321 (1,6%)	1410 (1,2%)	2911

Помимо собственно урбанизации, первое послевоенное десятилетие ознаменовалось и общей фундаментальной перекройкой географии расселения абхазского этноса. Сосредоточенный на протяжении последних 120 лет преимущественно в пределах Бзыпской и Абжуйской Абхазии, после 1993 года абхазский народ этнически осваивает бóльшую часть территории страны. Исключение составляют Гальская зона, высокогорные регионы Псху и Аибга, предгорная полоса этнически армянских селений в Западной и Центральной Абхазии, а также верхняя часть Кодорского ущелья, до 2008 года не контролировавшаяся абхазскими властями. В 1939 году более половины абхазов Абхазии (50,9%) проживало в Очамчырском районе, 34,7% – в Гудаутском районе, а на остальной территории республики было сосредоточено только 14,4% абхазов. К 1989 году география расселения не подвергается значительной трансформации, её общие контуры сохраняются: бóльшая часть (72,2%) этнических абхазов по-прежнему проживает в пределах Бзыпской и Абжуйской Абхазии, тогда как в остальных регионах республики сосредоточено 27,8% абхазов. По данным переписи 2011 года, в Бзыпской и Абжуйской Абхазии совокупно сосредоточено уже меньше половины (43,9%) абхазского населения страны (рис. 21).

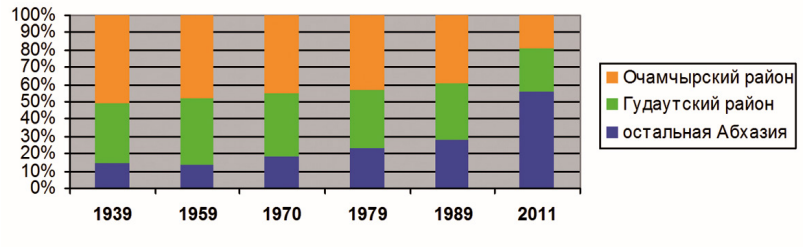

Рис. 21. Расселение абхазов внутри Абхазии (по данным переписей населения)[1].

Основными зонами притяжения населения после войны становятся: города Сухум, Гагра, Пицунда и Новый Афон; сельская местность между городом Гагра и границей с Гудаутским районом; сёла Сухумского района, непосредственно примыкающие к Сухуму и образующие вместе с городом своеобразную *квазиагломерацию*; прибрежная полоса Гулрыпшского района. Если Сухум – как столица и в силу своего географического положения – аккумулирует население как Бзыпской, так и Абжуйской Абхазии, то Гагрский район закономерно становится зоной притяжения преимущественно выходцев из Гудаутского района[2], в то время как в Гулрыпшском районе оседают в основном абжуйцы. Относительно послевоенных

[1] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273; 2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 108, 109.

[1] В 2011 году Очамчырский район рассматривается в старых границах (до 1994 года) вместе с Ткуарчалом; по данным советских переписей также вместе с Ткуарчалом.

[2] Однако послевоенная миграция из Абжуа не обошла стороной и Гагрский район.

этномиграционных процессов в последнем О.В. Маан пишет следующее: «Важной особенностью, характеризующей современные этнические процессы в Гулрыпшском районе, является приток населения Очамчырского и Ткуарчалского районов, как жителей из отдаленных предгорных сел, так и погорельцев – пострадавших в ходе военных действий. По материалам Администрации Гулрыпшского района за 2009 г., на постоянное место жительства из Очамчырского и Ткуарчалского районов переехали около трех тысяч абхазов: например, после событий 1992–1993 гг. почти 90% семей с. Арасадзых переселились в приморские районы Гулрыпшского района, – главным образом в сс. Уарча, Дранда, частично Гулрыпш, а также в г. Сухум. Основная причина почти полного опустошения с. Арасадзых в том, что сельчане находились в неудобных для жилья местах, и были вынуждены оставить село. Брошенные же во время и сразу после войны грузинские дома и квартиры были заселены выходцами, главным образом, из сел Очамчырского и Ткуарчалского районов. Многие армяне из села Лабра Очамчырского района также вынуждены были переселиться вследствие сожжения их жилищ в села Гулрыпшского района – Дранду, Пшап, Гулрыпш, а также Гагрский район, Адлер и т. д.»[1].

Благодаря заселению абжуйцами прибрежной полосы Гулрыпшского района, а также превращению Сухума в этнически абхазский город, фактически исчезла географическая разобщённость двух крупнейших абхазских этнографических групп, существовавшая более 120 лет, о чём также пишет О.В. Маан[2].

Миграционная подвижность абхазского этноса в рассматриваемый период характеризуется и внутрирайонным, и даже внутриселенным переселением. В подобных случаях, как правило, отмечалась тенденция к заселению покинутых грузинами сёл выходцами из близлежащих абхазских селений. Так, часть населения отдалённых предгорных сёл Очамчырского района переселяется ближе к трассе. Например, село *Араду* после войны заселили выходцы из более отдалённых от районного центра абхазских сёл (Отап, Тхина, Члоу, Моква)[1], но соединённых с первым одной транспортной артерией. Довоенное население Араду состояло преимущественно из лечхумцев, планово переселённых из Цагерского района Грузии в сталинско-бериевский период. По данным переписи 1989 года, в Араду проживал 1871 человек, а преобладающей национальностью являлись грузины[2]. Население Араду, как и жители соседнего лечхумского переселенческого села Цагера, принимало активное участие в боевых действиях на стороне Грузии и покинуло Абхазию осенью 1993 года. Согласно итогам переписи 2011 года, в Араду проживало 253 человека: 94,5% населения составляли абхазы, 2,8% – грузины, 2,0% – русские и украинцы и 0,8% – представители прочих этносов[3]. В 1938 году на западной окраине абхазского села Кындыг началось строительство переселенческого посёлка *Ахали-Киндги* (Новый Кындыг)[4], где были расселены выходцы из Мегрелии. В 1989 году в Ахали-Киндги проживало 3174 человека[5]. После окончания войны, когда бóльшая часть мегрелов покинула село, здесь начали расселяться жители абхазской части села Кындыг[6], особенно выходцы из низинного заболоченного посёлка Лепана[7]. Часть переселенческого посёлка *Новая Акуаскя,* покинутого мегрелами, была заселена жителями старого абхазского села Акуаскя. Дома рачинских переселенцев и их по-

1 Маан О.В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. Сухум, 2013. С. 48.
[2] Там же. С. 50.

[1] См.: Барганджия Р. Жить для людей // Газ. «Республика Абхазия», №32 (2777), 2012.
[2] Населенные пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.). С. 34.
[3] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 132.
[4] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 47.
[5] Населенные пункты и население Грузии… С. 34.
[6] Маан О.В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014. С. 124, 125.
[7] Записано со слов жителя села Кындыг И. Пачулия.

томков в селе *Лдзаа* Гагрского района, покинувших Абхазию во время войны, были распределены преимущественно между жителями этого же села[1].

Аналогичные миграции имели место и в Гудаутском районе. Так, А.Н. Ямсков приводит пример переселения жителей села *Хуап* в Лыхны и Гудауту[2]. Однако наиболее ярким свидетельством внутренних миграций в Гудаутском районе по линии «предгорная полоса – приморская зона» служит пример прибрежного села *Хыпста*, расположенного на трассе. До конца 1930-х здесь проживало абхазское население и некоторое число русских, работавших в овоще-цветоводческом хозяйстве. В 1937 году на территорию в устье реки Хыпста переселилось 60 хозяйств абхазов из Дурипша, а также меньшее число из Звандрипша, Мгудзырхуа и Блабырхуа. С 1939 года в село началось плановое переселение крестьян из Западной Грузии. В течение 10 лет с 1939 года по 1949 год сюда заселялись рачинцы, в 1944–1945 годах в селе поселились также мегрелы[3]. В итоге Хыпста превратилось в единственное село Гудаутского района с преобладающим грузинским населением. По итогам последней предвоенной переписи 1989 года, здесь проживало 2992 человека, из которых абхазами были лишь порядка 600 человек[4]. А по данным переписи 2011 года, абхазское население села составляло уже 1548 человек[5].

Некоторые грузинские переселенческие посёлки Очамчырского района на завершающем этапе войны подверглись полному разрушению. Это было связано с активным участием местного населения как в военных действиях на стороне Грузии, так и в военных преступлениях против жителей соседних

[1] Кузнецова Р.Ш. Быть абхазом (выбор этничности) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Выпуск I. Краснодар, 2013. С. 103.
[2] Ямсков А.Н. Социальная жизнь современного абхазского села // Абхазы. М., 2012. С. 497.
[3] Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР… С. 21, 22.
[4] Населенные пункты и население Грузии… С. 24.
[5] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 118.

абхазских сёл. Такая судьба постигла посёлки *Ахалдаба* и *Цагера*. Не были заселены и такие показавшиеся непривлекательными с точки зрения экономико-географического положения бывшие картвельские сёла, как *Кочара*, *Охурей* и мегрельская часть села *Кутол*.

Трения между абхазским и мегрельским населением Кутола начались ещё в конце 1980-х годов. Компактное мегрельское население появляется в Кутоле в начале 1950-х годов[1] в ходе кампании по плановому переселению западногрузинских крестьян в Абхазию. Мегрельский переселенческий посёлок, за которым позднее закрепилось неофициальное название *«Стройка»*[2], возникает на левом берегу реки Дгамш в местности Кяракян. Большинство переселенцев происходило из Цаленджихского и Чхороцкуского районов Грузии. К началу 1980-х годов около 30% населения Кутола составляли мегрелы, причём около 8% кутольских семей было представлено смешанными абхазо-мегрельскими[3]. В 1989 году часть мегрельской общественности села Кутол, в особенности молодёжь, под влиянием грузинских неформалов выступила с требованием разделения местного колхоза[4] и выделения мегрельской части села в самостоятельный сельсовет *Второй Квитаули*. Однако эти требования не были реализованы на практике.

Столь резкие пертурбации, произошедшие в столь короткий срок, серьёзнейшим образом отразились на всех сторонах жизни абхазского социума. Абхазский «урбанизационный взрыв» 1990-х годов, первопричиной которого стала кардинально изменившаяся политическая и этнодемографическая ситуация в стране после победы в войне с Грузией, вызвал частичный разрыв с привычной средой обитания у прежних жителей абхазских сёл, трансформацию социальных связей и социальных ролей. Всё это происходило на фоне резкого осложнения экономической ситуации. Н.А. Дубова отмечает: «в

[1] Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983. С. 62.
[2] Записано со слов учителя истории средней школы села Кутол Г.В. Цулая.
[3] Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 62.
[4] Басариа В.К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1995. С. 44, 45.

сложившихся условиях безработицы и отсутствия финансовых средств абхазы предпочли не массовую временную трудовую миграцию за пределы Абхазии (как, например, население Молдавии и Украины), а, переехав в города, сохранили тесную связь с селом…»[1].

В ходе внутриабхазской миграционной подвижности двух послевоенных десятилетий наиболее притягательной точкой на карте страны закономерно становится Сухум. Масштабность миграции абхазского населения в Сухум непосредственно после войны в решающей степени обусловлена высвобождением значительной части жилищного фонда. Абхазская столица после 1993 года выходит на качественно новый этап своего этнодемографического развития, аккумулируя в своих пределах более трети (34,7%) всех абхазов страны, тогда как до войны в Сухуме было сосредоточено 16% абхазского населения республики (рис. 22). Если же принять во внимание возможные неточности в географической локализации населения в ходе проведения переписи 2011 года, о которых говорилось выше, а также учитывая масштабные маятниковые миграции между районами страны и столицей, то процент абхазов, так или иначе вовлеченных в социокультурную жизнь города, будет значительно выше.

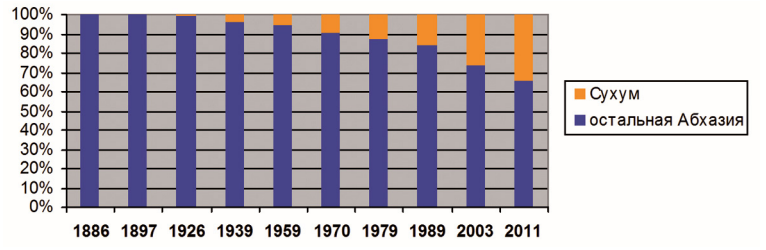

Рис. 22. Распределение абхазов по Сухуму и остальной Абхазии (по данным переписей населения).

[1] Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2012. С. 492.

Стоит также учитывать, что к фактическому населению абхазской столицы могут быть в полной мере отнесены жители сельской местности, непосредственно примыкающей к Сухуму и образующей вместе с ним своеобразную квазиагломерацию. Граница между городскими окраинами и соседствующими с ними частями таких сельских администраций, как *Баслата, Гумиста, Дзыгута, Мачара и Яштхуа,* в достаточной степени условна, и на уровне обыденного восприятия этот ареал устойчиво входит в географическое пространство столицы. В послевоенное время рассматриваемая территория, как и сам Сухум, становится зоной притяжения этнически абхазского населения. До 1993 года подавляющее большинство пригородных сёл имело смешанное грузино-армянское население со значительным славянским и греческим меньшинством. Компактное абхазское население на данной территории отсутствовало. Часть жилищного фонда, оставленного после войны грузинским населением, как правило, расположенного в непосредственной близости от административной границы города, была обжита выходцами преимущественно из Абжуйской Абхазии, наиболее пострадавшей в годы войны. Так, по данным переписи населения 2011 года, абхазы составляли 53,7% населения администрации села Баслата, 28,4% – села Гумиста, 23,7% – села Мачара, 17,7% – села Дзыгута, 8,5% – села Яштхуа[1].

В послевоенное время в Абхазии был проведён всеобщий учёт населения 2003 года и перепись населения 2011 года. При всех возможных изъянах и недочётах этих официальных мероприятий, их данные демонстрируют общие закономерности этнодемографического развития современного Сухума: превращение его в этнически абхазский город и продолжающийся активный приток абхазского населения в столицу в XXI столетии.

По данным учёта населения 2003 года, в Сухуме проживало 43716 человек, из которых 24603 (56,3%) человека были абхазами. Вторую по величине группу населения составляли представители восточнославянских народов, чья совокупная

[1] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 123–125, 128.

численность равнялась 9695 (22,2%) человек (в том числе 8902 русских, 712 украинцев и 81 белорус). В городе также проживало 5565 (12,7%) армян, 1847 (4,2%) представителей картвельских народов (в том числе 1761 грузин и 86 мегрелов), 677 (1,5%) греков, 196 (0,4%) цыган, 185 (0,4%) турок, 136 (0,3%) осетин, 100 (0,2%) татар, 65 (0,1%) эстонцев и 647 (1,5%) представителей других народов[1] (рис. 23).

Рис. 23. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (2003 г.).

Дальнейшее углубление начавшихся после войны этнодемографических процессов демонстрирует перепись населения Республики Абхазия 2011 года. Население Сухума увеличивается до 62914 человек, из которых абхазы составляют 42342 (67,3%) человека. Численность восточнославянского населения вкупе равна 10065 (16,0%) человек (в том числе 9288 русских, 697 украинцев и 80 белорусов), армян – 6192 (9,8%) человека, картвелов – 1755 (2,8%) человек (в том числе 1692 грузина, 58 мегрелов и 5 сванов), греков – 645 (1,0%) человек, цыган – 248 (0,4%) человек, турок – 217 (0,3%) человек, осетин – 215 (0,3%) человек, татар – 112 (0,2%) человек, эстонцев – 60 (0,1%) человек, прочих – 1063 (1,7%) человека[2] (рис. 24).

[1] Абхазия в цифрах. Сухум, 2005. С. 15.

[2] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 109; Абхазия в цифрах за 2014 год. С. 29.

Рис. 24. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (2011 г.).

Межпереписной период 1989–2011 годов характеризуется фундаментальной перекройкой этнической структуры населения Сухума. Население города сократилось практически вдвое. Резкое сокращение абсолютной численности в рассматриваемый период характерно для всех основных этносов столицы, кроме абхазов. Грузинская община Сухума, ставшая к концу советской эпохи (на финальной стадии грузинизации столицы), крупнейшей этнической группой города, прекратила своё существование как обособленная этнокультурная единица. Оставшееся в послевоенном Сухуме грузинское население, за редким исключением, представлено людьми, связанными родственными узами с абхазами. Подобное, хоть и в меньшей степени, актуально и для славянского населения города. Однако стоит учитывать, что российские военные и члены их семей, проживающие в военном городке в северо-западной части Сухума, не были охвачены переписью. Неудивительно, что для картвельского и славянского населения Сухума характерна искажённая гендерная структура: доля женщин у этих групп составляет соответственно 64,9% и 63,3%[1]. Абхазское население Сухума увеличилось почти втрое (табл. 7).

[1] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 109.

Табл. 7. Динамика численности основных этносов Сухума по данным переписей 1989 и 2011 годов[1].

	1989 год	2011 год	прирост, чел.	прирост, %
всё население	119150	62914	-56236	-47,2
абхазы	14922	42342	27420	+183,8
восточные славяне	30345	10065	-20280	-66,8
грузины	49460	1755	-47705	-96,5
армяне	12242	6192	-6050	-49,4
греки	7355	645	-6710	-91,2
прочие	5431	1995	-3436	-63,3

К сожалению, материалы переписи 2011 года не содержат сведений о возрастной структуре отдельных этносов как в Абхазии в целом, так и в пределах отдельно взятых административно-территориальных единиц. Однако эмпирические данные позволяют предположить, что для большинства этнических меньшинств Сухума характерна искажённая возрастная структура, вызывающая неуклонное демографическое старение, что при ограниченности миграционной подпитки и более активной, чем у абхазов, эмиграции определяет стабильное сокращение их удельного веса в населении столицы. Думается, не составляет исключения, вопреки довольно распространённым стереотипам, и армянское население Сухума. С 1994 года до 2009 года стабильный естественный прирост населения отмечается только у этнически абхазского населения страны. У армянской общины в 1995–2004 годах также отмечалось некоторое превышение числа родившихся над числом умерших, однако с 2005 года возобладала тенденция

[1] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273; 2. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 109; Абхазия в цифрах за 2014 год. С. 29.

естественной убыли населения[1]. Таким образом, при сохранении существующего вектора этнодемографического развития столицы в долгосрочной перспективе доля абхазского населения будет продолжать расти.

Наконец, по данным текущей статистики, на 1 января 2015 года население Сухума составляло 64202 человека. Этнический состав с момента проведения последней переписи практически не изменился: абхазы – 43209 (67,3%) человек, восточные славяне – 10272 (16,0%) человека (в том числе 9502 русских, 706 украинцев и 64 белоруса), армяне – 6292 (9,8%) человека, картвелы – 1861 (2,9%) человек (в том числе 1797 грузин и 64 мегрела), греки – 642 (1,0%) человека, цыгане – 257 (0,4%) человек, осетины – 193 (0,3%) человека, турки – 193 (0,3%) человека, татары – 128 (0,2%) человек, эстонцы – 64 (0,1%) человека, прочие – 1091 (1,7%) человек[2] (рис. 25).

Рис. 25. Удельный вес представителей основных этносов в населении Сухума (2015 г.).

Следующая диаграмма является попыткой визуализации рассмотренной выше статридцатилетней этнодемографической истории Сухума. Границы между выделенными нами этапами просматриваются на ней достаточно отчётливо. С нача-

[1] Хашба А.Ш. Этническое воспроизводство населения Абхазии (1992–2010 гг.) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012. С. 304–306.

[2] Абхазия в цифрах за 2014 год. С. 33.

ла 1930-х годов постоянно сокращается процент греческого населения. С конца 1930-х годов начинает стабильно падать удельный вес славянского населения, тогда как доля грузин с этого времени и до начала 1990-х годов непрерывно растёт. Ещё более выраженной предстаёт граница между вторым и третьим этапами, ознаменовавшая кардинальное изменение вектора этнодемографического развития столицы после войны 1992–1993 годов. Нехарактерным для других этнических общин города постоянством отличается удельный вес армянского населения, о чём уже упоминалось выше и что также хорошо видно на диаграмме (рис. 26).

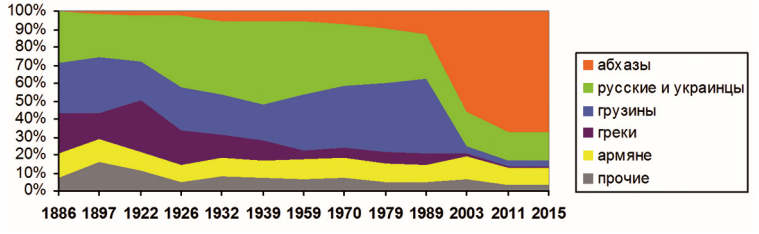

Рис. 26. Удельный вес представителей основных этносов Сухума (по данным переписей и учётов 1886–2015 годов).

Большой интерес для настоящего исследования представляет не только историческая динамика этнической структуры населения Сухума, но и особенности этнодемографической ситуации в различных районах города.

По данным городской избирательной комиссии на 2011 год, общее количество избирателей в Сухуме составляло 26832 человека[1]. В ходе подготовки к выборам в Городское собрание территория столицы была разделена на 26 округов. Несмотря на то что списки избирателей не очень точны, при отсутствии других, более конкретных данных, они представляются достаточно ценным этностатистическим источником. Примерный этнический состав избирателей, условно определённый на основе анализа фамильных имён, следующий: абхазы[1] – 15805 (58,9%) человек; армяне – 3867 (14,4%) человек; греки – 375 (1,4%) человек; картвелы[2] – 480 (1,8%) человек; представители народов Северного Кавказа – 240 (0,9%) человек; славяне, евреи, татары и представители прочих народов – 6065 (22,6%) человек.

Как видно, этнический состав избирателей несколько отличается от этнического состава населения Сухума по данным переписи, проведённой в том же году, несколько меньшей долей этнических абхазов и более высоким процентом основных этнических меньшинств. Данный факт можно объяснить отсутствием в списках несовершеннолетних граждан, среди которых процент абхазов, наоборот, повышен.

В то же время обращает на себя внимание сильное расхождение между количеством избирателей (26832) и общей численностью лиц от 20 лет и старше, постоянно проживающих в Сухуме, согласно данным переписи 2011 года (48472)[3]. Таким образом, более 22000 человек не попало в списки избирателей. Часть из них не оказалась в данных списках по техническим причинам, однако, это не может объяснить почти двукратной разницы. К тому же, по данным текущей статистики, наличное население Сухума на 1 января 2010 года составляло 45338 человек[4], а спустя год с небольшим (перепись 2011 года) увеличилось до 62914 человек, что также не может не вызывать вопросов. Ни в одной другой административно-территориальной единице Абхазии верхнего уровня в рассма-

[1] Списки избирателей предоставил Р.Е. Аджинджал.

[1] К абхазам отнесены все избиратели с фамилиями, встречающимися у абхазов, включая фамилии турецкого/лазского происхождения с окончанием «-оглы», большинство носителей которых имеют абхазскую идентичность.

[2] К картвелам отнесены носители только тех картвельских фамилий, которые, как нам известно, не встречаются у абхазов.

[3] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 46, 47.

[4] Абхазия в цифрах за 2010 год. Сухум, 2010. С. 25.

триваемый период не произошло скачкообразного изменения численности населения.

Более детальный анализ списков избирателей 2011 года позволяет выявить существенные различия в этнической композиции как крупных районов, так и отдельных улиц абхазской столицы. В целом для большинства районов столицы в настоящее время характерно абсолютное или относительное преобладание этнически абхазского населения. Несмотря на это, многие исторически сложившиеся районы города имеют свою этническую специфику.

Самый высокий процент этнических абхазов отмечен прежде всего в центральных районах города, что является следствием послевоенных миграционных процессов. Именно сюда после победы в Отечественной войне 1992–1993 годов в первую очередь устремляется поток внутренней миграции. Помимо очевидной привлекательности центра города, здесь в довоенный период было сконцентрировано картвельское население, покинувшее Абхазию после войны, и еврейское, греческое, славянское население, в большинстве своём выехавшее из страны в период грузинской оккупации столицы. В отдельных случаях в послевоенный период имело место полное или практически полное замещение населения в многоквартирных домах. Так, в одном из небольших многоквартирных домов в центре города, подавляющее большинство жильцов которого до войны составляли евреи и члены их семей, покинувшие Сухум преимущественно в период грузинской оккупации, после 1993 года поселились преимущественно этнические абхазы: как выходцы из регионов Абхазии, так и сухумчане, перебравшиеся из других районов города. В ряде избирательных округов в центре Сухума (№9, №12) доля абхазов превышала 70%, а в избирательном округе №7, охватывавшем северо-восточную часть исторического центра, отмечен максимальный показатель из всех 26 округов столицы – 74,5%.

Повышенной долей абхазского населения (71,8%) выделяется также район *Чанба*[1] (избирательный округ №5). Всего здесь было отмечено 254 избирателя. Любопытно, что именно он до войны отличался наибольшей концентрацией грузинского населения. После того как бóльшая часть картвельской общины покинула город, этот район, благодаря своей близости к центру и преобладанию частной застройки[2], закономерно аккумулировал максимальное число выходцев из этнически абхазской глубинки. На этом фоне вполне объяснимым представляется преобладание абхазского населения и в селе Баслата, фактически являющемся продолжением улицы Чанба и в обыденном восприятии как горожан, так и самих жителей села, зачастую рассматриваемом в качестве части этой городской окраины. В пределах района Чанба максимальной долей этнически абхазского электората отличаются улицы Дзигуа (100%) и Щеглова (90,0%). Однако и в данном районе имеются улицы с достаточно низким процентом избирателей-абхазов и повышенной долей избирателей-армян. Это улицы Подгорная и Патеипа, примыкающие к селу Баслата.

Близкая к средней по городу доля абхазского населения отмечена в трёх избирательных округах *Нового района*, где проживало 5916 избирателей. В округе №24 абхазы составляли 55,1% избирателей, в округе №25 – 56,8%, в округе №26 – 66,6%. В пределах Нового района было сконцентрировано 22,0% всех избирателей Сухума. Учитывая, что в этом районе проживает значительное число недавних выходцев из абхазской провинции, не имеющих постоянной регистрации в столице и, таким образом, не фигурирующих в списках избирате-

[1] Условное название района по наименованию главной улицы, к которой тяготеют менее крупные улицы и тупики. Пользуясь гидрологической терминологией применительно к урбанистической ситуации, можно сказать, что район Чанба представляет собой «бассейн улицы Чанба». Последняя выполняет функцию осевой артерии с многочисленными впадающими в неё «притоками».

[2] Немаловажный фактор при выборе нового места жительства в городе выходцами из сельской местности.

лей, процент наличного абхазского населения здесь должен быть более существенным. И если улица Чанба с прилегающим к ней окружением была заселена абхазами сразу после войны, то демографическое освоение Нового района, как потенциально менее привлекательной периферии, застроенной многоквартирными домами и достаточно сильно разрушенной в ходе боевых действий, значительно растянулось во времени. Любопытно также, что несколько улиц на восточной и юго-восточной окраинах Нового района имеют преимущественно армянское население. Так, этническими армянами являлись 79,0% избирателей в южной части улицы Северной, 74,4% – в северной части этой улицы и 67,5% – на улицах 2-й и 3-й Деповских совокупно.

Ещё один периферийный район на северо-западе Сухума – *Старый посёлок* (избирательный округ №23, где имелось 815 избирателей) – отличается большей этнической пестротой. Избиратели-абхазы, в 2011 году будучи крупнейшей этнической единицей, всё же не составляли подавляющего большинства (47,9%). Жителей со славянскими и близкими к ним фамилиями было 22,5%, армян – 17,6%, грузин – 2,6%, греков – 1,2%, представителей народов Северного Кавказа – 0,9%. Старый посёлок является местом компактного проживания цыганской общины. Избирателей, которые, по всей вероятности, могут быть определены как цыгане, в районе отмечено 7,3%. В пределах Старого посёлка расположен Северный проезд, где доля этнически армянского электората составляла 94,1%.

Ещё с советских времён повышенная доля славянского населения была характерна для таких районов, как Синоп на юго-востоке и Маяк на юго-западе. В пределах *Синопа* (избирательный округ №2, где было 563 избирателя) доля славян среди избирателей в 2011 году составляла 50,3%, что объясняется нахождением на территории данного района Сухумского физико-технического института, открытого ещё в 1950 году. Многоквартирные жилые дома для сотрудников института

были построены в непосредственной близости от него. Однако улица Зелёная, также расположенная в пределах Синопа и застроенная частными домовладениями, заселена преимущественно этническими армянами, которые составляют 78,8% из 33 зарегистрированных здесь совершеннолетних граждан. В прошлом эта улица представляла собой небольшое сельское поселение, именовавшееся «Армянским ущельем».

Доля славян среди избирателей района *Маяк*, занимающего довольно обширную территорию на одноимённом мысе и охватывавшего в 2011 году избирательные округа №14, №16 и №17, составляла 34,1%, доля абхазов – 40,4%, армян – 18,9%. Общее число избирателей в трёх округах района – 1803 человека. В округе №16, расположенном в центральной части Маяка, славяне были численно преобладающей группой избирателей, составляя 46,9%. При этом на улицах, непосредственно примыкающих к Гидрофизическому институту, доля славянского населения ещё выше. Так, на улице Первомайской славяне составляли 76,0% от 50 зарегистрированных здесь совершеннолетних жителей, на улице Красномаякской – 64,5% от 234, на улице Морской – 61,9% от 21, на улице Башкирской – 58,8% от 34 избирателей. Любопытно, что процент избирателей-армян в пределах Маяка не сильно отличается от средних показателей по городу, несмотря на то что данный периферийный район непосредственно соседствует с этнически преимущественно армянской Гумистинской сельской администрацией. Повышенной долей избирателей-армян в пределах района Маяк отличаются Маякский тупик (100%), улицы Гобечия (42,4%), Татарская (35,5%), Чачхалия (34,9%) и Транспортная (32,7%).

Этнический состав избирателей примыкающего к Гулрыпшскому району крайнего юго-восточного района столицы – *Келасура* – практически не отличается от общегородского. Однако на улице Альбова доля этнически армянского электората составляет 83,3%. Близок к общегородскому и этнический состав избирателей района ВИЭМ, примыкающего к

центральному району с северо-востока. Однако в последнем несколько понижена доля армян при повышенной доле славянского населения, что, по всей вероятности, можно объяснить нахождением на данной территории филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины, от которого район и получил своё неофициальное наименование. Схожая ситуация наблюдается также в районах *Кинопрокат* и *Водоканал,* лежащих вдоль магистральной улицы Эшба на северо-западе столицы.

Наибольшая доля армянского населения характерна для северо-западных окраин столицы, лежащих к северу от магистральных улиц Эшба и Дзидзария. Этот район Сухума, занятый почти исключительно частными домовладениями, без разрыва в застройке непосредственно примыкает к крупной этнически армянской администрации села Яштхуа. Армянские фамилии составляют 81,8% из 313 избирателей на улице Аланской, 70,1% из 261 избирателя на улице Гочуа, 53,6% из 207 избирателей на улице Кабардинской, 52,3% из 44 избирателей на улице Пачулия, 45,3% из 141 избирателя на улице Трапш. Во всех случаях концентрация этнически армянского населения нарастает по мере удаления от осевой магистрали и приближения к селу Яштхуа. Именно в этом районе располагался избирательный округ №20, в котором в 2011 году была зафиксирована минимальная в Сухуме доля этнически абхазского электората – 25,7%.

Высокой долей армянского населения характеризуется и этнический состав соседних улиц, находящихся к западу от сухумского железнодорожного вокзала. Например, на улице Станционной этнические армяне составляют 45,0% из 120 избирателей.

Районы *Турбаза* и *Гора Баграта*, не слишком отдалённые от центра, также характеризуются несколько повышенной долей этнически абхазского населения при очень низкой доле армян. Последний факт любопытен тем, что Гора Баграта примыкает к этнически преимущественно армянской администрации села Дзыгута.

География расселения этнических греков, картвелов и представителей народов Северного Кавказа (преимущественно осетин, абазин и адыгов) по районам столицы вряд ли заслуживает отдельного анализа в силу крайне незначительной представленности данных этнических групп в списках избирателей.

В целом для этнической карты современного Сухума характерен ряд закономерностей и тенденций, часть из которых можно условно определить как «эндемичные», тогда как другие являются общеабхазскими.

К последним прежде всего относятся особенности расселения этнических абхазов внутри города, порождённые общим вектором послевоенной миграционной подвижности абхазского народа. Наибольшая концентрация абхазского населения отмечается, с одной стороны, в районах с более привлекательным экономико-географическим положением (центр, магистральные улицы, а также прилегающие к центральному району улицы с частной застройкой), с другой – в тех районах, где до войны имелся наибольший процент грузинского населения (замещающая миграция). Нередко сочетаются оба этих условия.

К характерным только для столицы закономерностям можно отнести некоторые особенности расселения славянского и армянского населения. Так, повышенной долей славянского населения отличаются районы, прилегающие к научно-исследовательским институтам, функционирующим с советского периода, в то время как процент этнических армян наиболее высок в периферийных районах города, непосредственно примыкающих к преимущественно армянонаселённой сельской местности Сухумского района. Хотя последняя закономерность, вероятно, характерна и для города Гагра с окаймляющими его этнически преимущественно армянскими сёлами, однако данный вопрос нами специально не изучался.

В целом абхазское и славянское население столицы распределено по районам и улицам города более-менее равномерно, тогда как география расселения армян характеризуется отчётливой внутренней диспропорцией[1].

Этнический состав районов Сухума по данным списков избирателей 2011 года представлен в следующей таблице (табл. 8).

Табл. 8. Этнический состав избирателей по районам Сухума (2011 год).

	всего	абхазы	армяне	греки	грузины	народы СК	славяне и прочие
Сухум	26832	58,9%	14,4%	1,4%	1,8%	0,9%	22,6%
Центральный район	7005	68,3%	11,8%	1,5%	1,9%	0,7%	15,8%
Кинопрокат и Водоканал	1285	57,5%	19,3%	0,6%	1,3%	0,5%	20,8%
Новый район	5916	60,3%	11,0%	0,8%	1,2%	1,0%	25,7%
Старый посёлок	1703	47,9%	17,6%	1,2%	2,6%	0,9%	29,8%
Маяк	1803	40,4%	18,9%	2,2%	2,0%	0,6%	35,9%
Рынок и Стадион	1469	65,9%	12,5%	0,9%	2,5%	0,5%	17,7%
Депо	1231	54,7%	17,3%	1,4%	1,3%	0,6%	24,7%
Северные районы	2222	48,6%	31,1%	1,7%	1,1%	1,2%	16,3%
ВИЭМ	438	57,1%	9,6%	0,9%	3,4%	2,1%	26,9%
Чанба	354	71,8%	7,6%	1,7%	2,5%	1,1%	15,3%
Турбаза и Гора Баграта	2237	63,7%	7,3%	2,7%	2,2%	1,4%	22,7%
Синоп	563	32,5%	11,9%	0,5%	3,9%	0,9%	50,3%
Келасур	606	56,8%	18,3%	2,0%	1,2%	2,1%	19,6%

[1] См. карты в приложении.

Важным обстоятельством в процессе формирования послевоенного населения Сухума является практическое отсутствие признаков географического детерминизма в расселении крупнейших этнографических групп абхазского народа, выражающееся в очевидном преобладании выходцев из Абжуа над уроженцами Бзыпской Абхазии во всех городских районах, включая западные окраины столицы. Вполне вероятно, что отдельные признаки избирательности в выборе места жительства, продиктованной степенью его географической близости к району исхода, имели место, однако определить их количественные характеристики без специального исследования не представляется возможным. Оценки, данные нами в настоящем абзаце, базируются на интуитивных представлениях и эмпирических данных. В целом же территориальный аспект этнодемографического развития Сухума до настоящего времени является *terra incognita* и нуждается в детальном и кропотливом изучении.

Одним из важнейших событий этнодемографической истории столицы на рубеже второго и третьего этапов был почти тотальный исход абхазского населения после оккупации города войсками Госсовета Грузии в августе 1992 года. Бóльшая часть абхазов Сухума, чья численность перед началом войны насчитывала более 15000 человек, вынуждена была покинуть город. На фоне начавшихся сразу после оккупации столицы преследований по этническому признаку, грабежей и прочих военных преступлений дальнейшее пребывание абхазов в Сухуме стало небезопасным. Кульминация политики оккупационных властей в отношении гражданского населения выразилась в заявлении Т. Надарейшвили от 11 ноября 1992 года, в котором, в частности говорилось, что «отныне совместное проживание абхазов и грузин исключается»[1]. Основная мас-

[1] Авидзба А.Ф. К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август – декабрь 1992 года) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 126.

са вынужденных переселенцев на период военных действий переместилась в Гудаутский район, который находился вне зоны оккупации. Незначительная часть абхазов столицы, представленная недавними выходцами из Абжуйской Абхазии, на раннем этапе войны сумела перебраться в родные сёла Очамчырского района, находившиеся в предгорной полосе вне зоны грузинской оккупации. Немалая доля абхазов-сухумчан оказалась на территории России в качестве беженцев.

После окончания войны большинство сухумских абхазов вернулось в столицу, однако в процессе возвращения наметилась определённая тенденция к смене места жительства внутри города, продиктованная в отдельных случаях невозможностью проживания в частично или полностью разрушенном в период оккупации жилье, в других – желанием улучшить свои жилищные условия. Нередко возвратившиеся горожане старались поселиться в непосредственной близости от своего довоенного дома, помогая при этом сельским родственникам перебраться в тот же район. Подобное явление, в частности, отмечалось в бывшем *Рабочем посёлке* на северо-восточной периферии центральной части города. До войны немногочисленное абхазское население этого микрорайона, за редким исключением, проживало вместе с русскими, армянами, мегрелами, евреями и представителями прочих этнических групп в двух многоквартирных домах, тогда как в частных домах проживали преимущественно мегрелы. После освобождения Сухума, вернувшиеся абхазы в основном перебрались в соседние частные дома, оставленные картвельским населением.

К 2011 году абхазы становятся первым по численности этносом во всех городских поселениях страны, кроме города Гал и посёлка городского типа Цандрыпш. Если в 1939 году русские были самым многочисленным этносом в пяти из семи городов Абхазии[1], за исключением Очамчыры и Гала, где преобладало грузинское население, то к 1989 году ситуация сильно изменилась: в четырёх городских поселениях республики численно доминирующим этносом стали грузины, в трёх – абхазы, в трёх – русские, в одном – армяне (табл. 9).

[1] Посёлки Акармара и Куазан в данном случае рассматриваются совокупно как город Ткуарчал.

Табл. 9. Численно преобладающий этнос в городских поселениях Абхазии[1].

	1939 год	1989 год	2011 год
Сухум	русские	грузины	абхазы
Гагра	русские	русские	абхазы
Пицунда	–	русские	абхазы
Гудаута	русские	абхазы	абхазы
Новый Афон	русские	русские	абхазы
Очамчыра	грузины	грузины	абхазы
Ткуарчал	русские	абхазы	абхазы
Гал	грузины	грузины	грузины
Цандрыпш	–	армяне	армяне
Бзыпта	–	–	абхазы
Мысра	–	абхазы	абхазы
Гулрыпш	–	грузины	абхазы

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СУХУМА

Для настоящего исследования немаловажное значение имеют этнокультурные характеристики населения Сухума, выработанные под влиянием этнодемографических процессов последних 130 лет и вызванной ими специфики языковой си-

[1] Составлено нами по источникам: 1. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999; 2. Населенные пункты и население Грузии… С. 15, 18, 23, 28, 33; 3. Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 109–111, 115, 116, 126, 130, 139, 143.

туации в абхазской столице. Начавший формироваться на рубеже XIX–XX столетий как поликультурный городской центр на периферии Российской империи, Сухум во многом воспроизвёл модель этнокультурного развития ряда других российских городов, находившихся в сходных условиях формирования этнической мозаики населения. В частности, причерноморские Одесса и Батум, а также промышленный Баку в целом имели сходный вектор этнодемографического развития. Он определялся прибрежным и приграничным положением, вызвавшим активную инфильтрацию как русского, местного и прочего «инородческого» населения России, так и масштабное участие уроженцев иностранных государств в формировании этнокультурной палитры городского пространства указанных центров.

При этом общей закономерностью являлось доминирование русского языка как средства межэтнической коммуникации. В Сухуме, однако, вплоть до Великой Отечественной войны русский язык делил роль *лингва франка* с турецким языком. Применительно же к Абхазии в целом, особенно в условиях сельской местности, именно турецкий язык в значительной степени выполнял данную функцию вплоть до середины XX столетия. Турецкий язык был усвоен значительной частью мужского населения народов Черноморского побережья Кавказа под влиянием многовековой экспансии Османской империи в регионе. Помимо этого, в первые десятилетия XX века немалая часть этнически абхазского населения была представлена вернувшимися на родину махаджирами и их потомками, как правило, владевшими турецким языком. А активное заселение Абхазии на рубеже столетий уроженцами Турции – армянами, греками, лазами и турками – не оставляло никакой иной альтернативы турецкому языку как основному средству межэтнического общения населения Абхазии. Б.Г. Джонуа отмечает, что в XIX – начале XX столетия «основная часть мужского населения Абхазии в той или иной степени владела турецким

языком»[1]. В.Г. Ардзинба в статье, написанной им в 1965 году и посвящённой родному селу, указывает: «Эшерские абхазы говорят на абхазском языке, а языком их общения с представителями других национальностей, в особенности с армянами, являлся в недавнем прошлом турецкий… Ныне турецким языком владеют больше представители старшего поколения абхазов. Но есть семьи, одинаково свободно изъясняющиеся как на абхазском, так на турецком и армянском языках (Дахир Хибба, Махты Сангулиа, Султан Ардзинба и др.). Сейчас языком общения между представителями различных национальностей стал русский язык»[2]. Н.Г. Волкова пишет: «Живя в Турции, они (армяне. – *Н.Б.*) свободно владели турецким языком, который и после их переселения в Абхазию выполнял функции языка общения с абхазами и мегрелами, также знавшими турецкий. К началу XX в. роль турецкого языка как языка общения уменьшилась. Все большее значение приобретал русский язык, который в настоящее время и является языком общения народов Абхазии»[3].

Процесс замещения турецкого языка русским в качестве средства межэтнической коммуникации в сельской местности Абхазии нашёл своё отражение и в художественной литературе. В романе Ф.А. Искандера «Сандро из Чегема» описывается сцена, происходящая, как вытекает из сюжета, в абхазском селе Очамчырского района в предвоенное время. Две гречанки из села *Анастасовка*[4] – пожилая и молодая – приезжают погостить в Чегем. Когда юная гречанка начинает общаться с местным парнем на русском языке, пожилая ставит ей в упрёк, что та не выбрала в качестве средства коммуникации доступный всем турецкий язык: «…Деспина, полыхая своими синими

[1] Джонуа Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002. С. 91.
[2] Ардзинба В.Г. Из прошлого и настоящего села Эшера // Собрание трудов в 3-х тт. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. М., 2015. С. 211.
[3] Волкова Н.Г. Армяне Абхазии… С. 114.
[4] Село в Гулрыпшском районе. В 1943 году переименовано в грузинское Ганахлеба [Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 15 января 1966 года. Тбилиси, 1966. С. 261]. После 1993 года восстановлено абхазское название Дзыдакуара.

глазками, успевала и с Чункой позубоскалить. Переговаривались они по-русски, и тетушка Хрисула несколько раз делала замечание Деспине за то, что она говорит на непонятном ей русском языке, а не говорит на общепонятном турецком. Тетушка Хрисула не могла взять в толк, что разноязыкой нашей деревенской молодежи к этому времени проще всего было говорить по-русски»[1].

В Сухуме же роль турецкого языка была довольно быстро нивелирована вследствие масштабного этнического присутствия славянского населения в городе на протяжении всего XX века и, главное, институционально закреплённой роли русского языка – языка российского и советского государства. Ещё в период *коренизации* в середине 1920-х годов административно-территориальные единицы Абхазии имели различные внутренние официальные языки. В Гудаутском и Кодорском уездах в качестве такового использовался абхазский язык, в Гальском уезде – грузинский, тогда как в полиэтничных Сухуме, Сухумском и Гагринском уездах – русский язык[2]. Уездные органы власти получили право вести переписку с Сухумом на официальном языке своего уезда[3]. В сельсоветах делопроизводство должно было вестись на языке большинства населения[4]. Впоследствии, особенно ближе к закату советской эпохи, русский язык в Сухуме становится уже не только и не столько средством межэтнического общения, сколько первым, а иногда и единственным языком для значительной части (если не большинства) горожан вне зависимости от их этнической принадлежности. Несмотря на то что, по всей вероятности, степень языковой русификации к началу 1990-х годов у различных этнических общин Сухума не была одинаковой, все без исключения этносы города подверглись ей в той или иной степени. Немаловажную роль также играл «ценз оседлости». Очевидно, что языковая практика местных уроженцев, а также уроженцев других населённых пунктов, чья социализация проходила преимущественно в Сухуме, резко отличалась от языкового поведения недавних выходцев из сельской местности Абхазии (не только абхазов, но и армян, мегрелов и т.д.), а тем более переселенцев из Грузии.

[1] Искандер Ф.А. Собрание сочинений. В 6-ти тт. Т. 3: Сандро из Чегема: Роман. М., 1997. С. 172.

[2] Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970. С. 118.

[3] Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. Сухуми, 1981. С. 183.

[4] Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство… С. 118.

Период с 1936 года по 1956 год был ознаменован попыткой искусственной языковой грузинизации Сухума, являвшейся частью общей этнокультурной политики сталинско-бериевского периода применительно к Абхазии. Однако, благодаря относительной непродолжительности данного исторического этапа, грузинский язык так и не смог укрепиться в качестве средства межэтнического общения в городе. Более того, грузинский язык не смог взять на себя и роль преобладающего языка общения внутри картвельской общины столицы. Так, значительная часть мегрельского населения города (данных официальной статистики не имеется, но, думается, не будет преувеличением предположить, что мегрелы в позднесоветский период составляли никак не меньше половины картвельского населения Сухума) не владела или слабо владела грузинским языком.

Массовое распространение билингвизма среди абхазов относится к концу 1950-х – началу 1960-х годов, что хронологически совпало, с одной стороны, с окончанием периода сталинско-бериевской грузинизации, с другой – с началом общегосударственной политики русификации. Г.П. Лежава пишет: «…в языковой политике проведенные меры четко обозначили возврат к прежней тенденции создания условий для обрусения абхазского населения и пресечения попыток их огрузинивания»[1]. В.М. Алпатов отмечает: «Максимума руси-

[1] Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997. С. 150.

фикация достигла при Н.С. Хрущеве, считавшем, что по мере продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в том числе языковые»[1].

На XXII съезде КПСС, проходившем в октябре 1961 года, особое внимание уделялось вопросам языкового строительства. Государство – что вполне закономерно – стремилось к максимальному распространению доминирующего в политической, экономической и культурной сферах языка среди этнически нерусского населения. Фактически же был дан сигнал к более активной языковой русификации этнических окраин: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»[2]. Сообразно идеологическим установкам того времени, Ю.Д. Дешериев в середине 1960-х годов писал: «Многоязычие сильно тормозит общий прогресс человечества. Из величайшего орудия развития каждого народа отдельные языки, не отвечающие в полной мере запросам их носителей, уже сейчас – в нашу эпоху – превратились в своего рода тормоз, задерживающий их развитие»[3]. В 1970 году Б.Г. Тарба отмечал: «Билингвизм (двуязычие) в условиях Абхазской АССР явление вполне закономерное, оно подготовлено всем процессом развития многонациональной Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики»[4].

[1] Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог, 2013, №5 (17). С. 22.

[2] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 407.

[3] Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966. С. 364.

[4] Тарба Б.Г. Ленинская национальная политика и билингвизм у абхазов. Сухуми, 1970. С. 48.

Сознательное принятие абхазским социумом русификаторской политики хрущёвского периода и активное участие в её имплементации, очевидно, объясняется негативным опытом сталинско-бериевского периода. В отличие от политики грузинизации предыдущих десятилетий, внедрение русского языка не предполагало столь явного давления на абхазский язык, а главное – языковая русификация не сопровождалась политикой по институционализации этнической ассимиляции[1] и попытками обосновать инклюзивное (или даже эксклюзивное) историческое право соседнего народа на территорию Абхазии. Всё это не нуждалось в какой-либо специальной разъяс-

[1] Несмотря на то что абхазы, в отличие от мегрелов и сванов, так и не были официально инкорпорированы в состав «грузинской социалистической нации» в сталинско-бериевский период, по всей вероятности, к началу 1950-х годов сигнал к этому уже был дан сверху. На закате сталинской эпохи в ряде публикаций появляются недвусмысленные указания на то, что абхазов следует рассматривать как «этнических грузин», причём доходит до того, что абхазский язык объявляется одним из картвельских языков. В 1951 году председатель Совета Министров Абхазской АССР М.К. Делба писал: «…язык и историю абхазов Н.Я. Марр по преимуществу изучал в отрыве от общей истории грузинского народа. А между тем, абхазы, как грузинское племя, на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа, и Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но и по своему национальному составу… Язык абхазов, как и язык других грузинских племён, – мегрелов, лазов, сванов, – является ближайшим родственным языком грузинского языка» [Делба М.К. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1951. С. 9]. Аналогичные положения выдвинул в своём выступлении на XXI областной конференции Абхазской организации КП Грузии И.Н. Тускадзе: «…абхазы являются грузинским племенем, как и мингрельцы и сваны, и на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа» [Лежава Г.П. Между Грузией и Россией… С. 123, 124]. Этнограф-кавказовед Я.С. Смирнова в критической статье на роман И.Г. Папаскири «Темыр» в 1951 году отмечала: «Можно пожалеть и о том, что автор не показал, какую огромную помощь оказали абхазскому народу великий русский народ и другие народы нашей Родины, особенно грузинский, часть которого составляют абхазы» [Смирнова Я.С. Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей // Советская этнография, 1951, №1. С. 205].

нительной работе и, по всей вероятности, воспринималось на интуитивном уровне не только интеллектуальной и политической элитой, но и большей частью населения. На фоне очевидной невозможности противостоять политике Тбилиси некоей формой тотальной *неокоренизации* в условиях постсталинского времени, абхазское общество поворачивается лицом к новой языковой политике союзного центра. Б.Г. Джонуа пишет: «конец 50-х – начало 60-х гг. в СССР был периодом наиболее активной русификации. Но в Абхазии эту тенденцию восприняли с энтузиазмом. Чем сильнее было давление со стороны Грузии на Абхазию и абхазский язык, тем сильнее абхазы тянулись к России и к русскому языку»[1]. В.М. Алпатов отмечает: «…иначе (чем мегрелы и сваны. – *Н.Б.*) смотрели на грузинизацию абхазы и осетины, несмотря даже на более высокий статус своих языков они отказывались считать себя народами грузинской культуры. Абхазы (…), в прошлом не знавшие грузинского языка, считали меньшим злом русский язык; в результате, к 60-м гг. они имели начальное образование по-абхазски, а с пятого класса их школы переходили на русский язык»[2].

В дальнейшем в городской среде всё более нарастает тенденция к частичному, а иногда и полному переходу на русский язык, который к концу советской эпохи становится основным языком для большинства сухумских абхазов. Авторы, касающиеся проблемы языковой русификации абхазов во второй половине XX века (М.А. Джергения, Б.Г. Джонуа, В.А. Чирикба), среди основных причин отмечают следующие: общегосударственная политика языковой русификации в СССР в данный период, отсутствие школ с полным образовательным циклом на абхазском языке, функциональная невостребованность абхазского языка в условиях современного общества, породив-

[1] Джонуа Б.Г. Языковая политика в Абхазии: история, реалии и перспективы URL: http://apsnyteka.org/file/jonua_b_iazykovaia_politika_v_abkhazii.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

[2] Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000. С. 125.

шая нигилистическое отношение к нему у части носителей и выразившаяся в нежелании передавать язык своим детям, а также принятие русского языка как единственного языка «жизненной перспективы» в противовес попыткам насильственной грузинизации абхазского народа в XX веке.

М.А. Джергения отмечает: «…за период нахождения в составе СССР лишь очень небольшая часть абхазов утратила национальное самосознание. Однако, как это ни парадоксально, большинство абхазов, с одной стороны, не желая полностью смешиваться с русским народом, практически не обращало внимания на утрату родного языка»[1]. Здесь автор касается ещё одного важного явления. Находясь более двух столетий в сфере влияния России, испытав колоссальное и всестороннее влияние русской культуры и русского языка, абхазы, тем не менее, не проявили никакой тенденции к этническому обрусению. Вероятно, это вызвано как высоким уровнем этнического самосознания, так и достаточно серьёзной этнокультурной и фенотипической дистанцией между абхазами и русскими. Деэтнизация самурзаканских абхазов в XIX–XX веках не позволяет рассматривать уровень этнического самосознания в качестве единственного и определяющего фактора. Ю.Д. Анчабадзе подчёркивает, что российский вектор ориентации абхазского общества и вытекающее отсюда широкое распространение русского языка в Абхазии предопределены историко-политическими, но не культурно-бытовыми причинами[2]. Автор констатирует, что укоренившееся в постсоветском грузинском общественном сознании мнение о массовом обрусении абхазов «является не более чем конъюнктурным мифом. Сокращение сферы функционирования абхазского языка не повлекло за собой размывания этнического самосознания народа и его

[1] Джергения М.А. Абхазский язык и общество: прошлое, настоящее, будущее // Абхазия и вызовы современной эпохи. Материалы конференции 22 декабря 2002 года. М., 2003. С. 93.

[2] Анчабадзе Ю.Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998. С. 114.

перехода на русские культурно-бытовые стандарты, в случае чего и можно было бы говорить об обрусении абхазов. Однако данная реальность, которая является очевидной для любого непредвзятого взгляда, игнорируется грузинской стороной. Само "обрусение" абхазов в Тбилиси объясняют сознательным стремлением кремлевских политиков оторвать абхазов от грузин, заменить якобы исторически присущую абхазам грузинскую ориентацию на российскую и тем самым прочно утвердить российское присутствие на грузинской земле Абхазии»[1].

Несмотря на то что частичная языковая ассимиляция абхазов не влечёт за собой этнического обрусения, процесс постепенного перехода с этнического языка на русский не может не вызывать определённых этнокультурных трансформаций. Л.Я. Харчлаа характеризует эту взаимосвязь следующим образом: «…абхазы считаются билингвами, что, безусловно, влияет на образ мыслей и образ жизни нового поколения абхазов, на формирование их менталитета. Сложно предвидеть результаты столь активного применения абхазами русского языка, посредством которого они познакомились с русской литературой, обычаями и традициями русского народа и абсолютно естественно, что все эти знания привносятся в повседневную жизнь»[2].

Интересно, однако, что абхазский народ, будучи миноритарным этносом даже внутри Абхазии, демонстрировал серьёзный ассимиляционный потенциал и в советское время, особенно в тех территориальных общностях нижнего уровня, где имелось относительное или абсолютное абхазское большинство. В этом плане показателен пример села Лдзаа Гагрского района, об этнически смешанных семьях которого Р.Ш. Кузнецова пишет следующее: «В предвоенное время не менее 10% от общего числа всех абхазских и грузинских семей Лидзавы

[1] Там же. С. 114, 115.

[2] Харчлаа Л.Я. Значение национального языка в государственном строительстве Абхазии // Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003. С. 120, 121.

составляли те, кто не способен был однозначно определиться со своей "национальностью". Судя по всему, такая группа в другие периоды… могла составлять до половины населения села… Никогда, за всю историю села… ни одна семья, члены которой уже считали себя абхазами, не становилась грузинской»[1].

При несомненной объективности перечисленных выше постулируемых причин масштабного языкового обрусения городских абхазов иногда затеняется, уводится на второй план ещё одна причина – полиэтничность, ставшая неотъемлемой чертой Абхазии XX века, особо ярко проявившаяся в городах советской Абхазии, где при этом процент этнически абхазского населения был крайне незначительным. Т.А. Ачугба отмечает определяющее влияние на функционирование абхазского языка полиморфной этнической структуры населения страны и дисперсного характера расселения абхазов: «Отсутствие же компактности расселения абхазского этноса, и во многом вытекающее из этого кризисное состояние абхазского языка, непосредственно влияют на стабильность других компонентов этноса…»[2]. Приоритетность именно этого фактора признаёт и М.А. Джергения: «…если вплоть до середины XIX века единственным языком, распространенным в устном виде среди большинства абхазов являлся родной абхазский язык, то, начиная с этого времени, он активно вытесняется русским языком. Такое изменение, прежде всего, связано с тем, что абхазы, оказавшись в меньшинстве в Абхазии, вследствие махаджирства и колонизации края, стали очень уязвимыми в отношении внешних воздействий»[3]. М.Е. Алексеев указывает: «Языковые коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в

[1] Кузнецова Р.Ш. Указ. соч. С. 105.

[2] Ачугба Т.А. Абхазия и Россия: о некоторых уроках двухсотлетней этнополитической истории абхазского народа // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005. С. 121.

[3] Джергения М.А. Указ. соч. С. 93.

то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы»[1].

Соглашаясь с процитированными авторами, попытаемся проиллюстрировать ниже, почему именно эта причина, на наш взгляд, является основополагающей. На неё также указывает В.А. Чирикба, хотя и не рассматривая эту причину в качестве базовой: «Многонациональный характер населения Абхазии не мог не отразиться на функционировании абхазского языка. Наибольшее влияние на абхазский как в советский, так и постсоветский период оказывал и продолжает оказывать русский язык, которым свободно владеет подавляющее большинство абхазов…»[2]. Между тем, этническое присутствие абхазов в Сухуме становится более-менее массовым именно в период хрущёвской «оттепели», плавно нарастая все последующие десятилетия. Уже в начале 1970-х годов проблема оттока абхазского населения в города республики вызывала озабоченность специалистов, указывавших на недостаток рабочей силы в ряде сельсоветов[3]. Миграция была связана с паспортизацией колхозного крестьянства в 1964 году, породившей резкое увеличение пространственной мобильности сельских жителей[4]. В.А. Большаков и О.Д. Комарова в 1980-е годы отмечали, что «в Абхазии отъезд молодёжи из селений в города представляет серьёзную проблему с неблагоприятными демографическими,

[1] Алексеев М.Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. М., 1992. С. 17.

[2] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2009. С. 12.

[3] См.: Губаз Э.Ш. О проблеме движения колхозного населения // Труды Сухумского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Т. XXI–XXII. Сухуми, 1971.

[4] Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Проявление трансформации социальных отношений в свадебной обрядности современной Абхазии // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 511.

экономическими и даже этнокультурными последствиями»[1]. Р.П. Шамба, обследовавшая демографическую ситуацию в ряде абхазских селений в период с 1975 по 1985 годы, указывает: «…везде доля молодых рабочих возрастов снизилась – это результат оттока»[2].

Абхазы, таким образом, переселяются в уже русскоязычный полиэтничный город. Составляя в Сухуме незначительный процент населения, абхазы закономерно становятся крайне восприимчивыми к влиянию доминантной этноязыковой среды. Причём русский язык являлся первым или одним из первых усвоенных языков абхазов, родившихся в Сухуме ещё в 1920–1930-е годы, когда абхазское село было сугубо моноязычным. Для родителей этих первых коренных абхазов-сухумчан абхазский являлся единственным родным языком. Так, в одном из интервью Ф.А. Искандер указал относительно языков его детства следующее: «Не помню, когда научился говорить по-абхазски, было ли это одновременно с русским языком. У нас в доме мама с нами говорила по-абхазски. На улице, конечно, говорила по-русски. И конечно, в те времена проникнуться абхазским языком мне помогла деревня»[3]. Л.П. Чкадуа отмечает: «Языковая ситуация в городах Абхазии (особенно в Сухуме) не могла содействовать развитию абхазского языка: являясь языком народа, чья численность намного уступала общей численности других, проживавших в городах народов, абхазский язык в таких условиях не мог обладать позицией гегемона, не мог стать родным языком ребёнка, который, закрыв за со-

[1] Большаков В.А., Комарова О.Д. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство. М., 1987. С. 47, 48.

[2] Шамба Р.П. Структура и динамика трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазской АССР в 1975–1985 гг. // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VI. Сухуми, 1988. С. 175.

[3] Интервью Фазиля Искандера // Акуа – Сухум, 2004, №1. С. 230.

бой дверь родного очага, должен был говорить не на языке родных»[1].

Любопытно, что Э. Хобсбаум определяет гораздо более многочисленные и политически устоявшиеся сообщества, чем Абхазия, в качестве находящихся в критическом положении по отношению к доминирующему этнокультурному пространству или окружению: «…так обстоит дело не только с небольшими языковыми общинами, уязвимыми даже для самых незначительных демографических сдвигов, — например, с немногочисленными обитателями горного и прибрежного Уэльса, которые до сих пор говорят по-валлийски, или с Эстонией с ее миллионом или около того эстоноязычных (критическим пределом, который и при любых иных обстоятельствах с трудом обеспечивал бы этой стране сохранение современной лингвистической культуры на всех уровнях). Не удивительно, что самой острой проблемой в этих районах стала неконтролируемая иммиграция моноглотов-носителей соответственно английского и русского языков»[2].

Немаловажным является факт некоторого отставания абхазов по сравнению с другими основными этносами республики как по количеству национальных школ, так и по абсолютному количеству детей, обучавшихся в школах, ещё в 1920-е годы. В то время как численность грузинского населения ССР Абхазии в 1926 году превосходила численность абхазского только на 20,7%, по количеству детей, обучавшихся в школах, отставание абхазов было почти двукратным. Количество армянских школьников также было выше количества абхазских[3]. Заместитель народного комиссара просвещения Абхазии А.М. Чочуа в 1923 году писал, что для коренного населения, в отличие от

[1] Чкадуа Л.П. К вопросу о перспективах развития абхазского языка // Акуа – Сухум, 2004, №1. С. 270.

[2] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 270.

[3] Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921–1925) // Труды. Т. I. Сухум, 2013. С. 347.

большинства других этносов республики, характерно в целом индифферентное отношение к школе. Он же при этом отмечал: «Правда, и среди абхазов замечается стремление к образованию, но оно проявляется пассивно, не поддержкой своих школ и учителей, а усиленной подачей просьб в Наркомпрос о приеме их детей в какой-либо пансион»[1]. А в пределах Самурзакана в тот период абхазские дети обучались на грузинском языке. Несмотря на то, что 5295 жителей Гальского уезда, по данным переписи 1926 года, признали родным языком абхазский[2], во всех школах Самурзакана, включая находившиеся в абхазоязычных сёлах, преподавание велось на грузинском языке[3].

По данным переписи городского населения 1922 года, в Сухуме проживало 15716 человек в возрасте от 5 лет и старше, из которых 68,1% были учтены как грамотные[4]. Определенные отличия по данному показателю отмечались у представителей основных этносов города. Максимальный процент грамотных был отмечен у поляков – 89,0%. За ними следовали немцы – 84,7%, русские – 80,7%, евреи – 76,3%, грузины – 68,9%, абхазы – 63,1%, армяне – 61,1%, греки – 57,6%, персы – 13,2%[5]. Из 251 грамотного абхаза грамотность на абхазском языке отметили 65,3%[6], на русском – 90,4%, на грузинском – 15,5%[7].

В ходе программы по ликвидации безграмотности среди взрослого населения, активно развернувшейся в Абхазии на заре советской эпохи, человеку предоставлялся выбор языка

[1] Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. Сухум, 2015. С. 120, 121.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 101 раздела ССРГ.

[3] Материалы по истории Абхазии советского периода… Т. II. С. 113.

[4] Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 3. Население по полу, возрасту, национальностям, грамотности и образовательному цензу. Тифлис, 1923. С. 10.

[5] Там же. С. 16.

[6] Там же. С. 21.

[7] Там же. С. 27.

обучения: таковым по желанию мог стать либо родной, либо русский язык[1]. Не исключено, что на практике добровольность выбора языка при воплощении в жизнь постановления о ликвидации неграмотности могла быть соблюдена не всегда. Очевидно, в ряде случаев ликбез среди этнически абхазского населения в середине 1920-х годов производился на русском языке вследствие нехватки учителей абхазского языка и отсутствия достаточного количества специализированной литературы. В отчёте Главполитпросвета за 1925/1926 учебный год сообщалось: «Ощущается лишь недостаток книг для чтения на абхазском языке, не хватает также букварей на греческом языке»[2]. Соответствующее постановление Президиума ЦИК ССР Абхазии было принято в декабре 1924 года, а в качестве конечной даты «ликвидации неграмотности среди всех трудящихся ССР Абхазии» было символично определено 7 ноября 1927 года[3]. Несмотря на это, спустя два года после принятия постановления, по данным переписи населения 1926 года, проводившейся в декабре, только 6110 абхазов признали себя грамотными, что составляло 10,9% от общей численности абхазского населения республики. Даже с учётом того, что ликбез охватывал взрослое население только до 40 лет, результативность кампании была крайне низка. При этом из 6110 грамотных абхазов лишь 2690 (44,0%) умели читать и писать на абхазском языке[4]. Весомую, если не подавляющую долю среди последних, по всей вероятности, составляли школьники, что подтверждает наше предположение относительно масштабов использования русского языка при ликвидации безграмотности среди взрослого абхазского населения. О подобной практике и критике этого явления в местной периодической печати в 1925 году пишет Т. Блаувельт[1].

[1] Сборник постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства ССР Абхазии за 1925 год. Сухум, 1926. С. 4.
[2] Куправа А.Э. Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979. С. 30.
[3] Сборник постановлений и распоряжений… С. 4.
[4] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 22 раздела ССРГ.

Определяющее воздействие доминирующего этнокультурного пространства на языковые процессы в городской среде может быть проиллюстрировано на нескольких близких примерах из советской и постсоветской действительности, в том числе в пределах Кавказского региона.

Языковая ситуация в Цхинвале показывает уязвимость постулата об *определяющем* воздействии на языковую практику сухумских абхазов таких факторов, как отсутствие полностью абхазоязычной школы, политика языковой ассимиляции (будь то общесоветская русификация или грузинизация внутри Грузинской ССР), функциональная невостребованность абхазского языка и вытекающее отсюда нигилистическое отношение к нему. Не пытаясь отрицать несомненное влияние всех этих факторов на языковую практику абхазов-горожан, нельзя не отметить, что все они имели место и в югоосетинской столице. Осетинская национальная школа в советское время была устроена по тому же принципу, что и абхазская: языком обучения в начальных классах был осетинский, а с пятого класса – русский. В сталинско-бериевский период южные осетины были подвергнуты абсолютно аналогичным попыткам языковой грузинизации, включая перевод алфавита на грузинскую основу[2] и закрытие осетинских школ. К тому же вовлечённость Южной Осетии в грузинское этнокультурное пространство по вполне объективным причинам в советское время была на качественно ином уровне. Несмотря на всё это, Цхинвал был и

[1] Blauvelt T. “From words to action!” Nationality policy in Soviet Abkhazia (1921–38) // The Making of Modern Georgia, 1918–2012. The first Georgian republic and its successors. London and New York, 2014. С. 241.
[2] Любопытно, что грузинизация алфавита затронула только южных осетин [Алпатов В.М. 150 языков и политика… С. 89]. Таким образом, в течение нескольких десятилетий в пределах одного государства осетинский народ пользовался двумя разными системами письма.

остаётся вполне осетиноязычным городом. По наблюдениям автора этих строк, побывавшего в Цхинвале весной 2011 года, преобладающим языком бытового общения среди всех возрастных и социальных групп населения является исключительно осетинский. При этом практически все горожане свободно владеют русским языком, а бóльшая часть взрослого населения – и грузинским. Но ни русский, ни грузинский так и не смогли стать основными языками общения для цхинвальских осетин.

В то же время совсем иной предстаёт языковая ситуация в преимущественно русскоязычном Владикавказе. Один и тот же этнос в двух своих столицах демонстрирует диаметрально противоположные парадигмы развития языковых процессов. Подобное, на наш взгляд, было бы невозможно при аналогичных векторах этнодемографического развития двух городов. Рост населения Цхинвала в советское время определялся исключительно его статусным положением. Став политическим центром югоосетинской автономии, город естественным образом превратился и в один из центров урбанизации южных осетин, а его периферийное экономико-географическое положение практически исключало возможность превращения Цхинвала в полиэтничный город со славянской доминантой. Видимо, по этой же причине Цхинвал не стал и центром притяжения грузинского населения. Совершенно иначе протекали этнодемографические процессы во Владикавказе, который, будучи одним из крупнейших городских центров Северного Кавказа, долгое время сохранял русскую этническую доминанту. Миграция осетинского населения во Владикавказ в советский период сопровождалась погружением в доминантную этноязыковую среду. Здесь мы наблюдаем сходные с абхазской столицей процессы со сходным конечным результатом.

Ситуация, близкая к цхинвальской, наблюдается в городах Западной Мегрелии[1], где ничто иное, как этническая гомогенность населения, пока ещё определяет устойчивость функционирования мегрельского языка как основного средства бытового общения, несмотря на его тотальное институциональное игнорирование и государственную политику этноязыковой ассимиляции[1]. Вряд ли подобную ситуацию можно объяснить активной заинтересованностью широких слоёв мегрельского населения в сохранении своего языка или же высоким уровнем этнического самосознания мегрелов. А ситуация, схожая с сухумской, имеет место не только в подавляющем большинстве столиц российских республик, но и в столицах и других крупных городах новых независимых государств: Киеве, Минске, Алматы, Бишкеке и т.д.

[1] Это же справедливо и для абхазского города Гал.

Как отмечал И.С. Гурвич, за 50 лет советской власти «русский язык превратился в язык межнационального общения, обеспечивающий коммуникативные нужды народного хозяйства, совместную деятельность народов СССР. По существу он стал общим языком советского народа...»[2]. По всей видимости, степень внедрения русского языка в городском пространстве союзных и автономных республик за пределами РСФСР зависела и от исторического бэкграунда местного языка: наличия или отсутствия литературной традиции и функциональной востребованности языка ещё в дореволюционное время. В этой связи обращают на себя внимание существенные различия языковой ситуации в одинаково полиэтничных советских Баку и Тбилиси, а также Алматы и Бишкеке с одной стороны и Душанбе – с другой.

В.А. Чирикба констатирует: «...нынешние тенденции показывают, что в реальности абхазское общество неуклонно движется к одноязычию, совершая нечто вроде коллективного и в целом вполне сознательного акта *самоубийства*

[1] См.: Broers L. Containing the Nations, Building the State: Coping with Nationalism, Minorities and Conflict in Post-Soviet Georgia. London, 2004. С. 212–245.

[2] Гурвич И.С. Этнокультурное сближение народов СССР // Советская этнография, 1977, №5. С. 26.

родного языка, невостребованного обществом»[1]. Метафора *«убийство языка» (linguacide)* введена Н. Денисоном применительно к такой модели поведения представителей языкового меньшинства, когда в условиях билингвизма этнический язык не в состоянии конкурировать с языком, доминирующим в политической, информационной, образовательной и деловой сферах, и двуязычные родители не испытывают более потребности в передаче этнического языка своим детям[2]. Трудно не согласиться с мнением В.А. Чирикба, однако подобная объяснительная модель в некоторой степени нивелирует и уводит на второй план сохраняющееся влияние экзогенных факторов – первопричину нынешней языковой ситуации в абхазском городе. Иными словами, языковые реалии являются следствием процессов, смоделированных самим ходом исторического процесса, и, следовательно, повлиять кардинальным образом на ситуацию в будущем способны не только и не столько сознательность таких коллективных акторов как *народ* или *общество*, а действия *государства,* которое и призвано задавать «правила игры». Э. Геллнер пишет, что в современном мире «языки образовательных, бюрократических и коммуникативных установлений создали огромное различие для жизни и перспектив каждого индивидуума. В своей работе любой человек в каком-то смысле является бюрократом… Все мы существуем внутри обширной бюрократической сети, и тот, кто не вписывается в её коммуникативную среду, становится второсортным гражданином»[3].

В последние десятилетия советской эпохи абхазы становятся самым русскоязычным (в пределах своих национально-территориальных образований) титульным этносом на Южном

[1] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 18.
[2] Denison N. Language Death or Language Suicide? // International Journal of the Sociology of Language. 1977, № 12. С. 21.
[3] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 16.

Кавказе. По данным переписи населения 1979 года, в пределах Абхазии 76,8% абхазов свободно владело русским языком, а к 1989 году этот показатель вырос до 81,0%[1]. Почти аналогичный уровень знания русского языка в 1979 году был характерен для армянской общины Абхазии (77,8%). Помимо самих русских, наибольшая русскоязычность была характерна для украинского и греческого населения республики. У грузинского населения Абхазии этот показатель был гораздо скромнее (58,1%), однако в пределах самой Грузинской ССР (без Абхазии и Южной Осетии) доля грузин, свободно владеющих русским языком, была гораздо ниже – 23,9%[2] (табл. 10).

Табл. 10. Владение русским языком у основных этносов Абхазии (1979 г.).

	численность	свободно владеют русским языком	доля от общей численности
абхазы	83097	63825	76,8%
армяне	73350	57091	77,8%
грузины	213322	123841	58,1%
русские	79730	79656	99,9%
украинцы	10257	9644	94,0%
греки	13642	11910	87,3%

В Южной Осетии, для сравнения, ситуация выглядела совсем иначе, что объясняется её экономико-географическим положением, не способствовавшим формированию полиэтничной структуры и притоку значительной массы славянского населения. Менее половины осетин автономной области указало на свободное владение русским языком. А данный показатель у преимущественно сельской грузинской общины Южной Осетии

[1] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 12.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7879.

был ещё ниже, чем в самой Грузии (табл. 11). Русский язык в Южной Осетии, особенно в сельской местности, не являлся преимущественным языком межэтнического общения. Эту функцию выполнял в большей степени грузинский язык. В *Ксанском ущелье* Ленингорского района, которое было реинтегрировано в состав Южной Осетии после августовской войны 2008 года, и где сохранилось компактное грузинское население, грузинский язык продолжает выполнять эту функцию и в настоящее время. Здесь он не только *лингва франка* для местного населения, но и язык коммуникации работников новой осетинской администрации района с грузинской общиной[1].

Табл. 11. Владение русским языком у основных этносов Южной Осетии (1979 г.)[2].

	численность	свободно владеют русским языком	доля от общей численности
осетины	65077	32389	49,8%
грузины	28187	6401	22,7%
русские	2046	2039	99,7%
армяне	953	618	64,8%
евреи	654	368	56,3%

Обратимся к одному любопытному примеру из африканского опыта. Эфиопия – единственное государство континента к югу от Сахары, имеющее давнюю и относительно непрерывную историю самостоятельной государственности. Крупнейшей по численности этнической группой страны являются *оромо*. Город Аддис-Абеба расположен внутри этнической территории оромо, которая после федерализации страны по этническому принципу в 1994–1995 годах была выделена

[1] На основе наблюдений автора в Ленингоре в 2011 году и сообщений работников районной администрации.
[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7879.

в регион Оромия. Исторически в политической и культурной сферах наблюдалось преобладание второго по численности этноса страны – *амхара*. Амхарский язык в течение длительного периода принудительно насаждался среди полиэтничного населения страны[1]. Данный язык и в настоящее время является государственным языком Эфиопии. По данным переписи 2007 года, этнические амхара составляют только 47,0% населения столицы, в то время как родным языком признали амхарский 71,0% жителей Аддис-Абебы. Почти половина этнических оромо столицы признала родным языком амхарский. Схожие масштабы языковой ассимиляции отмечаются и у других крупнейших этнических групп города: гураге, тиграй, силте, гамо[2].

Стремительный переход на кастильский язык характерен для кечуаязычных мигрантов из *сьерры*, осевших в пригородах перуанской столицы и других крупных городах на побережье страны. В многочисленных *«молодых поселениях» (pueblos jóvenes)* – окружающих Лиму трущобах, населённых преимущественно индейцами кечуа, – население осознанно пользуется преимущественно кастильским языком. Т. Марр и Т. Пули так описывают типичную ситуацию языкового поведения выходцев из горной местности, осевших в Большой Лиме: «Во время полевых исследований в среде мигрантов в так называемых *pueblos jóvenes* Лимы было любопытно наблюдать за тем, как часто люди отказывались от возможности говорить на кечуа… На празднике выходцев из андского села Пауса, на котором присутствовали почти исключительно природные носители языка кечуа и их потомки (…), языком общения был преимущественно испанский»[3].

[1] Зарубежный восток: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986. С. 379.
[2] Population and Housing Census Report. Addis Ababa Region. 2007. Addis Ababa, 2010. C. 25, 26, 40, 41.
[3] Marr T., Pooley T. Towards a shifters' view of language shift: a comparative study of Lima and Lille // Cahiers de l'Association for French Language Studies, 2009, №15.2. C. 57.

Подобное языковое поведение является следствием длительной государственной политики, приведшей к социальной стигматизации языка кечуа и его носителей. Ещё в начале 1970-х годов некоторые кечуа-монолингвы не считали нужным приобщать своих детей к «языку обездоленных людей»[1]. В статье А. Эскобара, опубликованной в 1972 году, приводятся мнения информантов, природных носителей языка кечуа из горного селения Кинуа в регионе Аякучо. Так, тридцатитрёхлетняя женщина заявила, что она не хотела бы научиться читать и писать на языке кечуа, потому что «кастильский язык лучше»[2]. Тридцатидевятилетний мужчина отметил, что не желает, чтобы его дети были грамотными на языке кечуа, потому что кечуа «принижает их и не удовлетворяет их потребности»[3].

Аналогичная ситуация языкового сдвига наблюдается в крупнейших андских городах Боливии, где лидирующие по числу носителей языки коренного населения – *кечуа* и *аймара* – стремительно вытесняются кастильским, особенно у младшего поколения. По данным переписи населения 2001 года, почти половина жителей Ла-Паса (49,6%) в возрасте старше четырнадцати лет принадлежит к этническим аймара, тогда как лишь у 15,7% горожан от трёх лет и старше язык аймара отмечен в качестве первого усвоенного. В спутнике Ла-Паса, городе Эль-Альто, где доля этнических аймара достигает 74,2%, лишь 30,5% жителей указали соответствующий язык в качестве первого усвоенного. Почти столь же ощутимые масштабы перехода на испанский язык характерны для крупных городов, бóльшую часть населения которых составляют кечуа. В де-юре столице Боливии, городе Сукре, соотношение этнических кечуа к усвоившим кечуа в качестве первого языка 57,1% к 34,9%; в Потоси – 68,0% к 29,6%; а самая большая разница отмечена в Кочабамбе – 48,5% к 18,2%[1].

[1] Николаева С.П. О своеобразии этнической и языковой ситуации в Перу // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 103.

[2] Escobar A. Lingüística y política // El reto del multilingüismo en el Perú. Lima, 1972. C. 29.

[3] Там же.

В советское время в Сухуме шло формирование поликультурной общности людей, своеобразного «советского народа» в миниатюре. Стержнем этой надэтнической интеграции служил русский язык. С.Г. Трапш отмечает: «В советское время культура абхазского общества являлась частью культуры СССР, а абхазский народ – составной частью советского народа»[2]. Данное положение автора, очевидно, лишено всякой иронии и отсылок к идеологическим штампам советской эпохи и вполне достоверно отражает одно из измерений реального этнокультурного состояния абхазского социума во второй половине XX столетия. Однако далее автор высвечивает и другую, условно примордиальную сторону самоидентификации абхазов в обозначенный период: «Независимо от этого абхазы всегда ассоциировали себя с кавказской социально-культурной общностью. Поэтому дихотомия “Мы”–“Они”, “Свой”–“Чужой” для абхазов была многоуровневой, также как самоидентификация»[3].

Советский период истории страны, несмотря на все негативные процессы и явления (особенно сталинско-бериевского времени), открыл малочисленному абхазскому народу такие существенные перспективы к этнополитическому и культурному развитию, которые сложно было бы представить при иной форме внешнего политического управления Абхазией. Активное нациестроительство, распространение всеобщей грамотности, широкий доступ к высшему и поствузовскому

[1] Instituto Nacional de Estadística. República de Bolivia. Censo de Población y Vivienda – 2001. URL: http://www.ine.gob.bo/cgi-bin/Redatam/RG4WebEngine.exe/PortalAction?&MODE=MAIN&BASE=TallCreac &MAIN=WebServerMain.inl (дата обращения: 20.02.2017).

[2] Трапш С.Г. Концептуальные основания культурной идентичности абхазского этноса // Труды Абхазского государственного университета, Сухум, 2011. С. 376.

[3] Там же. С. 376, 377.

образованию, формирование мощного слоя национальной интеллигенции и, наконец, национальной политической элиты – всё это наследие советской эпохи, тот базис, благодаря которому во многом стало возможным успешное противодействие политике постсоветской Грузии и построение независимого абхазского государства. Естественно, что столь стремительное этнополитическое и этнокультурное развитие предопределило и неизбежные языковые трансформации, ставшие следствием активного вовлечения абхазов в политическое управление республикой, а также в сферы культуры и образования в постсталинский период. Трансформации эти в наибольшей степени коснулись той части абхазского этноса, которая по различным причинам мигрировала в политический, культурный и экономический центр Абхазии.

В силу малочисленности абхазского населения не было никаких объективных предпосылок для того, чтобы советский Сухум вошёл в абхазское этнокультурное и языковое пространство. Не произошло этого в полной мере и после обретения Абхазией независимости, когда город приобрёл абхазскую этническую доминанту.

После войны, когда город покинула бóльшая часть неабхазского населения, в Сухуме пришли во взаимодействие две культурные страты абхазского этноса, связанные между собой не только общим этническим происхождением, но и непосредственными кровно-родственными узами. В то же время эти группы в целом характеризовались различным языковым поведением. Первая из них – *местные довоенные жители,* во многом встроенные в систему поликультурного советского русскоязычного города и являвшиеся его органичной частью; вторая – *выходцы из абхазского села,* в гораздо большей степени сохранившие естественные этнокультурные характеристики. Подобное взаимодействие примерно равных по численности групп в условиях независимого абхазского государства могло бы привести к принятию первой группой языковых установок второй группы. Однако этого не случилось. Более того, в течение двух послевоенных десятилетий заметен обратный процесс. Таким образом, можно констатировать, что культурное воспроизводство населения Сухума как сложившейся территориальной общности «устояло» под натиском эпохальных этнодемографических процессов послевоенного времени: активно мигрировавшее в город в последние два десятилетия абхазское сельское население в целом было аккультурировано сложившимся языковым пространством столицы. Не сумев оказать на это пространство решающего влияния, эта группа населения во многом вынуждена была принять роль адаптирующейся.

Абхазский писатель А.Н. Гогуа в своём эссе, посвящённом прошлому и настоящему столицы Абхазии, метафорично представил этнокультурное пространство города как двуединую систему, состоящую из коренного абхазского начала, которое автор обозначил как *«Акуа»,* и поликультурного привнесённого начала – *«Сухума»*. Причём эта дихотомия, по мнению Гогуа, существовала на протяжении всей истории города. Рассуждая о послевоенной ситуации, писатель, в частности, высказал следующую мысль о взаимодействии «Акуа», представленного теперь преимущественно уроженцами абхазского села, и «Сухума», носителями «идеологии» которого являются «старые» сухумчане, в том числе и этнические абхазы: «Добрая половина нового притока в город абхазского населения, присмотревшись, прислушавшись, по совершенно меркантильным соображениям решили выбрать язык более выгодный для того, чтобы поскорее закрепиться и утвердиться. И сам Сухум после войны повел себя во многом, по меньшей мере, странно. Всем нам казалось, что он сломя голову бросится в объятия Акуа. Казалось, уже никто не будет препятствовать этому. Но он не стал торопиться… К вопросам языка, национальной культуры Сухум отнёсся с холодком… Никто не предполагал, что по подобным

вопросам может между нами возникнуть такое непонимание»[1]. В.А. Чирикба отмечает: «…тысячи молодых сельских абхазов устремляются в города, где, в условиях космополитического общества, им приходится вне рамок семьи переходить почти исключительно на русский язык. При этом, остро ощущая неадекватное знание доминирующего в городе русского языка, они пытаются дать своим детям, прежде всего, хорошее знание русского языка, путем посылки их, например, в русские школы, или общения с ними в основном на русском языке. И это также негативно влияет на общую ситуацию в сфере функционирования абхазского языка»[2]. Р.Ш. Зельницкая (Шларба) также рассматривает трансформацию языкового поведения выходцев из сельской местности, переселившихся в города, в качестве адаптивной меры: «многие "горожане" (уроженцы сельской местности. – *Н.Б.*) постепенно перестают говорить на родном языке, выбирая инструментом общения русский язык. Мой информант – не абхаз и не житель Абхазии – с удивлением отмечает, как могут идти два абхазца и разговаривать на русском языке, хотя оба прекрасно знают свой родной язык»[3]. Л.Х. Саманба пишет: «Полбеды, если бы переселившиеся из сел в город, перенесли туда чистую абхазскую речь. К сожалению, случилось обратное. Они заговорили на языке наших горожан, которые давно говорят на смешанном абхазско-русском, русско-абхазском языке»[4].

Существует и иной взгляд на проблему активной урбанизации абхазов в послевоенный период. Так, Д.А. Канделаки и А.Ш. Хашба не считают, что внутриабхазская миграционная подвижность в рассматриваемый период оказала серьёзное

[1] Гогуа А.Н. Акуа – Сухум, Сухум – Акуа. Сухум, 2002. С. 84.
[2] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 17, 18.
[3] Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города в формировании системы… С. 173.
[4] Саманба Л.Х. Чтобы звучала абхазская речь // Языковой суверенитет в контексте политической субъектности самоопределившихся государств. Тирасполь, 2010. С. 116.

воздействие на этнокультурный облик абхазского этноса. Авторы, в частности, отмечают: «миграция в город в целом мало влияет на этнокультурный облик современных абхазов. Причин этому несколько. Во-первых, в пределах объективно допустимых чаще всего мигранты сами переносят большинство культурных и бытовых особенностей сельского образа жизни в город. Во-вторых, и сами города Абхазии не особо отдалены от сельской периферии, а частота посещения своих сёл остаётся всегда высокой. Тем самым говорить о полной урбанизации абхазов как недавно переселившихся, так и коренных горожан, не приходится. Абхаз, живущий в городе, многими зримыми и незримыми нитями связан с деревней…»[1].

Усилившаяся в последние десятилетия связь города с селом проявляется в нарастании маятниковой миграции, начавшейся ещё в довоенное время[2], а также во всё более активном процессе *рурбанизации* в пригородных и находящихся близ трассы селениях, что оказывает серьёзное воздействие на языковые процессы в сельской местности. Если до войны этнически абхазское село и города республики представляли собой два резко отличных по характеру языковой ситуации ареала, то с середины 1990-х годов эта ярко очерченная граница стала постепенно размываться. С одной стороны, город стал несомненно более абхазоязычным за счёт активной инфильтрации этнически абхазского элемента. С другой стороны, сам город способствовал не только постепенной языковой аккультурации выходцев из сельской местности, осевших в нём, но и стал оказывать аналогичное влияние, хоть и в меньшей степени, на саму сельскую местность. Экстраполируя глобальную сущность

[1] Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация поло-возрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 78, 79.
[2] См.: Шамба Р.П. Современное использование трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазии // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VII. Сухуми, 1989. С. 265, 266.

концепта Маршалла Маклюэна на небольшую по территории Абхазию, можно сказать, что и наша страна, как и земной шар в целом, «сузилась», «сжалась» до размеров одной деревни. Усилившаяся роль телевидения, значительно возросшая пространственная мобильность населения, вызванная массовой автомобилизацией, и главное, повсеместное распространение новейшего средства коммуникации, получения и обмена информацией – сети Интернет – способствовали сглаживанию различий между городом и селом и усилению влияния русского языка в абхазских сёлах. В.А. Чирикба также указывает: «хотя в селе абхазский язык по-прежнему доминирует, влияние близлежащих городов, где работают члены многих семей, а также преимущественно русскоязычная образовательная система и русскоязычное телевидение обеспечивают активное внедрение русского языка также и в сельские местности»[1].

Гетерогенный характер формирования языковой практики современного абхаза детально описан у О.Н. Дамениа, который отмечает, что данная проблематика до сих пор не стала объектом серьёзного междисциплинарного научного исследования[2]. Одной из важнейших причин постепенного перехода от массового билингвизма к преимущественному использованию русского языка в городской среде автор видит степень социальной функциональности обоих языков в достаточно резко изменившихся условиях и образе жизни современного абхазского горожанина: «социальные функции этих языков в жизни абхаза распределялись определенным образом: абхазский язык выступал как средство внутриэтнического общения, а русский — как средство межэтнического общения. Но вдруг абхаз, словно мольеровский герой, обнаруживает, что он и в своей этнической среде, оказывается, чаще говорит на русском языке, нежели на родном. Это весьма болезненно задело

[1] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 18.
[2] Дамениа О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб., 2011. С. 365–390.

его самолюбие и стало тревожить сознание: не утратит ли он таким образом свой язык?»[1].

В.М. Алпатов также акцентирует внимание на психологической составляющей процесса *языкового сдвига*, отмечая при этом, что отношение индивида к преимущественно используемому им неэтническому языку находится во взаимосвязи с социальным статусом последнего: «В большинстве случаев материнский язык – это язык своего этноса, своей культуры. Пользование “чужим” языком легко связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор – ощущение особой престижности “чужого” языка, скажем, английского или русского»[2].

По всей вероятности, абхазское общество в настоящее время находится в процессе *языкового сдвига*, то есть поэтапного отказа от своего этнического языка и перехода на другой (русский) язык. Подобный переход, как правило, сопровождается достаточно длительным периодом двуязычия[3]. М.Н. Губогло рассматривает двуязычие в качестве необходимого и обязательного этапа в процессе перехода человека или группы лиц с одного языка на другой[4]. Он же пишет, что «двуязычие необходимо рассматривать как важнейший период и как составную часть процесса языковой ассимиляции»[5]. Языковой сдвиг по своим темпоральным характеристикам может быть медленным (сотни лет), быстрым (три-четыре поколения) и катастрофическим (одно-два поколения)[6]. Поскольку начало периода полноценного двуязычия у абхазского этноса в Абхазии отно-

[1] Там же. С. 366.
[2] Алпатов В.М. Языковая политика… С. 9, 10.
[3] Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 111.
[4] Губогло М.Н. О влиянии расселения на языковые процессы // Советская этнография, 1969, №5. С. 17.
[5] Там же.
[6] Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Указ. соч. С. 119.

сится примерно к 1960-м годам, можно предположить, что абхазское общество пребывает в процессе медленного языкового сдвига. Однако в случае, если самое младшее поколение нынешних горожан, часть которого ещё продолжает усваивать абхазский язык естественным образом (внутри семьи), полностью откажется от передачи этнического языка своим детям, можно будет говорить о быстром языковом сдвиге. Акцент здесь делается именно на горожанах, поскольку масштабы урбанизации в Абхазии таковы, что, судя по всему, в последующие десятилетия подавляющее большинство абхазов станут жителями городов, а усадьбы в родовых селениях, в лучшем случае, превратятся в «загородные дома» или «дачи». Современная абхазская сельская молодёжь в массе своей настроена на смену места жительства путём переселения в наиболее привлекательные с экономической точки зрения городские центры[1], исключительное место среди которых – особенно для жителей Абжуа – занимает Сухум. Таким образом, абхазское село, которое до настоящего времени являлось своеобразным культурно-языковым резерватом, может в обозримом будущем потерять эту свою функцию. А.Н. Ямсков отмечает: «Этот процесс ускоренной и до какой-то степени даже “искусственной” урбанизации очень серьёзно отразился на абхазском селе, приведя к целому ряду весьма негативных социально-демографических изменений в сельской местности. А ведь именно в селе, как известно, наиболее полно и долго сохраняются элементы традиционной народной культуры и именно сельское население обычно отличается более высоким, по сравнению с городским, естественным приростом, обеспечивая тем самым наиболее весомый вклад в воспроизводство носителей этнической культуры»[2]. В 2004 году Л.П. Чкадуа писала: «…усилившийся процесс урбанизации может привести к тому, что через 10-20 лет многие абхазские деревни опустеют. Те, которые сегодня переселились в города, еще будут держать связь с деревней, для них абхазский язык останется родным. Но их дети, а тем более внуки вряд ли будут так тесно связаны с деревней»[1]. Процесс урбанизации усиливает и наметившаяся в последние десятилетия у незамужних сельских девушек тенденция к предпочтению заключения браков с горожанами[2]. По мнению Д. Грэддола, одной из основных причин языкового сдвига в условиях контакта миноритарных языков с «мировыми» является урбанизация[3].

[1]Ямсков А.Н. Экономическое положение и социально-демографические особенности сельских абхазов // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008. С. 148.

[2] Там же. С. 147, 148.

Процесс языкового сдвига в абхазской столице находит своё отражение и в непропорционально высокой (относительно этнической структуры лиц школьного возраста) доле школ исключительно с русским языком преподавания. Несмотря на то что этнические абхазы составляют абсолютное большинство сухумских школьников, лишь около трети школ столицы (и секторов в двуязычных школах) являются абхазскими, тогда как больше половины – русскими. Однако и в самих абхазских школах и абхазских секторах смешанных школ русский язык является языком преподавания, начиная с пятого класса. Т.А. Ачугба характеризует данную ситуацию как «фактическое отсутствие абхазских образовательных учебных учреждений»[4]. Абсолютное большинство детей, представляющих нерусские этнические меньшинства, также обучаются в русских школах. Это касается и значительной части армянских детей, несмотря на наличие в городе армянской школы. По данным Министерства образования и науки Республики Абхазия, на 28 марта

[1] Чкадуа Л.П. Указ. соч. С. 270.

[2]Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Абхазская молодежь между городом и деревней // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М., 2015. С. 59, 61.

[3] Graddol D. English Next. London, 2006. C. 56.

[4] Ачугба Т.А. О некоторых проблемах этнокультурной идентичности абхазов (ретроспективный анализ) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум – Москва, 2016. С. 626.

2016 года в городе Сухум имелось 17 государственных средних общеобразовательных школ, в том числе 4 абхазские (№1, №4, №5 и №10), 4 смешанные школы с абхазским и русским секторами (№6, №7, №13 и №14), 8 русских школ (№2, №3, №8, №11, №12, №15, Вспомогательная неполная средняя школа и Заочная средняя школа) и одна армянская школа №9[1].

В Сухумском районе, по тем же данным, имеется 11 средних общеобразовательных школ, 6 из которых расположены в пределах сёл Верхняя и Нижняя Эшера. Всего в районе 2 смешанные школы с абхазским и русским секторами (Эшерская средняя школа и Верхнеэшерская средняя школа №1), 6 армянских (Верхнеэшерская средняя школа №2, Верхнеэшерская неполная средняя школа №2, Нижнеэшерская средняя школа, Гумистинская средняя школа, Яштхуские средние школы №1 и №2) и 3 русские средние школы (Дзыгутская, Псхуская и Шицкуарская)[2]. В достаточно крупном селе Баслата, примыкающем к улице Чанба, не имеется своей школы: местные школьники обучаются в школах города. Этнически абхазские школьники, живущие на территории Гумистинской, Яштхуской и Дзыгутской сельских администраций, также обучаются преимущественно в городских школах.

Сценарий развития языковых процессов может быть и менее алармистским. У процесса языкового сдвига есть и обратный вектор – так называемая *языковая устойчивость*[3]. Таким образом, процесс языкового сдвига может быть в некоторой степени повёрнут вспять, благодаря институциональной поддержке, заинтересованности широких слоёв населения в сохранении языка и деятельности отдельных энтузиастов или их групп. Все эти признаки, в той или иной мере, проявляются и в современной Абхазии, что может если не полностью остановить процесс языкового сдвига, то существенно его отсрочить. Как отмечает Э. Хобсбаум, квинтэссенцией политики языковой эмансипации в обществах, находящихся или находившихся в процессе языкового сдвига, должно было явиться «создание университета с преподаванием на родном языке: в истории финского, валлийского и фламандского движений основание такого университета является знаменательной датой в национальной истории. Многие менее крупные языки пытались добиться этого на протяжении прошлых столетий, начиная, наверное, с голландского языка в XVII веке и кончая — пока — каталанским. Некоторые, подобно баскскому, не оставляют этих попыток и по сей день»[1]. Однако в условиях современной Абхазии создание подобного университета (или языковая трансформация существующего) представляется практически нереализуемой задачей.

Процесс ревитализации миноритарных языков, наблюдающийся в последние десятилетия в Западной Европе, обнаруживает одну принципиальную закономерность, которая может быть рассмотрена, в частности, на примере *Бретани*. Несмотря на перманентное отступление бретонского языкового ареала на запад, начиная, как минимум, с XII столетия[2], бретонский язык, тем не менее, оставался единственным языком бытового общения большей части населения Нижней Бретани вплоть до второй четверти XX века[3]. Исключение составляли крупные города, в особенности Брест, где уже к началу XX столетия абсолютно преобладал французский язык[4]. До начала Первой мировой войны подавляющее большинство населения

[1] Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазии. Исх. №155 от 31.03.2016 года.
[2] Там же.
[3] Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Указ. соч. С. 125.

[1] Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, №4 (49), 2005. С. 56.
[2] Бухонкина А.С. Бретонская лингвистическая граница: критерии разделения, факторы сдвига и изменения с IX по XX век // Вестник ТГПУ, 2013, № 10 (138). С. 85.
[3] Бухонкина А.С. Факторы эволюции коммуникативной среды Нижней Бретани // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 2013. Т. 13, вып. 3. С. 30.
[4] Бухонкина А.С. Бретонская лингвистическая граница… С. 86.

Нижней Бретани (90%) дома общалось на бретонском языке[1], при этом 60% жителей региона были британофонами-монолингвами[2]. Вследствие языковой политики Франции до того моноязычное сельское население Нижней Бретани уже к 1950–1960-м годам не только осваивает французский язык, но и зачастую полностью переходит на последний. Французскому государству, проводившему целенаправленную политику по дискредитации бретоноязычного населения, удаётся закрепить за бретонским языком в глазах самих носителей статус «деревенского» и социально не престижного. Публичное употребление бретонского языка стало ассоциироваться с отсталостью, породив явление негативной самоидентификации бретонцев. Доходило до того, что молодые девушки в середине XX века, желая выглядеть современно, скрывали, что владеют бретонским[3]. Аналогичное поведение в позднесоветский период отмечалось и у выходцев из Мегрелии, оказавшихся в грузинской этнокультурной среде. Л. Броерс приводит интервью с жительницей Цаленджихи, обучавшейся в 1970–1980-е годы в одном из тбилисских институтов: «во время моего обучения, в период между 1974 и 1986 годами, когда я жила в Тбилиси, я никогда не говорила по-мегрельски с другим мегрелом на улице… Если я встречала другого мегрела в автобусе, если они заговаривали со мной по-мегрельски или говорили мне что-то на мегрельском, я начинала волноваться, мне было стыдно»[4].

На сегодняшний день подавляющее большинство людей, для которых бретонский язык является родным, представлено пожилыми жителями сельской местности Нижней Бретани, в то время как в движении по поддержке и развитию бретонского

[1] Там же.
[2] Бухонкина А.С. Функциональный статус бретонского языка в контексте бретонской языковой ситуации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание, 2013, №2 (18). С. 83.
[3] Там же.
[4] Broers L. Указ. соч. С. 238.

языка задействованы, как правило, молодые горожане, чьим родным языком является французский[1]. Р. Ле Коадик отмечает: «Увлечение бретонским языком охватило молодежь, горожан и образованных людей, тогда как пожилые крестьяне в Нижней Бретани, говорящие на этом языке, все еще не оправились от ярлыка “отсталых”, навешенного на них в давние годы»[2].

Подобный контраст характерен (или был характерен в относительно недавнем прошлом) и для некоторых других регионов распространения миноритарных языков Западной Европы. Достаточно вспомнить, что основатель баскского национализма *Сабино Арана* родился в 1865 году в промышленной столице Басконии, городе Бильбао, в кастильскоязычной семье и овладел баскским языком уже в зрелом возрасте[3]. На закате франкистской эпохи галисийские крестьяне предпочитали слышать в церкви не родной язык, а «едва понятный, но зато авторитетный кастильский», тогда как городская интеллигенция Галисии «с удовольствием слушает с кафедр галисийскую речь, а дома говорит по-испански»[4].

Конечно, опыт развития языковых процессов в Нижней Бретани на протяжении последних 100 лет нельзя сопоставить с ситуацией в Абхазии, прежде всего потому, что абхазский язык, как и другие элементы абхазской культуры, никогда (за исключением, пожалуй, сталинско-бериевского периода) не становился объектом стигматизации со стороны российского или советского государства, а в этнической идентификации абхазов никогда, даже в самые сложные исторические периоды, не отмечалось признаков самоненависти. Кроме того, языковой

[1] Бухонкина А.С. Функциональный статус бретонского языка… С. 84.
[2] Ле Коадик Р. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М., 2013. С. 113.
[3] Conversi D. The Basques, the Catalans and Spain: Alternative Routes of Nationalist Mobilisation. Reno, 2000. С. 55, 57.
[4] Герд А.С. О некоторых проблемах этнолингвистики // Этнографическое обозрение, 1994, №5. С. 131.

сдвиг в Абхазии гораздо более растянут во времени. Однако в том случае, если в обозримом будущем языковая ситуация в Абхазии приблизится к бретонской, вполне вероятно, что центрами ревитализации абхазского языка станут именно города страны. Подобное допущение высказал Ю.Д. Анчабадзе, выступая на защите кандидатской диссертации А.Ш. Хашба, посвящённой этнодемографических процессам в современной Абхазии, в феврале 2016 года. Он, в частности, отметил, что сложившийся в научной среде тренд однозначно негативного восприятия процессов послевоенной урбанизации абхазского этноса может быть в некоторой степени пересмотрен, поскольку урбанизация несёт в себе и ряд очевидно положительных последствий для народа и государства.

Проблемы языковой ситуации в Абхазии касается и ряд современных грузинских авторов, в первую очередь Т. Гванцеладзе. В 2009 году в Тбилиси была издана книга «Языковая ситуация в современной Абхазии». Однако даже беглое ознакомление с содержанием работы даёт представление о том, насколько её название не соответствует контенту. Как гласит преамбула, в основу сборника вошли материалы научной конференции, проведённой в так называемом Сухумском государственном университете 14 апреля 2009 года. Книга состоит из трёх статей Т. Гванцеладзе, М. Начкебиа и Л. Эсатиа. Однако крайне политизированный характер публикаций, многочисленные фактологические ошибки и неподкреплённые соответствующими исследованиями выводы, по нашему мнению, не позволяют рассматривать данную работу как научную.

Так, в частности, статья Л. Эсатиа «Политика русификации в оккупированной Абхазии» начинается следующими словами: «Северо-Западная Грузия – Абхазия, это древнейший край Грузии. Она сегодня оккупирована Российской Федерацией при содействии абхазского сепаратистского режима»[1]. В заключе-

[1] Эсатиа Л. Политика русификации в оккупированной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009. С. 45.

нии автор приходит к выводу, что гарантией сохранения абхазского языка может быть только возвращение Абхазии в политико-правовое поле Грузии. Причём этот вывод, как явствует из текста, сделан в том числе и на основе «анализа настроений и взглядов… разных слоёв абхазского общества»[1].

В статье Т. Гванцеладзе без ссылки на источник приводятся ошибочные данные о численности этнических абхазов по данным учёта населения Абхазии 2003 года[2]. Автор также увязывает введение экзамена по абхазскому языку, сдача которого обязательна для выдвижения в качестве кандидата на должность Президента Республики Абхазия, с попыткой отсечь возможность занятия этой должности представителями этнических меньшинств[3]. Однако такая возможность непосредственно ограничена самой Конституцией РА[4], и использование косвенных механизмов совершенно излишне, что, очевидно, не было известно Т. Гванцеладзе.

М. Начкебиа, описывая транскрипционные изменения в официальном наименовании ряда населённых пунктов Абхазии в послевоенное время, приводит такие несуществующие топонимы, как *Аквалиа, Акварикеа, Аламкухара, Алахадзиси, Апсанхиндж, Баргиах, Лдаа, Чхуартали* и т.д[5]. Помимо этого, автор характеризует мегрелоязычное население Гальской зоны как «абсолютно грузиноязычное»[6]. Однако и в самой Мегрелии значительная часть учеников начальных классов проходит

[1] Там же. С. 58.

[2] Гванцеладзе Т. Абхазский язык в современной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009. С. 65.

[3] Там же. С. 62–64.

[4] Из статьи 49 Конституции РА: «Президентом Республики Абхазия избирается лицо абхазской национальности, гражданин Республики Абхазия, не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом» [Конституции Абхазии. XX век. Сост.: Чирикба В.А. (ред.), Шанава Т.А., Возба С.З. Сухум, 2015. С. 160].

[5] Начкебиа М. Топонимическая ситуация в современной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009. С. 77, 78.

[6] Там же. С. 79.

обучение на том языке, которым они ещё не владеют. Подобные примеры, имевшие место в городе Цаленджиха в самом начале XXI века, приводит Л. Броерс, один из респондентов которого отмечал, что для цаленджихских детей «грузинский является “иностранным языком”»[1]. Стоит отметить, что все авторы «Языковой ситуации в современной Абхазии» придерживаются антинаучной теории П. Ингороква.

В последние годы на этнодемографическую ситуацию в Сухуме стали влиять и новые факторы: частичное возвращение представителей этнических меньшинств (армян, русских, греков и т.д.), покинувших Сухум во время и после войны; частичное вовлечение жителей *Гальской зоны* в социокультурную жизнь города, выражающееся во внутренней трудовой и образовательной миграции; возникновение в 2012 году на северо-западной окраине столицы российского военного городка[2]; появление трудовых мигрантов преимущественно из стран Средней Азии; а также репатриация сирийских абхазов.

Степень влияния трудовой миграции из среднеазиатских республик и ряда других государств СНГ на этнокультурное пространство столицы, на наш взгляд, вряд ли стоит переоценивать, поскольку лишь незначительная часть трудовых мигрантов уже натурализовалась в Абхазии. Какие масштабы этот процесс может приобрести в будущем, зависит прежде всего от законодательно-правовой регуляции иммиграции и государственной политики в этом вопросе в целом. Э.Д. Эшба, в частности, отмечает: «вопрос трудовых мигрантов, несмотря на свою сложность и комплексность, всё-таки не является основным составляющим демографической проблемы республики, к тому же для отслеживания миграционных потоков достаточно обеспечить эффективную работу института регистрации по месту пребывания, а также рассмотрение возможности введения визового режима со странами СНГ (за исключением РФ)»[1]. Впоследствии, 1 апреля 2016 года, визовый режим со странами СНГ действительно был введён.

Из перечисленных выше групп к постоянному населению Сухума могут быть отнесены лишь вернувшиеся довоенные жители и репатрианты из Сирии[2]. Появление и натурализация в Абхазии последних отвечает как декларируемой (и в значительной степени проводимой) государством политике по привлечению этнических абхазов диаспоры на историческую родину, так и настроениям значительной части общества. Несмотря на общность этнического происхождения местного абхазского населения с арабоязычными и приверженными исламу репатриантами, в культурно-языковом отношении эти две группы резко разнятся. Следует полагать, что имеющиеся очевидные различия будут в значительной степени сглажены в ближайшие десятилетия. Неизбежная ассимиляция доминирующей культурно-языковой средой если не самих репатриантов, то их потомков, таким образом, является делом времени. Вопросом остаётся лишь, что будет представлять собой, каким трансформациям подвергнется или не подвергнется само культурно-языковое пространство абхазской столицы в обозримом будущем.

[1] Broers L. Указ. соч. С. 239.
[2] Акуа – Сухум. 21–31 января 2012, №2 (257).

[1] Эшба Э.Д. К вопросу о демографической ситуации в РА (анализ этнического и религиозного состава) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012. С. 256.
[2] Следует отметить, что непосредственно в Сухуме осела лишь часть из них.

Глава II

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СУХУМЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

С целью изучения современной этнодемографической ситуации в абхазской столице нами было проведено социологическое исследование, в основу которого лёг метод опроса. Опрос проводился опосредованно с помощью массового анкетирования жителей Сухума. Анкетирование проходило как очно (при непосредственном контакте автора с респондентами), так и заочно (при помощи проинструктированных распространителей). При этом заочное анкетирование без непосредственного коммуникативного контакта с респондентом (распространение анкет по Интернету или почте) было отвергнуто нами как потенциально менее корректное, способное дать больший процент неточных или заведомого ложных ответов.

Исследование проводилось в рамках плановой темы на 2015 год, утверждённой за автором в отделе этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. В дальнейшем материалы исследования подверглись определённой доработке.

При составлении анкеты мы попытались в максимально лаконичной форме изложить наиболее важные для настоящего исследования вопросы. Вопросы были сформулированы в доступной для всех категорий населения форме, таким образом, чтобы не вызвать непонимания или неверного толкования их сути. Основной задачей было уместить максимальное количество важных для исследования вопросов на одной стороне листа формата А4, чтобы размер шрифта при этом был читабельным. В конечном итоге в анкету вошло 15 вопросов

на русском языке, предваряемых необходимым в подобных случаях вступлением, содержащим информацию об институте, проводящем исследование, о целях анкетирования и пометку о том, что анкетирование полностью анонимное, не требующее предоставления таких личных данных респондента, как ФИО и адрес.

В задачи исследования входил сбор и последующий анализ информации об этническом составе населения Сухума, включая данные об этнически смешанном населении и особенностях этнической идентификации детей от смешанных браков; данные о распределении сухумчан по месту рождения и времени переезда в столицу уроженцев других населённых пунктов; причине их переезда в Сухум и интенсивности контактов с местом рождения; наличии близких родственников, постоянно проживающих за границей. Особенно важным было выявление данных о реальной языковой практике жителей города: получение информации о распределении населения по языку наилучшего владения, о степени владения выборкой абхазским языком и о степени владения меньшинствами своими этническими языками, о владении населением другими традиционно распространёнными (или некогда распространёнными) в Абхазии языками.

Вопрос о месте рождения был сформулирован таким образом, чтобы анкетируемый записал конкретный населённый пункт, в котором он родился (согласно паспорту или свидетельству о рождении). В случаях, когда анкетирование проводилось автором очно, этот момент специально проговаривался с респондентом. В тех случаях, когда анкетирование проводили распространители, необходимость подобных разъяснений отдельно обговаривалась с последними. Несмотря на это, часть выборки, по всей видимости, неверно указала место рождения. Наиболее распространённая ошибочная тенденция у части выходцев из абхазских сёл проявлялась в записи в качестве места рождения не того села, уроженцами которого они значатся согласно официальному документу, а райцентра.

Данные об этническом происхождении собирались на основе трёх вопросов, сформулированных с использованием понятной для жителей Абхазии категории «национальность», принятой в советской этнографии для обозначения этнической принадлежности и институционально закреплённой в этом качестве как в советских официальных документах, так и в современных абхазских. Помимо вопроса об этничности самого респондента, собиралась информация об этнической принадлежности отца и матери опрашиваемого. При этом в отдельных сложных случаях анкетируемым разъяснялось, что все три вопроса о «национальности» заполняются исключительно по самоопределению и никак не привязаны к документально зафиксированной во внутреннем паспорте этничности. Иногда этот вопрос поднимали и сами респонденты. Как правило, его суть сводилась к возможности или невозможности фиксации варианта «мегрел/ка» в графе «ваша национальность» или «национальность матери», поскольку в паспорте у человека зафиксировано «грузин/ка».

Во избежание неверного восприятия данные о «родном языке» собирались нами с помощью вопроса «Каким языком Вы лучше всего владеете?». Другие возможные варианты, как то: «На каком языке Вы думаете?», «На каком языке Вы научились говорить?» и т.д., – решено было не включать в вопросник. Продиктовано это было, с одной стороны, нехваткой свободного места и нежеланием излишне перегружать анкету; с другой – не каждый респондент был бы в состоянии адекватно истолковать суть некоторых из этих вопросов. Несмотря на кажущуюся очевидность смысловой нагрузки вопроса о языке, включённого в анкету, респондентам и здесь давалось необходимое разъяснение. Часть респондентов, невнимательно или слишком бегло ознакомившись с анкетой, пыталась указать в поле ответа все языки, которыми они, по их мнению, владеют. У другой части, особенно у молодёжи мужского пола, по всей вероятности, под влиянием психологических факторов, прослеживалась тенденция к фиксации заведомо ложного ответа на данный вопрос, что часто выявлялось уже при ответе на следующий вопрос. Так, многие из указавших абхазский язык в качестве языка наилучшего владения, на вопрос о степени владения данным языком отвечали: «говорю с затруднениями» или же «только понимаю». Все эти моменты мы старались выявить и обратить на них внимание респондентов непосредственно во время заполнения анкеты, что, однако, вовсе не исключает наличия определённого процента ложных ответов.

В состав респондентов вошли грамотные дееспособные лица (имеющие возможность самостоятельно заполнить анкету), на момент проведения опроса постоянно проживающие в Сухуме, а также жители других населённых пунктов Абхазии, значительную часть времени находящиеся или проживающие в городе (например, студенты Абхазского государственного университета) и, таким образом, вовлечённые в этнокультурное пространство столицы. Возрастных ограничений не вводилось, за исключением вытекающих из возможности письменно ответить на вопросы анкеты без посторонней помощи. Половых, социальных, этнорелигиозных и иных ограничений также не имелось.

Опрос проводился в Сухуме с февраля по сентябрь 2015 года. Анкеты распространялись в организациях, на предприятиях, в школах[1], в Абхазском государственном университете, а также на улицах города.

В ходе полевой части исследования было собрано порядка 750 анкет, однако в процессе обработки материала часть анкет была отбракована (в том числе неверно заполненные и содержащие заведомо ложные сведения, например: владение учеником средней школы несколькими языками американских индейцев, фиксация вымышленной национальности и т.д.). В итоге в работу вошло 572 анкеты.

[1] Среди учеников и преподавательского состава русской средней школы №2 им. А.С. Пушкина, абхазской средней школы №4 им. Д.И. Гулиа, армянской средней школы №9 им. О.Т. Туманяна, абхазской Горской средней школы №10 им. Н.А. Лакоба и негосударственной школы «Альфа».

АНКЕТА

Уважаемый житель города Сухум! Вам предлагается принять участие в социологическом исследовании, проводимом АбИГИ им. Д.И. Гулиа с целью изучения современной этнодемографической ситуации в нашей столице. **Анкетирование анонимное: писать ФИО и адрес не нужно.** Спасибо за Вашу помощь!

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Ваш пол: мужской; женский (нужное подчеркнуть).

2. Год рождения: _____

3. Место рождения (согласно паспорту или свидетельству о рождении): _____
_____

Вопросы №4, 5, 6 только для родившихся за пределами г. Сухум.

4. С какого года постоянно проживаете в Сухуме?
_____

5. Причина переезда в Сухум: учёба; работа; дом разрушен во время войны; иные обстоятельства экономического характера; семейные обстоятельства; иная причина (нужное подчеркнуть).

6. Как часто посещаете город/село, в котором родились: каждую неделю или чаще; один или несколько раз в месяц; несколько раз в год; примерно один раз в год; не каждый год; не посещаю (нужное подчеркнуть).

7. Ваше образование: начальное; неполное среднее; среднее; среднее профессиональное; неоконченное высшее; высшее; кандидат наук; доктор наук (нужное подчеркнуть).

8. Ваша национальность _____

9. Национальность отца _____

10. Национальность матери _____

11. Каким языком Вы лучше всего владеете? _____
_____

12. Степень владения абхазским языком: говорю свободно; говорю с затруднениями; только понимаю; не говорю и не понимаю (нужное подчеркнуть).

Указавшим в вопросе №8 «абхаз(ка)» или «русский/ая», на вопрос №13 не отвечать.

13. Степень владения языком своей национальности: говорю свободно; говорю с затруднениями; только понимаю; не говорю и не понимаю (нужное подчеркнуть).

14. Какими ещё языками владеете? _____
_____

15. Имеете ли Вы близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии? Если да, то в каких странах?
_____

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

Общее количество анкет – 572. Половой состав респондентов: 181 мужчина (31,6%) и 391 женщина (68,4%). По данным переписи населения 2011 года, в Сухуме проживало 62914 человек, в том числе 27778 мужчин (44,2%) и 35136 женщин (55,8%)[1]. Половая диспропорция респондентов вызвана большей заинтересованностью и более активным участием женщин в анкетировании (рис. 27).

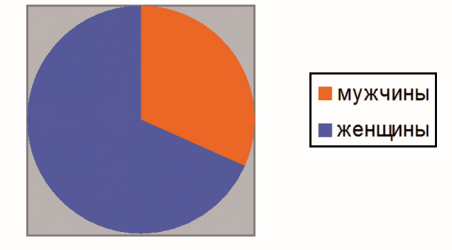

Рис. 27. Половой состав респондентов.

Поскольку вопросник анкеты не предусматривал записи сведений о точной дате рождения человека, а ограничивался указанием года рождения, то возрастной состав респондентов будет рассмотрен в разрезе четырёх условных групп:

1. Лица школьного возраста;
2. Лица студенческого возраста;
3. Взрослые;
4. Лица пенсионного возраста.

Условность данной градации определяется её актуальностью непосредственно для настоящего исследования, поскольку такая возрастная разбивка позволяет установить основные тенденции этнокультурных и этноязыковых характеристик в пределах выделенных возрастных когорт.

[1] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 14.

К лицам условно школьного возраста отнесены респонденты 1998 и более поздних годов рождения, то есть те, кому на момент проведения анкетирования было до 17 лет включительно. К лицам условно студенческого возраста (это, разумеется, не означает, что все они являются или являлись студентами) отнесены респонденты 1992–1997 годов рождения. Таким образом, две первые группы родились в военное и послевоенное время. К «взрослой» группе отнесены респонденты 1956–1991 годов рождения, то есть лица от 24 до 59 лет включительно. Представители этой возрастной группы родились в советское послесталинское время. К лицам условно пенсионного возраста отнесены респонденты 1955 и более ранних годов рождения, то есть шестидесятилетние (возраст выхода мужчины на пенсию) и старше.

Лиц школьного возраста среди респондентов оказалось 113 (19,8%) человек, лиц студенческого возраста – 144 (25,2%) человека. Таким образом, в совокупности «послевоенное поколение» составило почти половину выборки – 45,0%. Во «взрослую» группу вошло 259 (45,3%) человек, в «пожилую» – 56 (9,8%) человек (рис. 28). Самый младший респондент родился в 2007 году в Сухуме, самый старший – в 1925 году в селе Ткуарчал Кодорского уезда.

Возрастной состав населения Сухума, по данным переписи 2011 года, выглядел в целом достаточно схоже, однако в анкетировании заметен существенный перекос в сторону молодого поколения. Так, лиц до 24 лет включительно («послевоенное поколение») в Сухуме в 2011 году было 20436 (32,5,%); лиц от 25 до 59 лет включительно, что соответствует «взрослой» категории в настоящем исследовании, – 32450 (51,6%), лиц от 60 лет и старше – 10028 (15,9%)[1].

[1] Там же. С. 46.

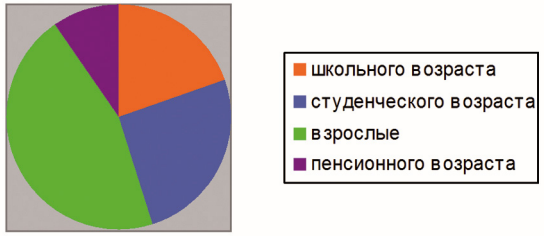

Рис. 28. Возрастные группы респондентов.

Состав респондентов по месту рождения, с одной стороны, отличается большой вариативностью, с другой – в нём прослеживаются определённо очерченные тенденции. Уроженцев Сухума среди опрошенных оказалось 269 человек или 47,0% выборки; уроженцев Гудаутского района – 101 (17,7%), Очамчырского района – 75 (13,1%), Ткуарчалского района – 49 (8,6%), Гагрского района – 19 (3,3%), Сухумского района – 12 (2,1%), Гулрыпшского района – 7 (1,2%), Галского района – 4 (0,7%). Итого уроженцы Абхазии составили 93,7% респондентов.

Среди неместных уроженцев закономерно преобладают выходцы из Абжуйской и Бзыпской Абхазии, что связано с общей траекторией послевоенной миграционной подвижности абхазского этноса, о чём было подробно сказано выше. В то же время незначительная представленность выходцев из Гагрского и Гулрыпшского районов объясняется тем, что эти районы, с одной стороны, до недавнего времени имели незначительный процент абхазского населения, с другой – наряду с Сухумом, в послевоенное время сами явились центрами притяжения населения из регионов традиционной для постмахаджирской Абхазии концентрации этнических абхазов. Выходцев из преимущественно этнически армянского Сухумского и этнически мегрельского Галского районов в выборке оказалось также незначительное количество. При этом 83,3% уроженцев Сухумского района происходят из преимущественно этнически абхазского села Нижняя Эшера.

Среди респондентов имелись также уроженцы иностранных государств: России – 25 (4,4%) человек, Армении – 4 (0,7%) человека, Грузии – 3 (0,5%) человека, Казахстана – 2 (0,3%) человека и Украины – 2 (0,3%) человека (рис. 29).

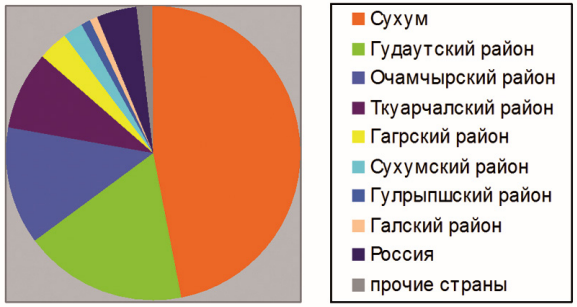

Рис. 29. Респонденты по месту рождения.

При рассмотрении места рождения респондентов по возрастным когортам становятся заметны существенные различия. Среди самой младшей возрастной группы (113 человек) процент коренных сухумчан закономерно выше, чем в среднем по выборке – 84 (74,3%) человека. Уроженцев Гудаутского района отмечено всего 4 (3,5%), Очамчырского района – 2 (1,8%), Ткуарчалского – 4 (3,5%), Гагрского – 1 (0,9%), Гулрыпшского – 1 (0,9%). Уроженцев Сухумского и Галского районов среди респондентов школьного возраста не отмечено. Также у данной возрастной когорты повышен процент уроженцев иностранных государств, что может быть объяснено получившей распространение в последнее десятилетие практикой выезда на территорию России для родов, а также возвращением в Абхазию части представителей этнических меньшинств с детьми, рождёнными за пределами страны. Так, уроженцев Российской Федерации среди респондентов школьного возраста отмечено 14 (12,4%) человек, а уроженцев Армении – 3 (2,7%) человека (рис. 30).

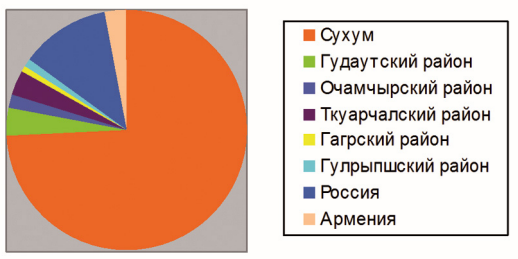

Рис. 30. Респонденты школьного возраста по месту рождения.

Среди респондентов студенческого возраста (144 человека), наоборот, закономерно повышена доля уроженцев районов Абхазии. Уроженцев Сухума – 62 (43,1%) человека, Гудаутского района – 39 (27,1%) человек, Очамчырского района – 7 (4,9%) человек, Ткуарчалского района – 8 (5,6%) человек, Гагрского района – 12 (8,3%) человек, Сухумского – 8 (5,6%) человек, Гулрыпшского – 2 (1,4%) человека, Галского – 2 (1,4%) человека. Среди уроженцев иностранных государств в этой возрастной когорте отмечено 3 (2,1%) уроженца России и 1 (0,7%) – Украины (рис. 31).

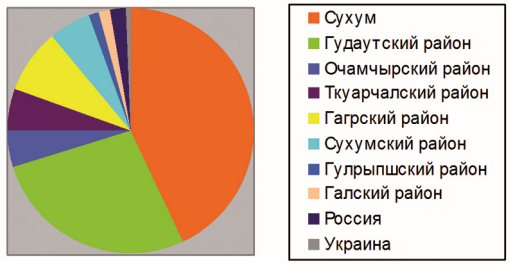

Рис. 31. Респонденты студенческого возраста по месту рождения.

Распределение «взрослой» части респондентов (259 человек) по месту рождения выглядит следующим образом: ко-

ренных сухумчан – 104 (40,2%) человека, уроженцев Гудаутского района – 50 (19,3%) человек, Очамчырского – также 50 (19,3%) человек, Ткуарчалского – 28 (10,8%) человек, Гагрского – 6 (2,3%) человек, Сухумского – 4 (1,5%) человека, Гулрыпшского – 4 (1,5%) человека, Галского – 2 (0,8%) человека. Среди респондентов, родившихся в довоенное время, отмечается резкое численное преобладание выходцев из Абжуйской Абхазии над выходцами из Бзыпской Абхазии. Думается, с учётом истории внутриабхазской миграционной подвижности последних десятилетий, не будет ошибкой допустить, что эти данные могут быть экстраполированы на всё население Сухума. Таким образом, есть основания полагать, что абжуйская часть абхазского населения столицы превосходит по численности бзыпскую. Среди «взрослой» когорты респондентов также отмечено 5 (1,9%) выходцев из России, 3 (1,2%) уроженца Грузии, 1 (0,4%) уроженец Армении, 1 (0,4%) – Казахстана и 1 (0,4%) – Украины (рис. 32).

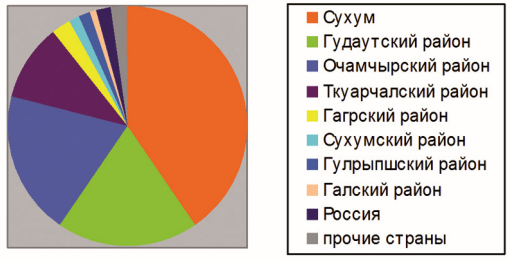

Рис. 32. Респонденты «взрослого» возраста по месту рождения.

В распределении респондентов условно пенсионного возраста (56 человек) по месту рождения наблюдается дальнейший, вряд ли нуждающийся в дополнительных пояснениях, сдвиг в сторону уменьшения доли коренных сухумчан, которых было отмечено лишь 19 человек или 33,9% от общего чис-

ла. Уроженцев Гудаутского района в данной возрастной группе – 8 (14,3%) человек, Очамчырского – 16 (28,6%) человек, Ткуарчалского – 9 (16,1%) человек. Выходцев из других районов Абхазии не отмечено. Среди самой старшей возрастной группы также отмечается ярко выраженное преобладание уроженцев Абжуа над выходцами из Бзыпской Абхазии. А отсутствие уроженцев остальных регионов Абхазии объясняется почти полным отсутствием абхазского населения в данных районах во второй четверти XX века, когда родились представители этой когорты. Уроженцев России среди респондентов пенсионного возраста – 3 (5,4%) человека, Казахстана – 1 (1,8%) человек (рис. 33).

Рис. 33. Респонденты «пенсионного» возраста по месту рождения.

Если обратиться к месту рождения респондентов-уроженцев Абхазии в разрезе исторических областей, то вырисовывается следующая картина. Из 536 уроженцев Абхазии 269 родились в Сухуме (50,2%), 122 – в Абжуа[1] (22,8%), 119 – в Бзыпской Абхазии[2] (22,2%), 11 – в Садзны[3] (2,1%), 9 – в Гумской

[1] Уроженцы территории между реками Кодор и Охурей.
[2] Уроженцы Гудаутского района, восточной части Гагрского района (Бзыпта, Алахадзы, Лдзаа) и села Эшера Сухумского района.
[3] Уроженцы Гагрского района, кроме его восточной (бзыпской) части.

Абхазии[1] без Сухума (1,7%), 6 – в Самурзакане[2] (1,1%). Уроженцев высокогорных областей Псху, Цабал и Дал не зафиксировано (рис. 34).

Здесь, однако, следует принять во внимание, что факт рождения респондента-абхаза на территории определённой исторической области не является автоматическим подтверждением его принадлежности к соответствующей этнографической группе абхазского народа. Например, двое респондентов, являющихся абжуйцами по происхождению, родились в городе Гудаута и, таким образом, учтены в данном случае как уроженцы области Бзып. Родившись в Гудауте, ни один из них в сознательном возрасте не проживал постоянно в этом городе. Подобные случаи получили распространение в период Отечественной войны народа Абхазии и были связаны с тем, что места постоянного проживания семей этих респондентов оказались в зоне грузинской оккупации, и они были вынуждены временно переехать на территорию, подконтрольную абхазским властям. Являясь уроженцами Бзыпской Абхазии, они, тем не менее, не принадлежат к этнографической группе бзыпцев. Однако таких респондентов, насколько можно судить, в выборке в целом немного.

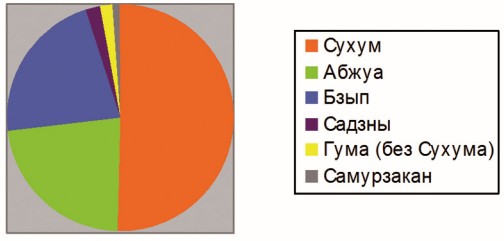

Рис. 34. Респонденты-уроженцы Абхазии по региону рождения.

[1] Уроженцы Сухумского (без Эшеры и Псху; г. Сухум в данном случае также рассматриваем отдельно) и Гулрыпшского (без области Цабал–Дал) районов.
[2] Галский район в старых границах, а также абхазские сёла Река, Агубедиа и Первая Бедиа.

В разрезе городских поселений и сельской местности среди родившихся за пределами Сухума (всего 303 человека) наибольшее количество респондентов происходит из города Гудаута – 54 (17,8%) человека. Второе место принадлежит уроженцам сильно пострадавшего в ходе войны и тяжелой послевоенной экономической ситуации Ткуарчала – 45 (14,9%) человек. Далее следуют уроженцы Очамчыры – 18 (5,9%) человек, Гагры – 11 (3,6%) человек, Нового Афона – 6 (2,0%) человек, пгт Бзыпта – 5 (1,7%) человек, Гала – 4 (1,3%) человека, пгт Гулрыпш – 4 (1,3%) человека. Выходцев из Пицунды и Цандрыпша отмечено не было. Помимо этого, среди некоренных сухумчан отмечено 59 (19,5%) уроженцев абжуйских сёл, 54 (17,8%) уроженца бзыпских сёл, 2 (0,7%) уроженца абхазских сёл Самурзакана (Река и Первая Бедиа), 5 (1,7%) уроженцев селений Гумской Абхазии (абхазы и армяне). Таким образом, уроженцев сельской местности Абхазии среди неместных уроженцев вкупе – 39,6% (преимущественно этнические абхазы). Кроме того, среди заполнивших анкеты было 36 (11,9%) уроженцев иностранных государств (рис. 35).

Рис. 35. Респонденты-неместные уроженцы в разрезе городских поселений и сельской местности.

Несмотря на то что вопрос о месте рождения всегда отдельно проговаривался при анкетировании, по всей вероятности, часть респондентов, указавших в качестве места рождения города Гудаута, Очамчыра и Ткуарчал, на самом деле родилась в прилегающих сёлах соответствующих районов. Здесь имело место отождествление района с райцентром, а в случае с Ткуарчалом – отождествление с близлежащим культурно-экономическим центром. Определённую часть неверно зафиксированных ответов уроженцев сёл Лыхны, Гуп и Маркула удалось упредить непосредственно в ходе анкетирования. Не исключено, что часть уроженцев (а возможно, и жителей) пригородных сёл Сухумского района, образующих вместе со столицей своеобразную квазиагломерацию – Гумиста, Ачадара, Яштхуа, Баслата, – указала в качестве места рождения Сухум. Непосредственно примыкающая к столице сельская местность Сухумского района на обыденном уровне воспринимается многими жителями данных сёл, а также самими сухумчанами, как органичная часть столицы.

Уроженцы сельской местности Абхазии (120 человек) составляют 21,0% всех респондентов. Полный список указанных в пункте «место рождения» сёл Абхазии с количеством родившихся в них респондентов следующий: Нижняя Эшера – 10, Кутол – 8, Лыхны – 8, Члоу – 8, Пакуаш – 6, Атара Абхазская – 5, Джгерда – 5, Дурипш – 5, Тамыш – 5, Адзюбжа – 4, Джирхуа – 4, Абгархук – 3, Арасадзыхь – 3, Ачандара – 3, Куланырхуа – 3, Мгудзырхуа – 3, Ткуарчал (сельская администрация) – 3, Тхина – 3, Аацы – 2, Арсаул – 2, Гумиста – 2, Калдахуара – 2, Лдзаа – 2, Моква – 2, Отап – 2, Отхара – 2, Акуаскя – 1, Алахадзы – 1, Анхуа – 1, Бабышира – 1, Баслаху – 1, Блабырхуа – 1, Гуада – 1, Гуп – 1, Дранда – 1, Звандрипш – 1, Маркула – 1, Мачара – 1, Первая Бедиа – 1, Река – 1, Хуап – 1.

Состав респондентов по уровню образования следующий: имеют только начальное образование – 7 (1,2%) человек, неполное среднее – 117 (20,5%) человек, среднее – 85 (14,9%) человек, среднее профессиональное – 26 (4,5%) человек, нео-

конченное высшее – 83 (14,5%) человека, высшее (без учёной степени) – 239 (41,8%) человек, кандидатов наук – 13 (2,3%) человек, докторов наук – 2 (0,3%) человека (рис. 36).

Рис. 36. Уровень образования респондентов.

По времени переезда на постоянное место жительства (или периоду начала регулярной маятниковой миграции) в Сухум некоренные сухумчане (303 человека) могут быть разделены на 3 группы: переселившиеся до 1992 года включительно (довоенное население), переселившиеся с 1993 по 2003 год включительно (основной поток послевоенного переселения) и осевшие в городе после 2003 года. Последний рубеж выбран условно, поскольку в 2003 году был проведён учёт населения Абхазии, по данным которого в Сухуме проживало 43716 человек[1]. А данные переписи 2011 года зафиксировали рост населения столицы на 19198 человек по отношению к показателям учёта 2003 года[2]. Таким образом, согласно официальным данным, население Сухума за 8 лет выросло на 43,9%.

До 1992 года включительно в город переселились 81 респондент, что составляет 26,7% от общего числа неместных уроженцев. В период с 1993 по 2003 год в Сухуме осели 95 респондентов (31,4%), а после 2003 года – 127 (41,9%) (рис. 37).

[1] Абхазия в цифрах. С. 14.
[2] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 14.

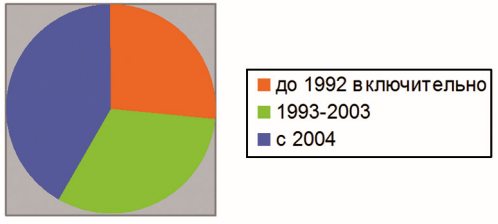

Рис. 37. Респонденты-неместные уроженцы по времени переселения в Сухум.

В анкете фигурировали следующие варианты ответа на вопрос о причинах переезда в Сухум: «учёба», «работа», «дом разрушен во время войны», «иные обстоятельства экономического характера», «семейные обстоятельства» и «иная причина». В связи с учёбой в столицу переселились 131 человек или 43,2% от числа некоренных сухумчан; по семейным обстоятельствам – 96 (31,7%) человек; из-за работы – 40 (13,2%) человек. В качестве причины переезда 14 (4,6%) респондентов указали «дом разрушен во время войны», на иные причины экономического характера сослались 5 (1,7%) человек, иную причину указали 17 (5,6%) человек (рис. 38).

Рис. 38. Причина переезда в Сухум респондентов-неместных уроженцев.

Тринадцать из четырнадцати респондентов, указавших в качестве причины переезда в Сухум пункт «дом разрушен во время войны», – абхазы из Абжуа. Значительная доля жилищного фонда в абхазских сёлах Очамчырского района была разрушена в период оккупации части его территории грузинскими войсками в ходе войны. Р.Ш. Зельницкая (Шларба) отмечает: «…часть послевоенной миграции в город была вынужденной. К вынужденным переселенцам относилась категория людей, чьи дома были сожжены во время боевых действий, а территория приусадебных участков заминирована. Для разминирования и строительства нового дома средств не было, погорельцам приходилось поселяться в городе»[1]. Подвергся серьёзным разрушениям и блокадный Ткуарчал, 5 выходцев из которого указали на данную причину переселения в Сухум, что составляет 35,7% от числа всех указавших пункт «дом разрушен во время войны». Среди других населённых пунктов в анкетах фигурируют сёла Ткуарчал – 2 (14,3%) человека, Тамыш – 2 (14,3%) человека, Адзюбжа – 1 (7,1%) человек, Атара Абхазская – 1 (7,1%) человек, Моква – 1 (7,1%) человек, а также город Очамчыра – 1 (7,1%) человек. Единственный респондент не из Абжуа, указавший в анкете рассматриваемую причину переезда в столицу, родился в Гудауте (рис. 39).

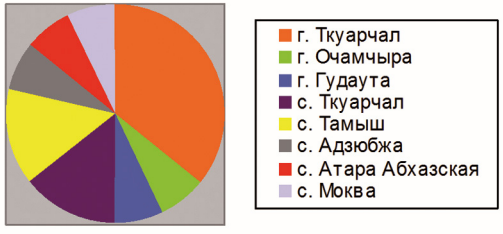

Рис. 39. Место рождения респондентов, переехавших в Сухум по причине разрушения дома во время войны.

[1] Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города… С. 172.

Отдельной задачей исследования было установить степень и интенсивность связей с местом рождения у некоренных сухумчан. По данным анкетирования, 101 респондент посещают населённый пункт, в котором родился, каждую неделю или чаще, что составляет 33,3% от общего числа неместных уроженцев; 76 (25,1%) человек указали, что посещают место рождения один или несколько раз в месяц; 44 (14,5%) – несколько раз в год; 25 (8,3%) – примерно один раз в год; 23 (7,6%) – не каждый год; а 34 (11,2%) человека отметили, что вовсе не посещают родной город или село (рис 40). Полученные данные подтверждают мнение ряда специалистов о достаточно высокой интенсивности контактов городских абхазов с родными или родовыми сёлами[1].

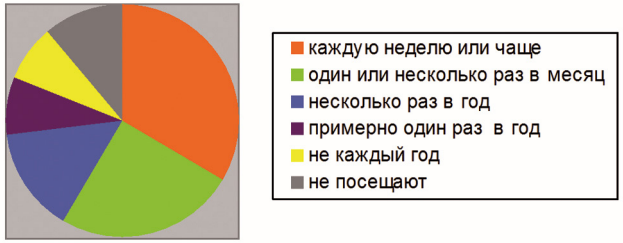

Рис. 40. Частота посещения места рождения респондентами-некоренными сухумчанами.

Определённые различия в частоте посещения родных сёл прослеживаются между уроженцами сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии (табл. 12). Выходцы из сельской Абжуа посещают родные сёла гораздо чаще уроженцев сельского Бзыпа.

Географический и транспортный фактор вряд ли могут оказывать определяющее воздействие на интенсивность связей с

[1] См. Дубова Н.А. Демографическая ситуация… С. 492; Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Указ. соч. С. 78, 79.

местом исхода: Гудаутский и Очамчырский районы равноудалены от столицы; состояние центральной трассы в западном направлении очень хорошее, в восточном – вполне удовлетворительное[1]; бóльшая часть дорог, соединяющих сельские администрации с трассой, также имеет достаточно качественное асфальтовое покрытие. Однако в то время как общественный транспорт связывает центральный рынок Сухума с большинством абжуйских сёл, селения Бзыпской Абхазии имеют непосредственное автобусное сообщение лишь со своим райцентром. Подобная ситуация возникла ещё в советское время, что, на наш взгляд, является одним из важных показателей большей экономической ориентированности Абжуйской Абхазии на столицу, в сравнении с Бзыпской. А это, в свою очередь, во многом определило ещё до войны и продолжает определять в настоящее время (наряду с прочими факторами, о которых подробно говорилось в первой главе) более высокую степень вовлеченности абжуйской части абхазского этноса в демографическое освоение Сухума.

Кроме того, влияние на частоту посещаемости мест исхода может оказывать различная транспортная доступность каждого отдельно взятого села: добраться из столицы до Адзюбжи или Эшеры значительно проще, чем до сёл Арасадзыхь или Хуап. Существенную роль играют также наличие или отсутствие собственной усадьбы и хозяйства в селе, близких родственников, постоянно проживающих в селе, продолжительность проживания в городе.

Табл. 12. Частота посещения родных сёл респондентами-уроженцами сельской местности Абжуа и Бзыпа.

	уроженцы абжуйских сёл	уроженцы бзыпских сёл
численность	59	54

[1] В ходе написания данной работы начался капитальный ремонт участка трассы Сухум – Очамчыра.

каждую неделю или чаще	50,8%	25,9%
один или несколько раз в месяц	20,3%	35,2%
несколько раз в год	11,9%	29,6%
примерно один раз в год	3,4%	5,6%
не каждый год	1,7%	3,7%
не посещают	3,4%	9,3%

Последним вопросом анкеты был «Имеете ли Вы близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии? Если да, то в каких странах?». При этом в ходе анкетирования не делалось никаких специальных пояснений по данному вопросу: анкетируемый определял степень «близости» родственников, исходя из собственных представлений. В данном случае ставилась цель выяснить, имеет ли респондент родственников, постоянно проживающих за границей, с которыми он поддерживает связь.

Экстраполируя данные, полученные в ходе исследования, на население города в целом, можно сказать, что большинство сухумчан имеют близких родственников, постоянно проживающих за пределами страны. Это говорит о высоком уровне абхазской эмиграции. Из 572 респондентов 433 (75,7%) указали на наличие близких родственников за пределами Абхазии, тогда как 139 (24,3%) человек ответили отрицательно (рис. 41).

Рис. 41. Наличие у респондентов близких родственников за пределами Абхазии.

Определенные различия по данному показателю были выявлены между коренными сухумчанами и неместными уроженцами. Среди респондентов, родившихся в Сухуме, на наличие близких родственников, постоянно проживающих за границей, указал больший процент людей, чем по выборке в целом. Среди уроженцев других городских поселений Абхазии доля имеющих близких родственников за границей, наоборот, несколько ниже среднестатистической. Самый низкий среди уроженцев Абхазии процент ответивших утвердительно отмечен у выходцев из абжуйских селений, что в целом соотносится с общемировыми миграционными тенденциями: в эмиграцию в первую очередь вовлекаются горожане, тогда как сельское население преимущественно участвует в урбанизации внутри страны. В то же время процент имеющих родственников за пределами Абхазии среди уроженцев бзыпских сёл выше, чем у выходцев из сельской Абжуа, хотя и ниже, чем у коренных сухумчан и уроженцев других городских поселений страны. По всей вероятности, подобные различия являются одним из проявлений большей модернизированности Бзыпской Абхазии по сравнению с Абжуйской. Уроженцев селений Самурзакана и Гумской Абхазии в выборке недостаточно, чтобы иметь возможность делать какие-либо выводы. Самый большой процент имеющих близких родственников за рубежом закономерно отмечен у уроженцев иностранных государств (табл. 13).

Табл. 13. Наличие/отсутствие у респондентов близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии.

место рождения	численность	имеют	не имеют
все респонденты	572	75,7%	24,3%
Сухум	269	79,6%	20,4%
прочие города Абхазии	147	72,1%	27,9%
бзыпские сёла	54	70,4%	29,6%
абжуйские сёла	59	62,7%	37,3%
самурзаканские сёла	2	50,0%	50,0%
гумские сёла	5	80,0%	20,0%
заграница	36	91,7%	8,3%

Респонденты, имеющие близких родственников, постоянно проживающих за границей (433 человека), указывали следующие государства: Российская Федерация – 399 человек или 92,1% от числа утвердительно ответивших, Грузия – 36 (8,3%), Украина – 30 (6,9%), Греция – 22 (5,1%), Турция – 18 (4,2%), Армения – 17 (3,9%), Германия – 16 (3,7%), США – 12 (2,8%), Белоруссия – 5 (1,2%), Италия – 5 (1,2%), Казахстан – 5 (1,2%), Австралия – 2 (0,5%), Бельгия – 2 (0,5%), Великобритания – 2 (0,5%), Израиль – 2 (0,5%), Польша – 2 (0,5%), Франция – 2 (0,5%), Швеция – 2 (0,5%), Вьетнам – 1 (0,2%), Испания – 1 (0,2%), Канада – 1 (0,2%), Китай – 1 (0,2%), Латвия – 1 (0,2%), Нидерланды – 1 (0,2%), Финляндия – 1 (0,2%).

ЭТНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Ю.В. Бромлей рассматривал этническое самосознание как непременный атрибут этнической общности: «...без самосознания нет этнической общности»[1]. Он же при этом отмечал, что этническое самосознание может иметь многокомпонентную структуру, что в одних случаях является следствием «его неустойчивости, порожденной различной этнической принадлежностью родителей», а в других – результатом «недавно произведенной смены этнической принадлежности» или же проявлением «иерархичности этнической структуры»[2].

[1] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 176.
[2] Там же. С. 181.

Этническая принадлежность респондентов выявлялась путём анализа ответов на три последовательных вопроса: о национальности самого респондента, о национальности его отца и национальности матери. Из общего числа респондентов (572 человека) подавляющее большинство составили этнические абхазы – 463 (80,9%) человека. Армян среди опрошенных оказалось 50 (8,7%) человек, русских – 29 (5,1%), грузин – 12 (2,1%), греков – 5 (0,9%), украинцев – 3 (0,5%), евреев – 2 (0,3%), осетин – 2 (0,3%), абазин – 1 (0,2%), итальянцев – 1 (0,2%), мегрелов – 1 (0,2%), немцев – 1 (0,2%), убыхов – 1 (0,2%) и эстонцев – 1 (0,2%) человек (рис. 42).

В то же время этнический состав населения Сухума по итогам переписи 2011 года выглядит иначе. В городе проживало 62914 жителей, в том числе 67,3% абхазов; 14,8% русских; 9,8% армян; 2,8% грузин, мегрелов и сванов; 1,1% украинцев и 1,0% греков[1].

Подобная диспропорция вызвана повышенным процентом лиц условно студенческого возраста в выборке, среди которых доля этнических абхазов закономерно выше. Любопытно и присутствие в выборке одного человека, указавшего национальность «убых». Это старшеклассница, родившаяся в Сухуме, на вопрос о национальности матери ответившая «абхазка». В качестве языка наилучшего владения девушка указала абхазский, а среди иных языков владения указала турецкий. Помимо этого, респондент указал на наличие близких родственников в Турции, что позволяет сделать вывод о том, что её отец родился в кавказской диаспоре в Турции.

Однако тенденция некоторого возрождения убыхского самосознания в последние десятилетия отмечается и среди этнических абхазов, местных уроженцев, чьи фамилии указывают на убыхское происхождение их предков. По всей вероятности, подобная ревитализация убыхского самосознания является прежде всего продуктом «книжного» конструирования идентичности. Здесь не последнюю роль сыграли и роман Баграта

[1] Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. С. 109.

Шинкуба «Последний из ушедших» и возросший интерес к событиям времён Кавказской войны на Западном Кавказе с учётом той роли, которую играл убыхский народ в сопротивлении российской экспансии в регионе.

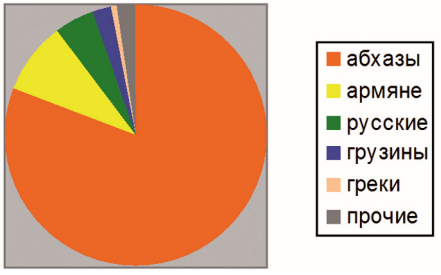

Рис. 42. Этнический состав респондентов.

Половой состав респондентов, принадлежащих к разным этносам, также довольно сильно различается (табл. 14). Ниже данные приводятся только по абхазам, армянам, русским и грузинам. Остальные этносы не рассматриваются отдельно, так как количество респондентов, отнёсших себя к каждому из них, крайне невелико, чтобы можно было проследить какую-либо тенденцию. Доля мужчин у абхазов несколько выше, чем в среднем по выборке, тогда как у армян, грузин и русских – значительно ниже. Самая низкая доля мужчин отмечена у грузин, что, несмотря на особенности вовлеченности представителей разных полов в анкетирование, в целом коррелирует с половыми диспропорциями внутри картвельской общины города. То же справедливо и для русского населения Сухума.

Табл. 14. Половой состав респондентов по национальностям.

	мужчины	женщины
все	31,6%	68,4%

абхазы	33,0%	67,0%
армяне	24,0%	76,0%
русские	24,1%	75,9%
грузины	16,7%	83,3%
прочие	38,9%	61,1%

Этнический состав респондентов по возрастным группам выглядит следующим образом. Среди лиц условно школьного возраста (113 человек) доля абхазов намного ниже, чем в среднем по выборке – 76 (67,3%) человек, а представленность армян, наоборот, выше – 26 (23,0%) человек. Это связано исключительно с тем, что исследование целенаправленно охватило учеников армянской школы (наряду с учащимися трёх абхазских и одной русской школ). Русских в данной возрастной категории оказалось всего 4 (3,5%) человека. Для русского населения столицы, как и для большинства других меньшинств, характерна искажённая возрастно-половая структура населения со смещением в сторону старших возрастов и преобладанием женщин над мужчинами. И даже среди учеников русской школы этнические русские составляют меньшинство. Также в самой младшей возрастной группе было отмечено 2 (1,8%) грека, 1 (0,9%) грузин, 1 (0,9%) еврей, 1 (0,9%) итальянец, 1 (0,9%) осетин и 1 (0,9%) эстонец (рис. 43).

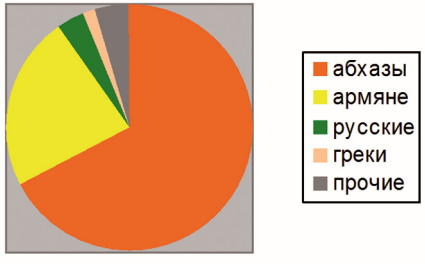

Рис. 43. Этнический состав респондентов школьного возраста.

Для респондентов условно студенческого возраста (144 человека) характерна совсем иная этническая картина. В данной возрастной когорте преобладание абхазов выражено наиболее ярко – 125 (86,8%) человек. Второе место занимают русские – 7 (4,9%) человек, затем следуют армяне – 5 (3,5%) человек, грузины – 3 (2,1%), греки – 1 (0,7%), осетины – 1 (0,7%), убыхи – 1 (0,7%) и украинцы – 1 (0,7%) человек (рис. 44).

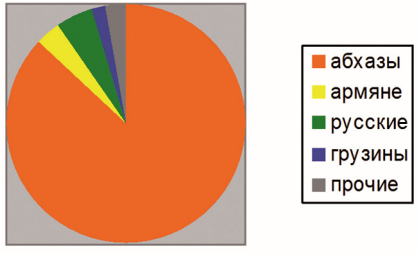

Рис. 44. Этнический состав респондентов студенческого возраста.

Среди респондентов, отнесённых к «взрослой» категории (259 человек), доля абхазов также повышена – 220 (84,9%) человек. Далее следуют армяне – 17 (6,6%) человек, русские – 11 (4,2%), грузины – 6 (2,3%), украинцы – 2 (0,8%), греки – 1 (0,4%), евреи – 1 (0,4%), мегрелы – 1 (0,4%) человек (рис. 45).

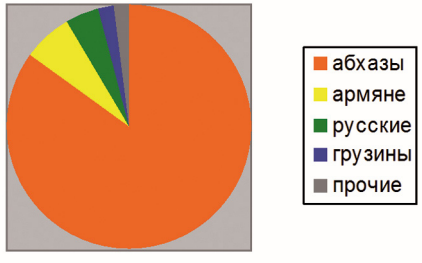

Рис. 45. Этнический состав респондентов «взрослого» возраста.

Этнический состав респондентов условно пенсионного возраста (56 человек) таков: 42 (75,0%) абхаза, 7 (12,5%) русских, 2 (3,6%) армянина, 2 (3,6%) грузина, 1 (1,8%) абазин, 1 (1,8%) грек, 1 (1,8%) немец (рис. 46).

Рис. 46. Этнический состав респондентов «пенсионного» возраста.

Существенные различия между респондентами, принадлежащими к различным этносам, наблюдаются по признаку наличия/отсутствия близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии. Только у абхазов процент не имеющих близких родственников за границей выше, чем по выборке в целом. Довольно высока эта доля и у русских. У всех остальных меньшинств данный показатель крайне низок, что является закономерным следствием большего участия некоренного населения страны в послевоенной эмиграции (табл. 15).

Табл. 15. Наличие/отсутствие у респондентов близких родственников, постоянно проживающих за пределами Абхазии, по национальностям.

национальность	численность	имеют	не имеют
все респонденты	572	75,7%	24,3%
абхазы	463	71,7%	28,3%
армяне	50	96,0%	4,0%
русские	29	79,3%	20,7%
грузины	12	100%	–
греки	5	100%	–
прочие	13	100%	–

Одной из важнейших задач исследования было изучение качественных и количественных характеристик этнически смешанного населения абхазской столицы. В Абхазии, которая на протяжении более чем 150 лет является страной полиэтничной, в течение последних 60–70 лет достаточно активно проходят процессы этнического смешения. Однако у исследователей до сих пор нет возможности изучить эти процессы во всей их полноте, поскольку данные, на которые можно было бы опереться, крайне скудны и фрагментарны. Сама советская система «этнизации» всего общества, разделённого на *априори* заданные, исторически предопределённые и чётко регламентированные этнические группы, принадлежность к которым определялась соответствующей фиксацией «национальности» в документах и практически не могла быть изменена, не предполагала возможности фиксации множественной этнической идентичности.

Таким образом, человек, родившийся в Абхазии, например, от грузинских родителей, не мог быть и считаться никем иным, кроме как грузином, хотя его самосознание могло не соответствовать документально зафиксированной этничности. Р. Брубейкер писал о том, что ни одно государство не зашло так далеко в деле институционального упорядочения этнических категорий, как СССР[1].

В связи с возросшим количеством этнически смешанных браков в 1960–1970-е годы[2], советские этнографы начинают изучение смешанных семей и предпочтений в выборе этнич-

[1] Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996. C. 29.

[2] Столярова Г.Р. А.А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР // Советская этнография, 1989, №4. С. 160.

ности одного из родителей, в том числе и на Кавказе[1]. Основой для данных исследований служат материалы отделов ЗАГС и паспортных столов. Кульминацией изучения данной проблематики в советской этнографии служит монография А.А. Сусоколова[2].

Не сильно отличалась ситуация и в смешанных абхазо-грузинских, абхазо-русских, армяно-русских, русско-грузинских и иных семьях, где этническая принадлежность (национальность) ребёнка в условиях маскулинной культуры Кавказа определялась почти исключительно по отцу, хотя реальное этнокультурное состояние человека могло не соответствовать документально зафиксированному. Отдельные обратные примеры, зафиксированные в гомогенной этнической среде в сельской местности Очамчырского района в последние десятилетия советской эпохи, приводит В.Л. Бигуаа[3]. Детальное описание этнического состояния и самосознания людей, родившихся в смешанных грузино-абхазских семьях в селе Лдзаа, даёт Р.Ш. Кузнецова[4]. В.А. Тишков отмечает: «Примеров ситуации вынужденной *(предписанной) этнической идентичности* любой исследователь найдёт на территории бывшего СССР не тысячи, а миллионы. И даже не нужны газетные примеры, достаточно посмотреть вокруг несколько иным взглядом»[5]. Так, например, после войны 1992–1993 годов в условиях резко изменившейся политической ситуации в Абхазии, многие уроженцы республики смешанного абхазо-грузинского происхождения, ранее «записанные» грузинами, но считавшие себя в той или иной степени абхазами, стали декларировать себя абхазами. Этот процесс был характерен не только для самой Абхазии, но и для России, где после войны оказалось немалое количество выходцев из Абхазии.

С другой стороны, советская *институционализация этничности*, получившая дальнейшее укоренение и развитие уже в независимом абхазском государстве, не оставляет для человека шансов (даже на уровне обыденно декларируемой, а не документально закреплённой этничности) считать себя членом этнической общности, к которой по формальным признакам не принадлежал ни один из его родителей. Таким образом, человек, родившийся и выросший в абхазском селе, для которого абхазский язык является родным, но имеющий родителей неабхазской национальности, скорее всего, не будет называть себя абхазом. В ходе настоящего исследования это проявилось в том, что ни один респондент, имеющий обоих родителей-неабхазов, не назвал себя абхазом.

Э. Смит отмечает: «Обретение этнической идентичности возможно вследствие миграции, обращения и брака с представителем другой этнической общности, а этнические группы изменяются в той степени, в какой они готовы принимать в свое лоно чужаков. Тем не менее, большинство людей рождается в этнических группах, поэтому, какими бы ни были другие межгрупповые различия, принадлежность по рождению, в конечном счете, является определяющим элементом этничности»[1]. Этот же автор констатирует, что «у большинства людей, даже на Западе, сохраняется четкое осознание границ, определяющих их национальную идентичность и национальную лояльность, хотя, как правило, с большим трудом, и, возможно откорректировать свою этническую идентичность, как

[1] См., например: Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района имени 26 комиссаров, г. Баку) // Советская этнография, 1965, №5; Евстигнеев Ю.А. Национально-смешанные браки в Махачкале // Советская этнография, 1971, №4; Сергеева Г.А., Смирнова Я.С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска) // Советская этнография, 1971, №4; Терентьева Л.Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // Советская этнография, 1969, №3.

[2] См.: Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

[3] Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 63.

[4] См.: Кузнецова Р.Ш. Указ. соч.

[5] Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 111.

[1] Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. С. 304.

правило, посредством своих детей, например, в случае смешанных браков. Но это расширение индивидуальной свободы на Западе не позволяет людям "брать и смешивать" или как угодно использовать этнические идентичности; возможность выбора по-прежнему ограничивается этнической историей и политической географией»[1].

Подобная институционально закреплённая поляризация того или иного советского сообщества (будь то союзная республика или автономия) по этническому принципу предопределила и столь резкую политическую поляризацию абхазской и грузинской общин республики. Учитывая, что определённая часть жителей Абхазии имела смешанное абхазо-грузинское происхождение, и этнокультурная самоидентификация многих из них далеко не всегда была однозначной и носила двойственный характер, с началом активной фазы конфликта этой группе населения пришлось чётко определиться со своей культурной принадлежностью и вытекающей из неё политической лояльностью. Логично, что подавляющее большинство оставшихся в Абхазии людей, чьими отцами являлись грузины, а матерями – абхазки, сделало выбор в пользу абхазской этнокультурной идентичности. Парадоксально, однако, что подобный ментальный выбор далеко не всегда сопровождался формальной сменой документально зафиксированной «национальности». По всей вероятности, определённые сложности в ряде случаев были связаны и с бюрократическими препонами. На встрече, посвящённой обсуждению развития демографических процессов в Абхазии, проходившей 5 июня 2015 года в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия, депутат Л.М. Чамагуа выразил мнение о том, что государство подчас ограничивает возможность официальной смены «национальной принадлежности». Он, в частности, отметил, что в Гудаутском районе проживает определённое число лиц, являющихся на ¾ абхазами по этническому происхождению и абсолютными абхазами по самоидентификации и реальному этнокультурному состоянию, но продолжающих фигурировать в официальных документах как грузины.

[1] Там же. С. 372, 373.

Совершенно по-иному представлена ситуация, например, в Испании, где этнический фактор играет гораздо меньшую роль в жизни общества, где этнические границы не имеют такой яркой прорисованности, как на постсоветском пространстве, где они могут совершенно не совпадать с границами лингвистическими или историческими. Этнический фактор в Испании оттенён фактором региональным, то есть фактором принадлежности к той или иной области, автономному сообществу. Коренной житель Наварры, для которого родным языком является баскский, может вовсе не считать себя баском, в то же время выходец из Кастилии или Андалусии, долгое время живущий в Гипускоа, вполне может осознавать себя баском. То же относится и к *«этническим испанцам»*, долгое время живущим в Каталонии, а уж их дети, родившиеся в Каталонии и свободно говорящие по-каталански, почти всегда считают себя «настоящими каталонцами»[1]. В свете вышесказанного не представляется удивительным, что в баскском сепаратистском движении принимают такое активное участие сами «этнические испанцы», являющиеся и считающие себя басками по факту рождения или многолетнего проживания в Эускади.

В качестве иллюстрации можно привести два совершенно удивительных и непонятных для Абхазии примера. В баскском городе *Эррентерия* в провинции Гипускоа, абсолютное большинство населения которого составляли «этнические испанцы» (преимущественно мигранты 1950–1970-х годов и их потомки, родившиеся уже в Басконии), на демократических выборах после падения франкистской диктатуры, в 1979 году, за баскские националистические партии проголосовало 48,7% избирателей, а на муниципальных выборах 1987 года

[1] Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века (Опыт автономизации и национального развития). М., 1993. С. 83.

– уже 62,7%[1]. Разве можно себе представить, даже теоретически, чтобы в городе Очамчыре, население которого перед войной 1992–1993 годов примерно на 60% состояло из мегрелов, большинство проголосовало бы за абхазские партии!? Д.В. Заяц приводит данные опросов общественного мнения по вопросу политического будущего Страны Басков, относящиеся к концу 1990-х годов: «Опросы общественного мнения, проведенные в 1998 г., свидетельствуют о том, что сепаратизм пользуется довольно широкой популярностью у жителей Страны Басков. За создание независимого государства высказываются 32% граждан региона, в то же время 42% населения выступают за сохранение нынешнего статуса автономной области»[2]. Казалось бы вполне закономерным, если бы в число выступавших за сохранение Страны Басков в составе Испании входила бóльшая часть мигрантов и их потомков, но как тогда объяснить тот факт, что «63% молодых басков выступают за независимость своей области, тогда как только 11% респондентов этой возрастной группы выступают против подобных проектов?»[3]. Ведь в составе молодёжи Страны Басков к 1998 году процент людей небаскского происхождения не мог сильно отличаться от аналогичного показателя для всего совершеннолетнего населения. Очевидно, что искать причины столь резкой дивергенции уровня сепаратистских настроений следует не в этнической структуре населения Басконии, а именно в возрастной.

Следующий пример из каталонского опыта. Бывший глава Каталонии *Хосе Монтийя* родился в 1955 году в андалусийском селении Иснахар в провинции Кордоба. В возрасте шестнадцати лет, как раз в разгар переселенческой политики франкизма, он переезжает в пригород Барселоны. В 1985 году он становится алькальдом (мэром) города *Курналья-да-Льюбрагат,* где бóльшую часть населения составляли «этнические испанцы», выходцы из Андалусии. В 2006 году Монтийя становится Председателем правительства Каталонии, которая, как известно, с каждым годом всё активнее добивается для себя максимальной независимости. Трудно представить, чтобы в разгар национально-освободительной борьбы в Абхазии в конце 1980-х – начале 1990-х годов лидером борющейся за свою независимость республики стал бы этнический грузин, к тому же родившийся в Грузии.

[1] Conversi D. Immigration and statelessness… С. 16.
[2] Заяц Д.В. Эускади – земля басков // Газ. «География», №14, 1999. С. 3.
[3] Там же.

У 111 (19,4%) из 572 респондентов, заполнивших анкету, родители принадлежат к разным национальностям, у 461 (80,6%) респондента – родители являются представителями одной национальности (рис. 47). Таким образом, пятая часть респондентов является потомством от смешанных браков. Сложно судить, насколько данные, полученные в ходе анкетирования, соотносятся с количеством этнически смешанного населения в столице, однако, очевидно, что этническое смешение в Сухуме в последние 40–50 лет происходило достаточно интенсивно.

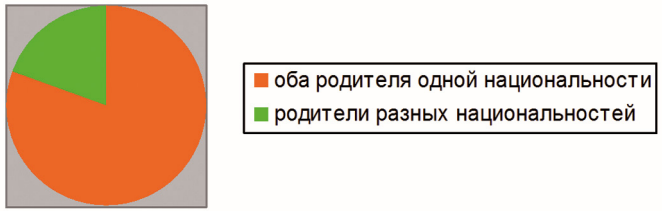

Рис. 47. Национальность родителей респондентов.

Процент представителей смешанных семей у респондентов, принадлежащих к разным этносам, в выборке неодинаков. Если у респондентов, определивших себя как абхазы, этот показатель лишь ненамного ниже среднего по выборке (16,4%), то у самоопределившихся как армяне родители принадлежат

к разным национальностям лишь в 8,0% случаев. Резко возрастает доля лиц с родителями, принадлежащими к разным национальностям, у русских и у грузин. Численность представителей других народов в выборке столь незначительна, что показатели вряд ли можно считать репрезентативными, однако, очевидно, что у остальных меньшинств города процессы этнического смешения зашли ещё дальше (табл. 16).

Табл. 16. Национальность родителей у респондентов каждого этноса.

национальность	численность	оба родителя одной нац-ти	родители разных национальностей
все респонденты	572	461 (80,6%)	111 (19,4%)
абхазы	463	387 (83,6%)	76 (16,4%)
армяне	50	46 (92,0%)	4 (8,0%)
русские	29	17 (58,6%)	12 (41,4%)
грузины	12	6 (50,0%)	6 (50,0%)
греки	5	2 (40,0%)	3 (60,0%)
украинцы	3	–	3 (100%)
евреи	2	1 (50,0%)	1 (50,0%)
осетины	2	–	2 (100%)
абазины	1	–	1 (100%)
итальянцы	1	–	1 (100%)
мегрелы	1	1 (100%)	–
немцы	1	1 (100%)	–
убыхи	1	–	1 (100%)
эстонцы	1	–	1 (100%)

Нижеследующая диаграмма визуализирует данные, представленные в таблице №16, по четырём крупнейшим этносам. Респонденты, отметившие принадлежность к остальным этносам (абазинам, грекам, евреям, итальянцам, мегрелам, немцам, осетинам, убыхам, украинцам и эстонцам), объединены в графу «прочие» (рис. 48).

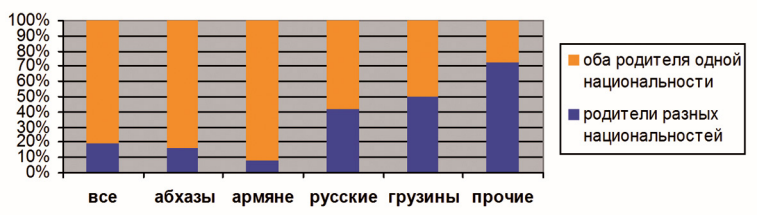

Рис. 48. Национальность родителей у респондентов, принадлежащих к крупнейшим этносам.

Как правило, в тех случаях, когда родители принадлежат к разным национальностям, респондент определял свою этническую принадлежность по национальности отца, но далеко не всегда. Исключение преимущественно составили случаи, когда мать была абхазкой, а отец – представителем другой национальности (8 человек). В пяти случаях отец являлся представителем картвельских народов (в трёх случаях указано «грузин», в двух – «мегрел»), в остальных трёх отец был албанцем, евреем и китайцем. Данное обстоятельство объясняется влиянием доминирующего этнокультурного пространства. Выбор абхазской этничности в таком случае – закономерное явление, проистекающее из реального этнокультурного состояния человека (не исключено, что связь с отцом и его родственниками в большинстве случаев по тем или иным причинам прервана). На распространённость подобного явления на примере полиэтничного села *Лдзаа* Гагрского района указывает Р.Ш. Кузнецова: «Но были семьи, члены которых могли относить себя и к абхазам, и к грузинам; либо будучи уже абхазами, тем не менее, знали о своём иноэтническом происхождении. То, кем они себя считали, зависело от конкретной ситуации, которая диктовала условия

выбора… Это – чаще всего дети т.н. неорганизованных грузин, женившихся на местных абхазках. После смерти главы семейства, родственные отношения его детей в целом ряде случаев становились менее интенсивными по патролинии, и они вливались в общество матери, сохраняя при этом грузинскую фамилию отца…»[1]. Замечание В.А. Тишкова относительно российской ситуации, таким образом, вполне актуально и для Абхазии: «этнические группы пополняются или уменьшаются за счет смены идентичности в ту или иную сторону, особенно в среде смешанных семей. И здесь русскость остается самой престижной этнокультурной идентичностью в России, и в число русских перейдут многие потомки смешанных браков…»[2].

Однако в ходе анкетирования было зафиксировано и несколько иных примеров. В одном случае девушка определила свою этническую принадлежность по еврейской национальности матери, тогда как в графе «национальность отца» указала «грузин». Можно предположить, что в данном случае выбор этничности мотивирован не только «галахическими» соображениями: по всей вероятности, если бы национальность отца была иной, респондент мог бы предпочесть и её. В другом случае отцом был азербайджанец, тогда как респондент определил свою этничность по эстонской национальности матери. Наконец, последний пример, когда отцом девушки был абхаз, а сама она определила свою национальность по этнической принадлежности матери-грузинки, представляется нам труднообъяснимым в условиях современной Абхазии.

Следующая диаграмма демонстрирует процентное соотношение выбора этничности одного из родителей среди респондентов, чьи родители принадлежат к разным национальностям (рис. 49).

[1] Кузнецова Р.Ш. Указ. соч. С. 99, 100.

[2] Тишков. В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 168.

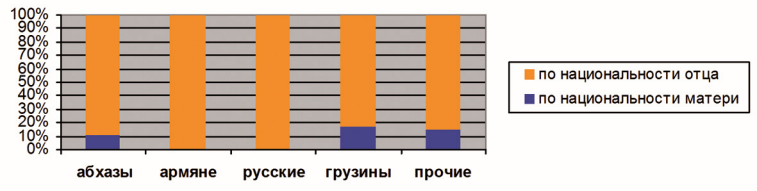

Рис. 49. Выбор этничности у респондентов, родившихся в смешанных семьях.

Респонденты-абхазы, чьи родители принадлежат к разным национальностям (76 человек), имеют одного из родителей неабхазской национальности, принадлежащего к самым различным этносам. Наибольшее число приходится на представителей картвельских народов – 35 (46,0%) человек: в том числе грузин[1] – 28 (36,8%) человек, мегрелов – 6 (7,9%) человек, лазов – 1 (1,3%) человек. Очевидно, что в условиях резко сократившегося после войны числа смешанных абхазо-мегрельских браков этот показатель в ближайшем будущем также будет неуклонно снижаться. Л.Т. Соловьёва так описывает изменение характера межэтнических браков в последние десятилетия: «Если еще лет 20 назад браки с грузинами (преимущественно грузинами-мегрелами) были обычным явлением, особенно в Очамчирском районе, то в настоящее время они сведены к минимуму… Можно сказать, что для абхазского общества такую ситуацию можно считать довольно непривычной: фактически мгновенно и в целом искусственно прерваны вековые этнические контакты с наиболее близкими в культурном отношении юго-восточными соседями, и наметился новый вектор контактов, устремленный к северо-западу»[2]. Несмотря на то что более трети респондентов-абхазов, родившихся в смешанных абхазо-картвельских семьях,

[1] По всей вероятности, в большинстве случаев это мегрелы.

[2] Соловьёва Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии (по полевым материалам 2004–2005 гг.) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006. С. 178, 179.

появилось на свет после 1993 года, можно предположить, что в подавляющем большинстве случаев их родители заключили брак ещё в довоенное время. На втором месте следуют русские – 24 (31,6%) человека, далее армяне – 5 (6,6%) человек, украинцы – 3 (4,0%), абазины – 2 (2,6%), албанцы – 1 (1,3%), белорусы – 1 (1,3%), евреи – 1 (1,3%), китайцы – 1 (1,3%), корейцы – 1 (1,3%), татары – 1 (1,3%) и турки – 1 (1,3%) человек (рис. 50).

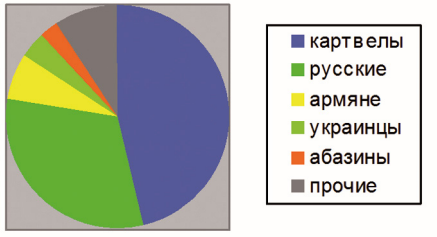

Рис. 50. Национальность второго родителя у респондентов-абхазов из смешанных семей.

Смешанные абхазо-армянские браки в советское время были редким явлением: «…армянам свойственна этническая эндогамия, когда предпочтение отдаётся брачным партнёрам своей национальности. В советское время наибольшее число этнически смешанных браков у армян было с русскими, несколько реже – с грузинами, и очень редко – с абхазами»[1]. И даже в тех случаях, когда отдельные абхазские семьи проживали в преимущественно армянском окружении, не обнаруживалось тенденции к этнической или языковой интерференции. В.Л. Бигуаа отмечает: «… в районах армянских и других селений, где проживают абхазы отдельными семьями, факт перехода абхазских детей на речь первых не фиксируется»[2]. Однако в послевоенное время количество абхазо-армянских браков увеличивается, особенно в городах и этнически смешанных

[1] Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры, 2014, №2. С. 242.
[2] Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 63.

сёлах *(Арсаул, Ачадара, Гумиста, Эшера* и т.д.*)*. В.А. Чирикба так описывает характер распространения межэтнических браков в довоенной и послевоенной Абхазии: «До войны наибольший процент межэтнических браков был между “грузинами” (в основном мегрелами) и абхазами, а также между русскими и другими группами. В послевоенный период более частыми стали браки между абхазами и представителями северокавказских групп (в основном абазины и адыги); наблюдается также явная тенденция к увеличению количества браков между абхазами и армянами»[1]. Из потомства от смешанных абхазо-северокавказских браков в настоящем исследовании зафиксированы только респонденты с одним из родителей, принадлежащим к наиболее близкородственному абхазам этносу – абазинам, а также с осетинами.

У респондентов из смешанных семей, указавших принадлежность к русскому этносу (12 человек), матерями в пяти случаях оказались армянки (41,7%), в двух – абхазки (16,7%), ещё в двух – украинки (16,7%), в остальных – крымская татарка, немка и молдаванка (по 8,3%). Несмотря на достаточно скромное количество респондентов, любопытен столь высокий процент представителей русско-армянских семей, учитывая, что все этнически русские респонденты с матерями-армянками родились в послевоенное время: с 1994 года по 2000 год. В то же время русские респонденты с матерями-украинками родились в сталинское время (рис. 51).

Рис. 51. Национальность матери у респондентов-русских из смешанных семей.

[1] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 11, 12.

Респондентов, указавших принадлежность к армянскому этносу и имеющих мать иной национальности, всего 4 человека. Во всех четырёх случаях мать принадлежит к одному из восточнославянских народов: 3 (75,0%) русских и 1 (25,0%) украинка (рис. 52).

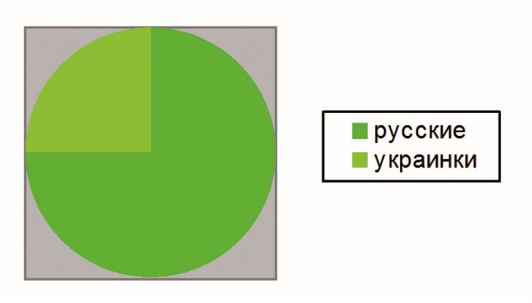

Рис. 52. Национальность матери у респондентов-армян из смешанных семей.

У респондентов-грузин, родившихся в смешанных семьях (6 человек), в четырёх случаях один из родителей негрузинской национальности был абхазом (66,7%), в двух – русским (33,3%) (рис. 53).

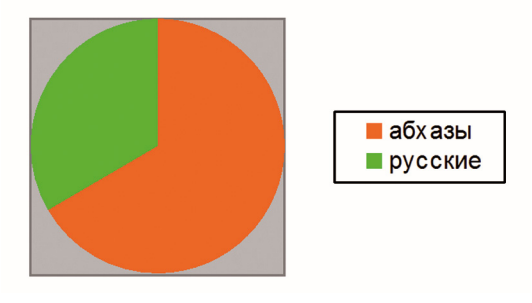

Рис. 53. Национальность второго родителя у респондентов-грузин из смешанных семей.

У респондентов других национальностей, чьи родители принадлежат к разным этносам, вырисовывается следующая картина: у единственных абазинки и убышки в выборке матерями являются абхазки; у трёх греков матери – абхазка, грузинка и турчанка; у одной еврейки отец – грузин; матерью итальянца является белоруска; у двух осетинок матери – абхазки; этническая принадлежность матерей трёх украинцев – абхазка, гречанка и полька; а отцом эстонки является азербайджанец.

Распределение респондентов из смешанных семей (111 человек) по месту рождения довольно сильно отличается от средних показателей по выборке (см. рис. 29). Коренных сухумчан среди данной категории опрошенных отмечено 64 (57,7%) человека, уроженцев других городов Абхазии – 18 (16,2%) человек (в том числе 7 выходцев из Ткуарчала, 4 – из Гудауты, 3 – из Очамчыры, 2 – из Гагры, по одному из Гала и Нового Афона), уроженцев абжуйских сёл – 8 (7,2%) человек, бзыпских сёл – 6 (5,4%) человек, сёл Гумской Абхазии – 1 (0,9%) человек, Российской Федерации – 10 (9,0%) человек, Грузии – 2 (1,8%) человека, Украины – 2 (1,8%) человека (рис. 54).

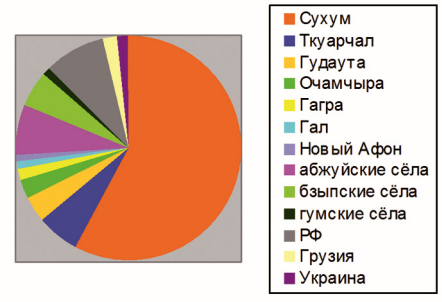

Рис. 54. Место рождения респондентов из смешанных семей.

У представителей смешанных семей закономерно высока доля уроженцев Сухума, других городов страны и зарубежных государств, при этом процент выходцев из сёл Абхазии

намного ниже, чем в целом по выборке, что объясняется значительно большей этнической гомогенностью абхазских сёл (в особенности расположенных не в приморской зоне) по сравнению с городскими поселениями. О росте числа смешанных браков в приморской зоне Абхазии в позднесоветский период писал В.Л. Бигуаа: «Такое явление (смешанные браки. – *Н.Б.*) наиболее характерно для приморской зоны, где помимо коренных жителей проживают переселенцы из других республик страны»[1].

Все респонденты, родившиеся в сельской местности и имеющие родителей разных национальностей, отнесли себя к этническим абхазам. Однако прослеживается существенная разница между представителями смешанных семей из абжуйских, бзыпских и гумских сёл по признаку национальности второго родителя. У выходцев из сельской местности Бзыпской Абхазии преобладают матери-славянки (66,7%), тогда как у абжуйцев – картвелки (75,0%). Единственный представитель смешанных семей из пригородного села Гумиста указал на армянскую национальность матери (по данным переписи 2011 года, в пределах Гумистинской сельской администрации абхазы составляют 28,4% населения, армяне – 61,9%)[2] (табл. 17).

Табл. 17. Национальность второго родителя у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в сёлах.

национальность второго родителя	абжуйские сёла	бзыпские сёла	село Гумиста
все	8 (100%)	6 (100%)	1 (100%)
абазин	1 (12,5%)	–	–
армянин	–	–	1 (100%)
белорус	–	1 (16,7%)	–
грузин	6 (75,0%)	1 (16,7%)	–
лаз	–	1 (16,7%)	–
русский	1 (12,5%)	3 (50%)	–

[1] Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 61.
[2] Итоги переписи населения РА 2011 года. С. 124.

Аналогичная тенденция наблюдается у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в городах Абхазии. Среди уроженцев городов Западной Абхазии (Гагра, Гудаута, Новый Афон) преобладает славянская национальность второго родителя (80%), тогда как у выходцев из городов Восточной Абхазии (Очамчыра, Ткуарчал) – картвельская (55,6%). В Сухуме же процентное соотношение примерно равное с некоторым перекосом в сторону картвелов: в 46,2% случаев национальность второго родителя картвельская, в 38,5% – восточнославянская (табл. 18).

Табл. 18. Национальность второго родителя у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся в городах РА.

национальность второго родителя	Сухум	города В. Абхазии	города З. Абхазии
все	39 (100%)	9 (100%)	5 (100%)
абазин	1 (2,6%)	–	–
албанец	1 (2,6%)	–	–
армянин	2 (5,2%)	1 (11,1%)	–
грузин	13 (33,3%)	4 (44,4%)	–
еврей	–	–	1 (20%)
китаец	–	1 (11,1%)	–
мегрел	5 (12,8%)	1 (11,1%)	–
русский	14 (35,9%)	2 (22,2%)	3 (60,0%)
татарин	1 (2,6%)	–	–
турок	1 (2,6%)	–	–
украинец	1 (2,6%)	–	1 (20%)

В целом, очевидно, что для абжуйских абхазов по крайней мере до начала войны были наиболее характерны смешанные браки с мегрелами, тогда как для бзыпцев – с представителями восточнославянских народов. Подобная ситуация является прямым следствием региональных особенностей этнодемографической ситуации в советской Абхазии: среди некоренного населения Западной Абхазии преобладали славяне, тогда как в Восточной Абхазии абсолютное большинство составляли картвелы. Однако в послевоенное время этнические траектории смешанных браков претерпели серьёзные изменения, что в первую очередь обусловлено исчезновением картвельской общины *«Внегальской Абхазии»* как этнокультурного целого, а также сокращением абсолютной численности и удельного веса остальных меньшинств страны. Насколько можно судить, практика смешанных браков между абжуйскими абхазами и мегрелами Самурзакана в послевоенное время также практически прекратилась. Лишь жители этнически абхазских сёл Самурзакана (прежде всего это относится к сёлам *Агубедиа и Первая Бедиа)* по-прежнему предпочитают брать в жёны мегрелок из *Гальской зоны*. Это подтверждается данными переписи населения Абхазии 2011 года, согласно которым этнический состав мужского населения данных муниципалитетов значительно отличается от этнического состава женской части населения (табл. 19). При этом на большей части территории Агубедийской сельской администрации, за исключением северной зоны, прилегающей к Ткуарчалу, разговорным языком является мегрельский.

Табл. 19. Этнический состав населения абхазских сёл Самурзакана по полу[1].

[1] Итоги переписи населения РА 2011 года. С. 137, 142.

	всё население		мужчины		женщины	
	абхазы	грузины	абхазы	грузины	абхазки	грузинки
Агубедиа	75,5%	23,4%	87,9%	11,4%	64,0%	35,0%
Первая Бедиа	81,6%	16,7%	96,1%	3,1%	66,5%	30,8%
Река	88,8%	10,3%	93,5%	6,0%	84,3%	14,3%

У абхазов из смешанных семей, родившихся за пределами Абхазии (8 человек), встречаются следующие варианты этнического происхождения матерей: 4 (50,0%) респондента данной категории указали на грузинскую национальность матери, причём двое из них родились на территории Грузии, двое – в Российской Федерации; в остальных четырёх случаях матерями были русская, украинка, армянка и кореянка (по 12,5%) (рис. 55).

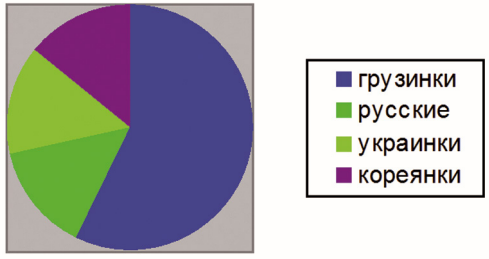

Рис. 55. Национальность матери у респондентов-абхазов из смешанных семей, родившихся за границей.

Определённые различия наблюдаются в количественных и качественных характеристиках респондентов из смешанных семей в зависимости от их возраста. Среди респондентов «послевоенного поколения» (257 человек), то есть тех, кого мы условно отнесли к лицам школьного и студенческого возрастов, 61 человек имеют родителей разных национальностей (23,7%), тогда как у респондентов, родившихся до 1992 года

(315 человек), доля представителей смешанных семей гораздо ниже – 15,9%. Экстраполируя данные настоящего исследования на всё население города, можно допустить, что процессы этнического смешения в абхазской столице в послевоенное время лишь усилились, несмотря на наличие очевидного вектора в сторону гомогенизации этнического состава населения как Сухума, так и Абхазии в целом в последние два десятилетия. Однако стоит иметь в виду, что у послевоенного поколения гораздо выше процент местных уроженцев, тогда как среди респондентов, родившихся до войны, высок процент выходцев из этнически абхазской глубинки.

Большинство респондентов, чьи родители принадлежат к разным национальностям (111 человек), вне зависимости от этнической самоидентификации самих респондентов (по матери или по отцу), являются представителями абхазо-картвельских семей – 39 (35,1%) человек. Второе место принадлежит потомству от абхазо-восточнославянских союзов – 31 (27,9%) человек. Далее следуют представители армянско-восточнославянских семей – 9 (8,1%) человек, абхазо-армянских – 5 (4,5%) человек, абхазо-абазинских – 3 (2,7%) человека, абхазо-осетинских – 2 (1,8%) человека, русско-грузинских – 2 (1,8%) человека, русско-украинских – 2 (1,8%) человека, абхазо-греческих – 1 (0,9%) человек, абхазо-албанских – 1 (0,9%) человек, абхазо-еврейских – 1 (0,9%) человек, абхазо-китайских – 1 (0,9%) человек, абхазо-корейских – 1 (0,9%) человек, абхазо-татарских – 1 (0,9%) человек, абхазо-турецких – 1 (0,9%) человек, абхазо-убыхских – 1 (0,9%) человек, грузино-греческих – 1 (0,9%) человек, греко-турецких – 1 (0,9%) человек, еврейско-грузинских – 1 (0,9%) человек, итальянско-белорусских – 1 (0,9%) человек, русско-крымскотатарских – 1 (0,9%) человек, русско-немецких – 1 (0,9%) человек, русско-молдавских – 1 (0,9%) человек, украинско-польских – 1 (0,9%) человек, украинско-греческих – 1 (0,9%) человек и эстонско-азербайджанских семей – 1 (0,9%) человек (рис. 56).

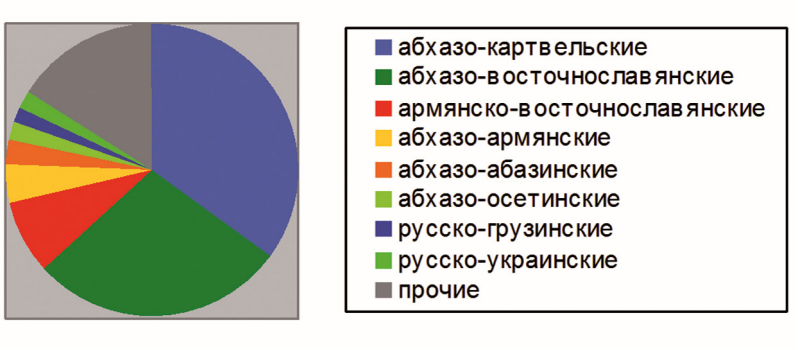

Рис. 56. Принадлежность респондентов с родителями разных национальностей к типу смешанной семьи.

Из 572 человек, участвовавших в анкетировании, 475 (83,0%) респондентов имеют хотя бы одного родителя абхазской национальности, 69 (12,1%) человек имеют хотя бы одного родителя восточнославянской национальности (в том числе 58 – русской, 9 – украинской и 2 – белорусской), 60 (10,5%) человек – армянской, 50 (8,7%) человек – картвельской (в том числе 42 – грузинской, 7 – мегрельской, 1 – лазской), 6 (1,0%) человек – греческой, 3 (0,5%) человека – абазинской, 3 (0,5%) человека – еврейской, 2 (0,3%) человека – немецкой, 2 (0,3%) человека – осетинской, 2 (0,3%) человека – турецкой, 1 (0,2%) человек – азербайджанской, 1 (0,2%) человек – албанской, 1 (0,2%) человек – итальянской, 1 (0,2%) человек – китайской, 1 (0,2%) человек – корейской, 1 (0,2%) человек – крымскотатарской, 1 (0,2%) человек – молдавской, 1 (0,2%) человек – польской, 1 (0,2%) человек – татарской, 1 (0,2%) человек – убыхской и 1 (0,2%) человек – эстонской национальности. Следующая диаграмма отражает соотношение количества респондентов, отнёсших себя к самым многочисленным этническим меньшинствам, с числом респондентов, указавших на соответствующую национальность хотя бы одного из родителей (рис. 57).

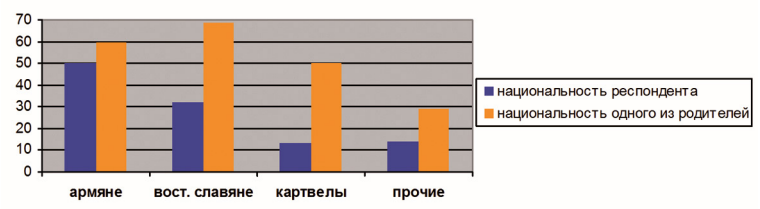

Рис. 57. Национальность респондентов и национальность хотя бы одного из родителей респондентов.

Завершая анализ характеристик этнически смешанной части респондентов, сравним данные, полученные в ходе настоящего исследования, с результатами последней переписи населения Российской Федерации, где проживает многочисленная абхазская диаспора. Вполне логично, что для абхазского населения России, как некоренной диаспоры, расселённой преимущественно в крупных городах, характерно большее количество этнически смешанных браков, чем в Абхазии.

По данным Всероссийской переписи 2010 года, в стране проживало 11249 абхазов[1]. На сайте Федеральной службы государственной статистики представлена база микроданных сопоставления результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. В целях сохранения конфиденциальности информации в базе применяется метод незначительного искажения данных, что, однако, не влияет серьёзным образом на общую картину[2]. В 2010 году лишь 27,4% женатых

[1] Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. IV. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2012. С. 9.

[2] На сайте Росстата имеется следующее пояснение по данному вопросу: «Для обеспечения конфиденциальности статистических данных при построении кросс-таблиц используется алгоритм незначительного возмущения (пертурбации) первичных данных. Указанный алгоритм применяется в тех случаях, когда пользователь просматривает таблицы, содержащие показатели, по которым гипотетически можно идентифицировать конкретное лицо. С помощью алгоритма в такие данные вносятся незначительные искажения случайным образом (зашумление данных). Метод позволяет публиковать в открытом доступе большое количество детальной информации, оставляя

абхазов России имели спутниц абхазской национальности, тогда как 55,2% были женаты на восточнославянских женщинах (преимущественно русских), 7,0% – на грузинках, 2,8% – на армянках, 3,0% – на представительницах народов Северного Кавказа, 4,6% – на женщинах иных национальностей[1] (рис. 58).

Любопытно, что общий вектор этнических предпочтений при заключении смешанных браков, характерный для абхазов внутри Абхазии, в целом сохраняется и в абхазской российской диаспоре. Конечно, нужно учитывать, что часть смешанных браков абхазов с женщинами иной национальности была заключена ещё в Абхазии. Закономерен и тот факт, что львиная доля браков приходится на союзы с русскими женщинами. Для абхазов России (в сравнении с ситуацией внутри Абхазии) характерна несколько бóльшая доля брачных союзов с представительницами народов Северного Кавказа, среди которых преобладают союзы с абазинками, черкешенками[2] и осетинками, тогда как браков с карачаевскими, балкарскими, вайнахскими и дагестанскими женщинами отмечено гораздо меньше.

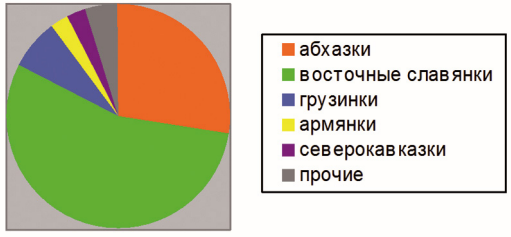

Рис. 58. Национальность жён абхазов РФ (2010 г.).

общие цифры (суммы искаженных значений) близкими к настоящим значениям» [Информация о конфиденциальности. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/help/Confidentiality-help.jsp?dbid=VPN2002_2010L (дата обращения: 20.02.2017)].

[1] База данных сравнения результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml (дата обращения: 20.02.2017).

[2] В данном случае имеются в виду представительницы всех адыгских этнографических групп.

В целом схожая картина этнических предпочтений при заключении браков отмечается у абхазок Российской Федерации: 35,4% замужних абхазок состоят в браках с представителями своей национальности, 30,8% – с восточнославянскими мужчинами (также преимущественно русскими), 17,3% – с грузинами, 4,2% – с армянами, 7,0% – с представителями народов Северного Кавказа и 5,3% – с мужчинами иных национальностей[1] (рис. 59).

Рис. 59. Национальность мужей абхазок РФ (2010 г.).

У замужних абхазок Российской Федерации наблюдается более очерченная тенденция к предпочтению этнически гомогенных союзов. В относительно недавнем прошлом смешанные браки были характерны почти исключительно для абхазских мужчин, однако в последней трети XX столетия женщины также стали активно вступать в браки с представителями других национальностей. В.Л. Бигуаа отмечает применительно к позднесоветской эпохе: «… важно заметить, что до последнего времени характерной чертой для межэтнических семей являлись браки абхазов с женщинами других национальностей. Теперь число абхазок, выходящих за мужчин неабхазской национальности,

[1] База данных сравнения результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml (дата обращения: 20.02.2017).

приближается к числу браков, заключаемых между абхазами и неабхазками»[1]. Несмотря на это, определённые различия в пропорциях этнически смешанных союзов у абхазских мужчин и женщин прослеживаются до сих пор даже в условиях России. Ещё одной особенностью является значительно меньшее количество браков между абхазскими женщинами и русскими мужчинами по сравнению с союзами абхазских мужчин и русских женщин. При этом доля смешанных браков с грузинами, армянами и северокавказцами у абхазок выше аналогичных показателей у мужчин-абхазов. Столь высокий процент браков абхазских женщин с грузинскими мужчинами объясняется в первую очередь направленностью послевоенных миграционных потоков: если грузинские жёны абхазов, как правило, оставались со своими мужьями в Абхазии, то абхазские жёны грузин в массе своей (есть и немало исключений) вынуждены были эмигрировать из страны вместе со своими семьями. Значительная часть таких смешанных семей оказалась сразу или впоследствии на территории Российской Федерации. Доля абхазо-грузинских смешанных браков в России, как и в самой Абхазии, очевидно, будет неуклонно снижаться, поскольку в послевоенное время такие союзы стали редким исключением. Закономерно, что доля брачных союзов абхазок с северокавказцами выше, чем аналогичный показатель у абхазских мужчин, поскольку Российская Федерация является этнической родиной для северокавказских народов. Среди браков, заключённых между абхазскими женщинами и представителями народов Северного Кавказа, также абсолютно преобладают союзы с абазинами, адыгами и осетинами, при крайне незначительном числе браков с представителями Северо-Восточного Кавказа. Вероятно, эти данные являются индикатором не только географической, но также и существенной этнокультурной дистанции с Северо-Восточным Кавказом.

В целом, по данным переписи 2010 года, около 32% женатых абхазов и замужних абхазок, проживавших в России, состояли в моноэтнических браках, около 43% – в смешанных абхазо-рус-

[1] Бигвава В.Л. Указ. соч. С. 61.

ских, порядка 12% – в абхазо-грузинских, около 5% – в абхазо-северокавказских, 4% – в абхазо-армянских и около 4% в смешанных браках с представителями других национальностей[1] (рис. 60).

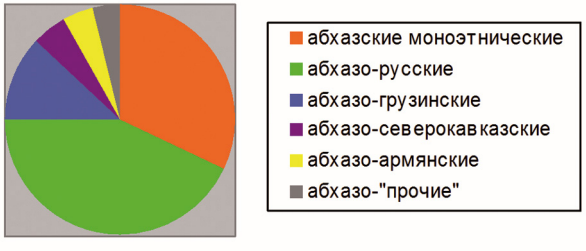

Рис. 60. Доля абхазов и абхазок РФ, состоящих в моноэтнических и смешанных браках (2010 г.).

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Выявление языковых характеристик респондентов, наряду и во взаимосвязи с этническими, являлось одной из определяющих целей исследования. Как отмечает Э.Д. Сабекия, «без тщательного изучения и учета конкретной социолингвистической ситуации, во всех ее дифференцированных проявлениях, трудно предложить новую модель языкового сосуществования полиэтничного социума Абхазии»[2]. Языковая ситуация анализировалась на основе ответов, полученных на ряд последовательных вопросов: о языке, которым респондент, по его мнению, лучше всего владеет; о степени владения абхазским языком;

[1] База данных сравнения результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml (дата обращения: 20.02.2017).

[2] Сабекия Э.Д. Социальная билингвизация личности в поликультурном контексте Абхазии // Труды Абхазского государственного университета, Сухум, 2011. С. 359.

о степени владения своим этническим языком и о владении другими языками. На вопрос о степени владения этническим языком (*«языком своей национальности»*) предлагалось ответить всем респондентам, кроме этнических абхазов и русских. Первым не нужно было отвечать, поскольку в их случае данный вопрос явился бы дублированием вопроса о степени владения абхазским языком, вторым – поскольку данный вопрос вряд ли имел бы какой-то практический смысл (сложно представить наличие в преимущественно русскоязычном городе этнических русских, не владеющих свободно русским языком). По этой же причине в анкете не фигурировал вопрос о владении русским языком, хотя вполне допустимо, что не все сухумчане свободно им владеют. Наличие вопроса о степени владения русским языком было бы наиболее актуально для репатриантов из Турции и Сирии, однако среди опрошенных их не оказалось.

Как уже отмечалось выше, одной из целей исследования было установление реальных языковых практик населения, сбор и последующий анализ информации о языках наилучшего владения респондентов. Поскольку сам термин «родной язык» на постсоветском пространстве крайне политизирован и вызывает у большинства людей скорее этнопсихологические коннотации, нежели объективные языковые, было принято решение переформулировать вопрос таким образом, чтобы не оставить возможности двусмысленной трактовки.

Советские переписи в качестве основного вопроса для определения языкового состава населения использовали вопрос о родном языке. Результаты, полученные в ходе обработки материалов первой Всесоюзной переписи населения 1926 года, действительно отражали реальную языковую картину, однако в последующем данный вопрос всё больше стал восприниматься населением как вопрос об этническом происхождении, призванный ещё раз подчеркнуть связь со своей этничностью посредством декларирования языка своего народа в качестве «родного».

Как отмечал П.И. Кушнер (Кнышев), в ходе проведения переписи 1926 года вопрос о родном языке «имел своей целью выявить не язык детства, который называют обычно “родным” языком, а язык, наиболее привычный для опрашиваемого, на котором он думает и охотнее всего говорит в семье. Хотя в инструкции по переписи сущность этого вопроса была недостаточно разработана и требовала уточнения, в практической работе вопрос о языке, однако, гораздо менее затруднял переписчиков и опрашиваемых, чем вопрос о национальности»[1].

По данным переписи населения 1926 года, население ССР Абхазии распределялось по родному языку следующим образом: из 201016 жителей республики 47307 (23,5%) человек назвали родным языком абхазский, 66456 (33,1%) человек – мегрельский, 27154 (13,5%) – армянский, 25619 (12,7%) – греческий, 17721 (8,8%) – русский, 7765 (3,9%) – грузинский, 1541 (0,8%) – украинский и 7453 (3,7%) человека в качестве родных указали иные языки[2] (рис. 61).

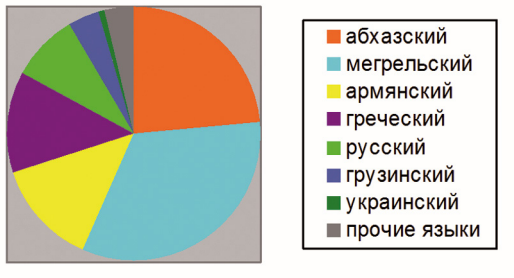

Рис. 61. Распределение населения ССР Абхазии по родному языку (1926 г.).

[1] Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 63.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. С. 22, 100–103 раздела ССРГ.

Распределение же этнических абхазов в пределах ССР Абхазии по родному языку выглядело следующим образом: из 55918 жителей республики, указавших принадлежность к абхазскому этносу, 47053 (84,1%) человека назвали родным языком абхазский, 8736 (15,6%) человек – мегрельский, 73 (0,1%) – русский, 19 (0,1%) – грузинский, 17 (0,1%) – турецко-османский, 2 (0,1%) – греческий, 1 (0,1%) – армянский и 17 (0,1%) человек не обозначили родной язык или обозначили его неточно[1]. Бóльшая часть этнических абхазов с родным языком мегрельским проживала в Гальском уезде. Во время переписи 1939 года почти все абхазы Галского района были записаны грузинами.

В.А. Тишков отмечает: «С переписи 1939 г. и до переписи 1989 г. произошел возврат к пониманию родного языка как индикатора национальности или как одного из вариантов своего рода “языковой идентичности” или “языковой принадлежности”. Вопрос, что опрашиваемый *считает* родным языком, содержал только одно разъяснение: “ответ может не совпадать с национальностью опрашиваемого”. Фундаментальный смысл языкового вопроса в переписи *о владении* и *использовании* был ликвидирован. Произошло это скорее всего от слабой компетенции организаторов переписи 1939 г., но эта некомпетентность сохранялась 50 лет, включая перепись 1989 г.!»[2].

Ю.Б. Коряков приходит к аналогичным заключениям: «… основополагающее понятие “родной язык”, применявшееся в советских переписях, начиная с 1937 года стало слишком неоднозначным. Если при переписи 1926 года регистрировался язык, которым опрашиваемый владел лучше всего либо на котором обычно говорил (…), то в последующих переписях язык стал трактоваться как часть этнического самосознания и регистрироваться по принципу самоопределения… Родной

[1] Там же. С. 32, 33 раздела ССРГ.

[2] Тишков В.А. Реквием по этносу… С. 214.

язык был для многих еще одним свойством каждого человека, наряду с национальностью, символом, практически не зависящим от реального языкового поведения»[1].

В современной Абхазии, как и в России, вопрос о родном языке сохранился в переписных листах в неизменном виде. И сейчас, как и в позднесоветскую эпоху, данные, полученные в ходе обработки ответов на данный вопрос, в силу влияния этнопсихологического фактора, имеют мало общего с реальной языковой ситуацией в стране.

В.А. Тишков является сторонником исключения вопроса о родном языке из российского переписного листа[2]. Подобное более чем актуально и для Абхазии: в последующих переписях населения страны, на наш взгляд, было бы разумным отойти от советской практики выявления языковой ситуации посредством ответа на вопрос о родном языке, поскольку данный вопрос не выполняет той функции, которая была возложена на него изначально. «Родной язык», выступая в роли *этноидентификационного маркера* в Абхазии, давно уже перестал восприниматься населением (и частью научной интеллигенции) в своём изначальном качестве, став дополнительным средством утверждения этнического самосознания, своеобразным индикатором его прочности.

Ясного представления о том, что понимать под родным языком, нет не только у обывателей: сами специалисты, придерживающиеся различных взглядов, не могут прийти к консенсусу относительно чёткой дефиниции понятия «родной язык». Процитированный выше В.А. Тишков отмечает: «Прежде всего следует уточнить такие фундаментальные категории с чрезмерной эмоционально-символической нагрузкой, как “родной язык” или “национальный язык” в смысле “язык своей национальности”. В современной науке нет удовлетворительного определения этих понятий, как и не существует общепринятого мнения, что у человека должен быть родной язык и что это может быть только один язык. В России также сохраняются упрощённые взгляды»[1].

[1] Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания, 2002, №2. С. 109.

[2] Тишков В.А. Реквием по этносу… С. 208–222.

В «Словаре социолингвистических терминов», выпущенном Институтом языкознания РАН в 2006 году, термин «родной язык» имеет сразу четыре определения, одно из которых фиксирует как раз этноидентификационное наполнение данного понятия: «Как показали полевые исследования, для большинства этносов РФ понятие “родной язык” неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности (информант в анкете в графе “Ваш родной язык” указывает этнический язык, например, селькуп указывает селькупский, но сам практически его не знает, даже на уровне понимания речи)»[2].

М.Н. Губогло ещё в 1972 году усматривал наличие двух самостоятельных и равнозначных смысловых пластов в понятии «родной язык»: субъективного и объективного. Автор констатирует, что «трудно ответить на вопрос, какой язык более “родной” — тот, который считает своим родным языком сам опрашиваемый, или тот, которым опрашиваемый лучше владеет или чаще употребляет. Равнозначность объективного и субъективного в понятии “родной язык” позволяло произвольно менять смысл самого понятия. Занесение в графу “родной язык” советского переписного бланка мнения самого опрашиваемого означает прежде всего, что в этом понятии подчеркивается его важнейшая этноопределительная функция»[3]. Таким образом, фиксация субъективного мнения опрашиваемого относительно его родного языка видится ав-

[1] Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук, 2016, Т. 86, №4. С. 295.

[2] Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 187.

[3] Губогло М.Н. Социально-этнические последствия двуязычия // Советская этнография, 1972, №2. С. 32.

тору как один из вариантов фиксации устойчивости этнических характеристик.

Не берясь оценивать приемлемость данного подхода по отношению к другим территориям, нужно подчеркнуть, что применительно к абхазским реалиям фиксация субъективной «языковой принадлежности» населения не имеет никакого практического смысла, поскольку устойчивость этнического самосознания абхазов, как и представителей других крупнейших этносов страны, мало связана с их реальными языковыми характеристиками. В то же время слабым местом абхазской переписи как раз и является невозможность выявления языковых характеристик в силу отсутствия соответствующих вопросов.

Это утверждение справедливо не только для переписей населения, но и для проводимых в Абхазии социологических опросов, в которых напрямую ставится вопрос о «родном языке». Н.Х. Смыр отмечает: «Современные социолингвистические опросы отражают психологическую ситуацию, а не лингвофункциональную, и отражают, скорее, не современную ситуацию, а ту, которая была целое поколение назад. На первый план выступает не реальное языковое поведение личности, а его ментальность, в которой язык является важным символом, отражает глубинные потребности человека и общества»[1].

Перепись населения Абхазии 2011 года предоставляет следующие данные о распределении по родному языку представителей основных этносов в городских поселениях страны (табл. 20). Так, 98,6% городских абхазов указали в качестве родного языка абхазский, а 93,5% горожан, самоопределившихся как «грузины», отметили в качестве родного языка грузинский, хотя, очевидно, что бóльшая их часть

[1] Смыр Н.Х. Языковая политика в Абхазии // Языковой суверенитет в контексте политической субъектности самоопределившихся государств. Тирасполь, 2010. С. 89.

мегрелоязычна. Насколько результаты переписи далеки от реальной языковой ситуации, можно приблизительно установить, основываясь на эмпирических данных. В частности, по мнению Б.Г. Джонуа, абхазский язык в Абхазии в целом «является действительно родным» не более чем для 60000 абхазов[1], при этом бóльшая их часть, очевидно, сосредоточена в сельской местности.

Табл. 20. Родной язык по основным национальностям у городского населения Абхазии (2011 г.)[2].

	в том числе с родным языком							
	всего	своей нац-ти	абх.	русс.	арм.	груз.	укр.	другими
всего	121255	114192	565	5303	32	31	7	1125
абхазы	71918	70886	–	936	1	18	–	77
русские	17503	17426	46	–	12	2	4	13
армяне	14246	13319	17	902	–	1	–	7
грузины	11395	9173	239	1123	5	–	2	853
украинцы	1393	525	15	852	–	–	–	1
греки	993	597	23	361	7	1	–	4
осетины	473	339	19	109	–	1	–	5
турки	407	186	86	126	2	–	–	7
мегрелы	275	225	1	40	2	5	–	2
абазины	273	232	29	8	1	–	1	2
цыгане	255	248	–	5	–	–	–	2
татары	242	123	6	108	–	–	–	5
белорусы	207	67	–	140	–	–	–	–

[1] Джонуа Б.Г. Языковая политика в Абхазии: история, реалии и перспективы. URL: http://apsnyteka.org/file/jonua_b_iazykovaia_politika_v_abkhazii.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

[2] Итоги переписи населения РА 2011 года. С. 90–93.

эстонцы	139	71	4	63	1	–	–	–
молдав.	125	51	7	60	1	–	–	6
азерб.	119	42	7	70	–	–	–	–
кабард.	114	104	2	7	–	–	–	1
остальные	1178	578	64	393	–	3	–	140

В таком полиэтничном сообществе, как Абхазия, со сложной языковой ситуацией, где этническое самосознание и преимущественный язык владения и общения зачастую не совпадают, с различиями в языковой практике горожан и селян, пожилых и молодёжи и т.д., в ходе проведения переписей населения следует найти более адекватные способы фиксации этноязыковых реалий. Помимо научного интереса, это вызвано необходимостью иметь надёжную статистическую базу для эффективной реализации государственной языковой политики.

Исходя из того, что численность населения Абхазии невелика, на наш взгляд, переписной лист легко может быть расширен за счёт увеличения числа вопросов о языке без существенных издержек. Представляется логичным изъять из переписного листа вопрос о «родном языке», заменив его рядом последовательных вопросов, нацеленных на выявление языковых компетенций населения страны. Вопросы эти могли бы быть следующими:

1. «Каким языком (языками) Вы лучше всего владеете?». Здесь переписчик должен будет пояснить переписываемому, что речь идёт о том языке, которым человек действительно лучше всего владеет. В случае если переписываемый владеет одинаково хорошо несколькими языками и не может выбрать один из них в качестве языка наилучшего владения, можно указать несколько языков.

2. «Степень владения абхазским языком». При ответе на данный вопрос переписываемому могут быть предложены варианты ответов в нисходящей последовательности от свободного владения государственным языком до полного непонимания абхазской речи.

3. «Степень владения русским языком». С аналогичным перечнем вариантов ответа.

4. «Степень владения языком своей национальности». С теми же вариантами ответа. На данный вопрос не нужно будет отвечать лицам, указавшим в графе «национальность» варианты «абхаз/ка» или «русский/русская».

5. «Какими иными языками Вы владеете?». Данный вопрос прежде всего нацелен на выявление владения традиционно распространёнными (в настоящем или недавнем прошлом) в Абхазии языками. Здесь также может быть предложен примерно следующий список вариантов ответа: «армянский», «греческий», «грузинский», «мегрельский», «турецкий», «украинский», «эстонский» и «иные (вписать)».

6. Заключать список языковых вопросов может следующий перечень: «на каком языке/каких языках Вы чаще общаетесь дома/на работе/в школе/с родными/с друзьями и т.д.?».

Из 572 человек, принявших участие в анкетировании, 156 (27,3%) человек указали в качестве языка наилучшего владения абхазский, ещё 58 (10,1%) человек отметили одновременно абхазский и русский языки. Подавляющее большинство респондентов указало, что лучше всего владеет русским языком – 329 (57,5%) человек. Помимо этого 23 (4,0%) человека отметили армянский язык, 2 (0,3%) человека – армянский и русский одновременно, 2 (0,3%) человека – мегрельский, 1 (0,3%) человек – греческий и 1 (0,2%) человек – грузинский и русский одновременно (рис. 62).

Рис. 62. Распределение респондентов по языкам наилучшего владения.

Несмотря на довольно обширный перечень вариантов ответа на вопрос о национальности, список языков наилучшего владения куда более скромный, что указывает на довольно глубокие процессы языковой ассимиляции (русификации) в абхазской столице, затронувшие в той или иной степени представителей всех этносов города. По всей видимости, доля респондентов, лучше всего владеющих русским языком, должна быть ещё выше. Как уже отмечалось, в силу влияния психологического фактора определённая часть респондентов могла дать неправдивый ответ на данный вопрос. Так или иначе, языковой состав респондентов весьма существенно отличается от этнического.

Нижеследующая диаграмма показывает соотношение числа респондентов определённой этнической принадлежности (представлены самые многочисленные группы) с числом лиц, указавшим язык данного этноса в качестве языка наилучшего владения. У представителей всех этносов, кроме русских, число лиц, указавших свой этнический язык как язык наилучшего владения, намного меньше количества отнёсших себя к соответствующим этносам. Причём случаи, когда указывалось два языка – «этнический» и русский, – суммированы с просто «этническими» (рис. 63). Общее число респондентов, указавших русский язык в той или иной комбинации как язык наилучшего владения, – 390 (68,2%) человек; абхазский язык (в том числе в комбинации с русским) – 214 (37,4%); армянский (в том числе в комбинации с русским) – 25 (4,4%) человек.

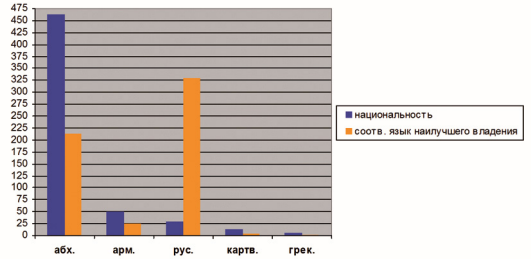

Рис. 63. Соотношение количества респондентов определённой национальности и лиц с соответствующим языком наилучшего владения.

Среди лиц, лучше всего владеющих абхазским языком, фигурируют почти исключительно этнические абхазы, за исключением одной девушки, указавшей убыхскую национальность. Только этнические абхазы отметили абхазский и русский языки одновременно в качестве языков наилучшего владения. Армянский язык, в том числе в комбинации с русским, указали только этнические армяне. Греческий язык отметила одна этническая гречанка, грузинский и русский языки одновременно выбрала этническая грузинка, а мегрельский язык указал один этнический мегрел и одна девушка, родившаяся в городе Гал и определившая свою национальность как «грузинка».

Самой большой этнической мозаичностью закономерно отличается та часть респондентов, которая выбрала только русский язык как язык наилучшего владения (329 человек). Большинство здесь составили этнические абхазы – 250 (76,0%) человек. Сами русские оказались на втором месте – 29 (8,8%) человек, далее следуют армяне – 25 (7,6%) человек, грузины – 10 (3,0%) человек, греки – 4 (1,2%) человека, украинцы – 3 (0,9%) человека, евреи – 2 (0,6%) человека, осетины – 2 (0,6%) человека, абазины – 1 (0,3%) человек, итальянцы – 1 (0,3%) человек, немцы – 1 (0,3%) человек, эстонцы – 1 (0,3%) человек.

Перейдём к рассмотрению языковых характеристик каждого этноса в выборке отдельно. Из 463 абхазов, принявших участие в анкетировании, 155 (33,4%) человек в качестве языка наилучшего владения выбрали только абхазский, 58 (12,5%) человек – абхазский и русский языки одновременно, 250 (54,0%) человек – только русский язык. Никаких иных языков этническими абхазами выбрано не было (рис. 64).

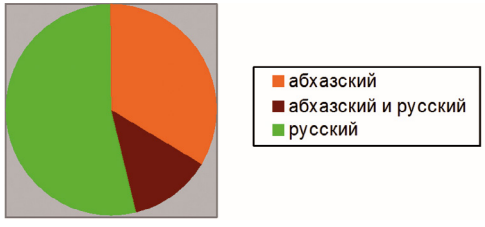

Рис. 64. Распределение респондентов-этнических абхазов по языкам наилучшего владения.

Существенные языковые различия отмечаются между абхазами из смешанных семей и респондентами с обоими родителями абхазской национальности. Языковой состав респондентов-абхазов, имеющих одного из родителей неабхазской национальности (76 человек), выглядит так: только абхазский как язык наилучшего владения указали лишь 11 (14,5%) человек, абхазский и русский одновременно – 3 (3,9%) человека, только русский язык – 62 (81,6%) человека. Процесс языкового обрусения у данной группы респондентов закономерно получил наиболее широкое распространение (рис. 65). При этом определённые различия обнаруживаются и внутри этой группы в зависимости от этнической принадлежности родителя-неабхаза. Исключительно русский язык в качестве языка наилучшего владения указали все респонденты-абхазы с матерями армянской национальности (5 человек), украинками (3 человека), а также по одному человеку с одним из родителей албанской, корейской, татарской, турецкой и еврейской национальности. Среди абхазов с русскими матерями (24 человека) русский язык указало 91,7%, абхазский – 8,3%. Последние являются уроженцами Абжуа. Бóльшую тенденцию к «абхазоязычию» проявляют представители смешанных семей с одним из родителей картвельской национальности (35 человек): абхазский язык указало 17,1%, абхазский и русский одновременно – 8,6%, только русский – 74,3%. Абхазский язык в качестве языка наилучшего владения выбрали абхазы с одним из родителей белорусской и китайской национальности, а также один из двух абхазов с матерью-абазинкой (второй указал русский язык).

Рис. 65. Распределение респондентов-этнических абхазов из смешанных семей по языкам наилучшего владения.

Языковой состав абхазов с обоими родителями-абхазами (387 человек) следующий: в качестве языка наилучшего владения выбрали только абхазский 144 (37,2%) человека, абхазский и русский языки одновременно – 55 (14,2%) человек, только русский – 188 (48,6%) человек. Таким образом, у данной категории количество указавших абхазский язык (в том числе в комбинации с русским) превышает 50% (рис. 66).

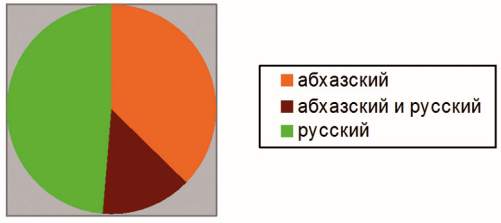

Рис. 66. Распределение респондентов-этнических абхазов с обоими родителями абхазской национальности по языкам наилучшего владения.

Существенные различия в языковом составе респондентов-абхазов наблюдаются в зависимости от места рождения. Среди уроженцев Сухума (194 человека) доля русскоязычных закономерно выше средних показателей. Только 31 абхаз, родившиеся в столице, указали абхазский в качестве языка наилучшего владения, что составляет 16,0%. Ещё 19 (9,8%) человек отметили абхазский и русский языки одновременно, тогда как 144 (74,2%) человека указали только русский язык.

Из 10 респондентов-абхазов, родившихся в Гагре, только двое (20%) указали абхазский как язык наилучшего владения, 3 (30%) человека отметили абхазский и русский языки одновременно и 5 (50%) человек – только русский язык.

Среди абхазов, родившихся в городе Гудаута (51 человек), абхазский язык указали 18 (35,3%) человек, абхазский и русский одновременно – 9 (17,6%) человек, только русский язык – 24 (47,1%) человека. Гудаута, как город, имевший абхазскую

этническую доминанту уже в позднесоветский период, конечно, отличается большей абхазоязычностью, чем Сухум или Гагра, однако и здесь степень внедрения русского языка очень существенна. В ходе настоящего исследования этот факт выразился в том, что почти половина респондентов-абхазов, родившихся в Гудауте, указала наилучшее владение именно русским языком.

В Новом Афоне родилось 6 респондентов, указавших принадлежность к абхазскому этносу. Половина из них указала абхазский язык как язык наилучшего владения, другая половина – русский.

Из 18 абхазов, родившихся в Очамчыре, 7 (38,9%) человек указали абхазский язык, 2 (11,1%) – абхазский и русский языки вместе, 9 (50,0%) – только русский язык. При этом ни один этнический абхаз – уроженец Очамчыры, даже в тех случаях, когда одним из родителей был картвел, и сам респондент родился в 1950-е годы, не только не указал мегрельский язык в качестве языка наилучшего владения, но и не отметил его в числе прочих языков владения. Последнее, как нам представляется, связано с нежеланием определённой части респондентов декларировать владение картвельскими языками, мотивированным психологическими причинами.

Наряду с выходцами из Гудауты, в выборке хорошо представлены уроженцы Ткуарчала абхазской национальности (44 человека). Согласно результатам анкетирования, выходцы из Ткуарчала отличаются наибольшей абхазоязычностью среди уроженцев городов Абхазии[1], однако и здесь почти половина респондентов отметила только русский язык как язык наилучшего владения – 21 (47,7%) человек. Ещё 4 (9,1%) человека указали абхазский и русский языки одновременно и 19 (43,2%) человек – только абхазский.

Один из пяти уроженцев пгт Бзыпта указал абхазский язык (20,%), ещё один – абхазский и русский языки вместе (20,0%), трое – только русский язык (60,0%). Абхазов, родившихся в пгт Гулрыпш, в выборке двое. Один из них указал абхазский язык (50,0%), другой – русский (50,0%).

Распределение абхазов, родившихся в сельской местности Абхазии (117 человек) по языку наилучшего владения следующее: только абхазский язык указали 73 (62,4%) человека, абхазский вместе с русским – 19 (16,2%) человек, только русский язык – 25 (21,4%) человек. У данной группы респондентов закономерно выявлен самый высокий процент отметивших абхазский язык в качестве языка наилучшего владения. Причём присутствие в данной группе значительного количества лиц, выбравших только русский язык, объясняется целым рядом факторов: возраст, в котором человек переехал в Сухум; неабхазская национальность одного из родителей (28% респондентов данной категории – представители смешанных семей); географическое положение и этнический состав села, в котором родился респондент: многие являются выходцами из таких приморских и полиэтничных сёл, как Алахадзы, Арсаул, Гумиста, Лдзаа, Нижняя Эшера.

Неудивительно, что самый высокий уровень русскоязычности характерен для абхазов, родившихся за границей. Из 16 человек, родившихся за пределами страны (в России, Грузии и на Украине), только один указал в качестве языков наилучшего владения абхазский и русский одновременно (6,2%), остальные 15 (93,8%) человек отметили только русский язык. Указавших только абхазский язык в данной группе не оказалось.

Нижеследующая диаграмма визуализирует языковой состав респондентов-абхазов по месту рождения в разрезе каждого города Абхазии[1], посёлков городского типа, которые из-за малого количества родившихся в них респондентов объединены в одну категорию, сельской местности Абхазии и заграницы (рис. 67).

[1] Данные по уроженцам Нового Афона (6 человек) не достаточно репрезентативны.

[1] Кроме Нового Афона, который в силу недостаточной репрезентативности выборки и относительно недавнего обретения городского статуса объединён в одну группу с посёлками городского типа.

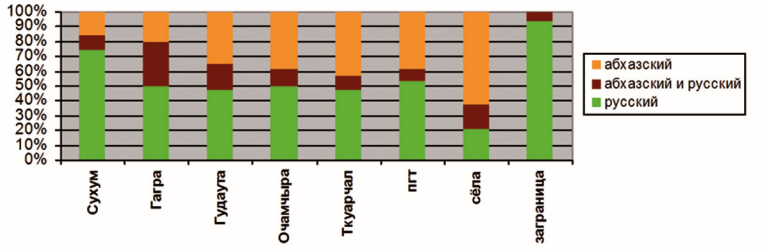

Рис. 67. Распределение респондентов-этнических абхазов по языку наилучшего владения в зависимости от места рождения.

Прослеживаются определённые различия языкового состава уроженцев абжуйских и бзыпских сёл. Из 59 абхазов, родившихся в сельской местности Абжуйской Абхазии, 39 (66,1%) человек указали только абхазский язык в качестве языка наилучшего владения, 10 (16,9%) человек – абхазский и русский языки одновременно, 10 (16,9%) – только русский язык. Языковой состав 53 абхазов, родившихся в сельской местности Бзыпской Абхазии, следующий: 33 (62,3%) человека указали только абхазский язык, 7 (13,2%) – абхазский и русский вместе, 13 (24,5%) – только русский язык (рис. 68).

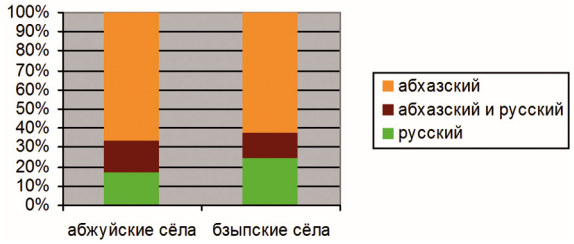

Рис. 68. Распределение респондентов-этнических абхазов, родившихся в сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии, по языку наилучшего владения.

Таким образом, данные анкетирования на примере сухумчан, родившихся в разных регионах страны, свидетельствуют

о том, что бóльшая устойчивость позиций абхазского языка характерна не только для городов Абжуйской Абхазии по сравнению с городскими поселениями Западной Абхазии, но также и для абжуйских сёл в сравнении с бзыпскими. И хотя в сельской местности обоих регионов абхазский язык по-прежнему активно используется населением как основной язык общения, явное расхождение в языковых траекториях наметилось и здесь. В.А. Чирикба отмечает следующее: «…наблюдается значительно бóльшая устойчивость абхазского языка именно в юго-восточных регионах страны, где абхазы соседят с близкими им по культуре и более многочисленными мегрелами. Здесь, при сравнительной близости культур, а также зачастую одинаково звучащих фамилиях именно язык, наряду с обычаями, остается основным признаком отличности абхазов от мегрелов, и инструментом противодействия их ассимиляции последними. В Бзыпской (Гудаутской) же Абхазии подобного соседства нет, а главным признаком идентификации местных абхазов является не язык, а этикетный код *ашуара*. Проблема заключается в том, что этикет *ашуара* не связан напрямую с абхазским языком и может вполне удовлетворительно функционировать и на другом, в данном случае, русском языке. Кроме того, сам этикет *ашуара* в современных условиях урбанизации подвергается быстрой эрозии и трансформации. В результате, самая тревожная ситуация с абхазским языком фиксируется именно к западу от Сухума, в Новом Афоне, в Гудауте и в Гагре, где социально и культурно более престижный и экономически более востребованный русский язык постепенно становится основным языком общения значительного слоя городских абхазов»[1].

Состав респондентов-абхазов, родившихся в смешанных семьях, по языку наилучшего владения в зависимости от места рождения следующий. Из 39 абхазов с одним из родителей неабхазской национальности, родившихся в Сухуме, лишь 1 (2,6%) человек указал на наилучшее владение абхазским

[1] Чирикба В.А. Развитие абхазского языка… С. 25.

языком. Это старшеклассник, ученик одной из абхазских школ города, с матерью-мегрелкой. Остальные 38 (97,4%) человек отметили русский как язык наилучшего владения. Из 6 уроженцев Ткуарчала, относящихся к данной категории, 3 (50,0%) человека отметили абхазский язык, 1 (16,7%) человек – абхазский и русский одновременно, 2 (33,3%) человека – только русский язык. Уроженцы всех остальных городов Абхазии указали исключительно русский язык. Среди них: 3 выходца из Гудауты, 3 – из Очамчыры, 1 – из Гагры, 1 – из Нового Афона. Из 15 уроженцев сельской местности 7 (46,7%) человек отметили только абхазский язык, 1 (6,7%) – абхазский и русский одновременно, 7 (46,7%) – только русский язык. Из 8 респондентов, родившихся за пределами Абхазии, 1 (12,5%) человек указал абхазский и русский языки вместе, остальные 7 (87,5%) человек – только русский (рис. 69).

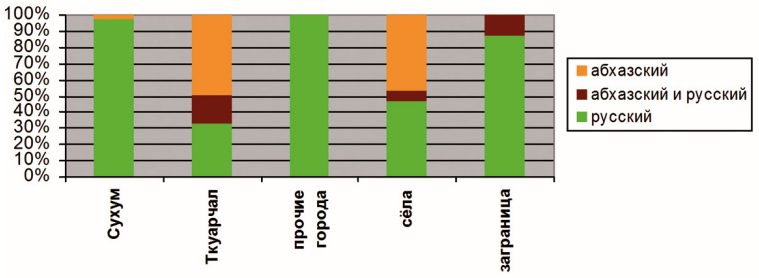

Рис. 69. Распределение респондентов-этнических абхазов из смешанных семей по языку наилучшего владения в зависимости от места рождения.

Абхазы из смешанных семей, родившиеся в сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии, также довольно существенно отличаются по языкам наилучшего владения. Из 8 уроженцев абжуйских селений, относящихся к данной категории, 5 (62,5%) человек указали только абхазский язык, 1 (12,5%) – абхазский и русский одновременно, 2 (25,0%) – только русский язык. Из 6 уроженцев бзыпских сёл только 2 (33,3%) человека указали абхазский язык, тогда как остальные 4 (66,7%) – русский (рис. 70).

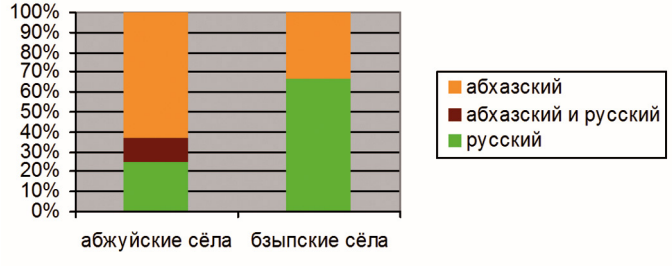

Рис. 70. Распределение респондентов-этнических абхазов из смешанных семей, родившихся в сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии, по языку наилучшего владения.

Помимо общей тенденции к большей устойчивости абхазского языка в Абжуа, здесь определённую роль сыграло наличие в пределах Бзыпской Абхазии полиэтничных пригородных прибрежных сёл *(Арсаул, Лдзаа, Эшера)*, в которых и родилась часть респондентов, тогда как в послевоенной Абжуйской Абхазии такие селения отсутствуют. Бóльшая часть селений Абжуа в настоящее время представлена моноэтничными абхазскими. В регионе расположено также два этнически армянских села: *Аракич и Лабра*. Ещё одно бывшее этнически армянское село – *Атара Армянская* – после войны было покинуто большинством жителей. Впоследствии в селе поселилось несколько абхазских семей преимущественно из Ткуарчала, а также из сильно разрушенного в ходе боевых действий села Тамыш. С конца 2009 года в пределах данной сельской администрации начинают оседать семьи «экопоселенцев» из России. К 2015 году они составляли уже бóльшую часть населения села[1].

[1] Записано со слов бывшего директора школы села Атара Армянская А. Очирова.

Отмечаются расхождения в языковой структуре респондентов-абхазов в зависимости от возраста. Из 76 лиц условно «школьного возраста» абхазский язык в качестве языка наилучшего владения указали 15 человек или 19,7%, ещё 4 (5,3%) человека отметили абхазский и русский языки одновременно, а 57 (75,0%) человек – только русский язык. Абхазов условно «студенческого» возраста в выборке оказалось 125 человек, из которых 42 (33,6%) отметили только абхазский язык, 15 (12,0%) – абхазский и русский языки вместе, 68 (54,4%) – только русский язык. К условно «взрослой» категории относится 220 респондентов абхазской национальности. Их языковой состав следующий: 77 (35,0%) человек отметили только абхазский язык, 36 (16,4%) – абхазский и русский языки одновременно, 107 (48,6%) – только русский язык. Наконец, среди абхазов условно «пенсионного» возраста (42 человека) ровно половина – 21 человек – указала только абхазский язык, 3 (7,1%) человека – абхазский и русский одновременно, 18 (42,9%) – только абхазский язык (рис. 71).

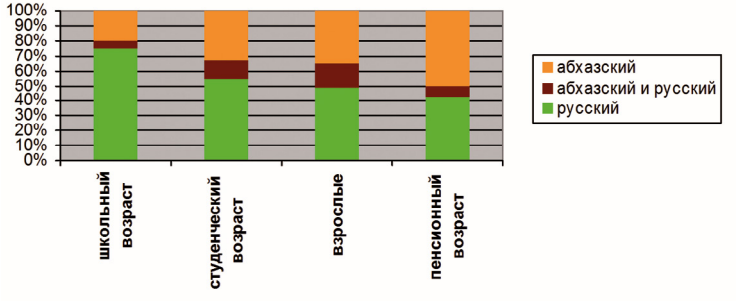

Рис. 71. Распределение респондентов-этнических абхазов по языку наилучшего владения по возрастным когортам.

Таким образом, отмечается строгая тенденция к увеличению доли русскоязычных и сокращению процента абхазоязычных от старших возрастных когорт к более младшим. Причём у представителей «взрослой» возрастной группы отмечен наибольший процент указавших оба языка в качестве языков наилучшего владения, что говорит о том, что именно это поколение, чья социализация пришлась на постсталинский период, совершило настоящий переход к билингвизму. А самое младшее поколение горожан при сохранении нынешнего вектора может, таким образом, завершить переход к русскому монолингвизму.

В целом, экстраполируя данные анкетирования на население города, можно заключить, что абхазский язык в Сухуме находится в процессе постепенного угасания, несмотря на ряд благоприятствующих его распространению этнодемографических и культурно-политических тенденций послевоенного времени: резкому увеличению доли абхазского населения столицы, миграции сельского абхазоязычного населения в город, представившейся Абхазии возможности проводить самостоятельную культурно-языковую политику в условиях политического суверенитета и т.д.

Любопытным представляется рассмотрение языкового состава респондентов-абхазов пенсионного возраста в зависимости от места рождения, поскольку весомая их часть (42,9%) указала только русский язык в качестве языка наилучшего владения. Из 42 респондентов, относящихся к данной категории, 10 человек родились в Сухуме, 4 – в Гудауте, 4 – в Ткуарчале, 3 – в Очамчыре, 21 – в сельской местности. Среди уроженцев Сухума только 1 человек указал абхазский язык в качестве языка наилучшего владения, ещё 1 человек – абхазский и русский одновременно, а остальные 8 человек – только русский. Неудивительно, что большинство людей, родившихся в Сухуме в советский период, лучше всего владеет русским языком. Любопытно, что русский язык отметило и большинство уроженцев других городов Абхазии, как правило, переехавших в Сухум ещё в советское время в юном возрасте. Так, все уроженцы Гудауты, ¾ выходцев из Ткуарчала и ⅓ родившихся в Очамчыре указали русский язык в качестве языка

наилучшего владения. Диаметрально противоположные данные обнаруживаются у уроженцев абхазских сёл пенсионного возраста: 17 из 21 указали абхазский язык (81,0%), 2 человека – абхазский и русский одновременно (9,5%), 2 – только русский язык (9,5%) (рис. 72).

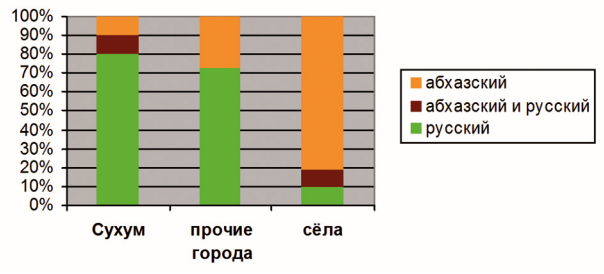

Рис. 72. Распределение респондентов-этнических абхазов пенсионного возраста по языку наилучшего владения в зависимости от места рождения.

Распределение этнических армян (50 человек) по языку наилучшего владения выглядит таким образом: 23 (46,0%) человека указали только армянский язык, 2 (4,0%) – армянский и русский одновременно, 25 (50,0%) – только русский язык. Никаких иных языков наилучшего владения этническими армянами указано не было (рис. 73).

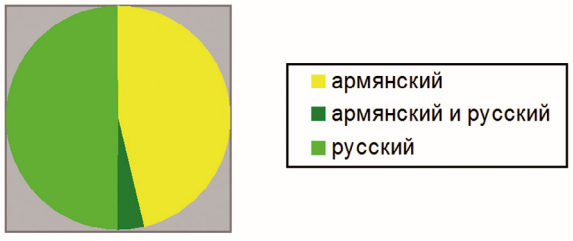

Рис. 73. Распределение респондентов-этнических армян по языку наилучшего владения.

Здесь отдельно следует оговорить, что все респонденты армянской национальности, указавшие армянский язык, были опрошены в сухумской армянской средней школе №9, в то время как ни один армянин, опрошенный вне данной школы, не указал армянского языка. При этом все армяне из смешанных семей (с матерями-славянками) – всего 4 человека – указали русский как язык наилучшего владения.

Большинство этнических армян в выборке родилось в Сухуме – 38 человек или 76,0%. В этнически смешанных сёлах Абхазии со значительной или преобладающей долей армянского населения (Гумиста, Дранда, Эшера) родились 3 респондента (6,0%), ещё один респондент-армянин родился в Гудауте (2,0%), 4 (8,0%) – в Армении и 4 (8,0%) – в России. Языковой состав респондентов-армян в зависимости от места рождения таков. Среди уроженцев Сухума 17 (44,7%) человек указали только армянский язык, 2 (5,3%) – армянский и русский одновременно, 19 (50,0%) – только русский язык. Любопытно, что все 3 уроженца сельской местности, так же как и уроженец Гудауты, указали только русский язык в качестве языка наилучшего владения. Все уроженцы Армении закономерно указали только армянский язык, тогда как половина выходцев из Российской Федерации – армянский, другая половина – русский язык (рис. 74).

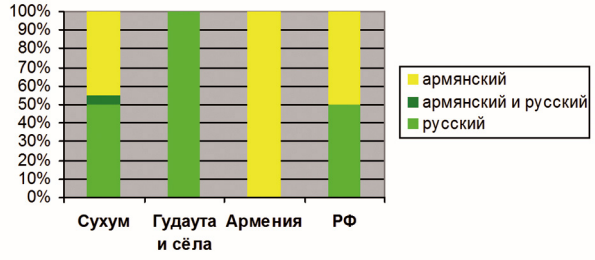

Рис. 74. Распределение респондентов-этнических армян по языку наилучшего владения в зависимости от места рождения.

Языковые различия в зависимости от возраста респондентов вряд ли можно считать репрезентативными, поскольку бóльшая часть лиц школьного возраста, в отличие от представителей других возрастных групп, была опрошена в стенах армянской школы с практически полным образовательным циклом на армянском языке. Из 26 респондентов условно «школьного» возраста 14 (53,8%) человек указали армянский язык, 12 (46,2%) – русский. Из 5 респондентов условно «студенческого» возраста 1 (20,0%) человек указал армянский язык, 4 (80,0%) – русский язык. Из 17 этнических армян «взрослой» возрастной когорты 7 (41,2%) указали только армянский язык, 2 (11,8%) – армянский и русский одновременно, 8 (47,1%) – только русский язык. В анкетировании принял участие всего один армянин «пенсионного» возраста, указавший в качестве языка наилучшего владения русский (рис. 75).

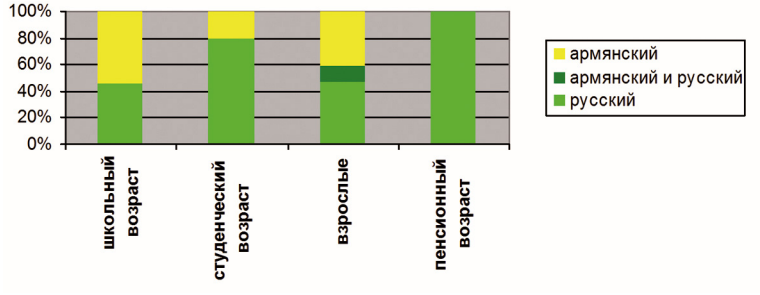

Рис. 75. Распределение респондентов-этнических армян по языку наилучшего владения по возрастным когортам.

Из 13 этнических картвелов в выборке 12 человек определили свою национальность как «грузин» и 1 человек – как «мегрел». В качестве языков наилучшего владения 2 (15,4%) представителя картвельских народов указали мегрельский, 1 (7,7%) – грузинский и русский одновременно, 10 (76,9%) человек – только русский (рис. 76). Больше половины картвелов в выборке родились в Сухуме – 8 человек. Почти все они указали русский язык в качестве языка наилучшего владения, за исключением одного, указавшего грузинский и русский языки одновременно. При этом 5 из 8 картвелов, родившихся в Сухуме, являются представителями смешанных семей. Ещё 4 респондента картвельской национальности родились в городе Гал. Половина из них указала в качестве языка наилучшего владения мегрельский, половина – русский. Наконец, единственный респондент-картвел, родившийся в Российской Федерации, отметил русский язык.

Рис. 76. Распределение респондентов-этнических картвелов по языку наилучшего владения.

Вторым вопросом анкеты, призванным выявить языковую ситуацию среди опрошенных, был вопрос о степени владения абхазским языком, который включал следующие возможные варианты ответа: «говорю свободно», «говорю с затруднениями», «только понимаю», «не говорю и не понимаю». Из 572 респондентов, принявших участие в анкетировании, 297 (51,9%) человек указали на свободное владение абхазским языком (включая отметивших абхазский как язык наилучшего владения, в том числе наряду с русским); 133 (23,3%) человека отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями; 62 (10,8%) человека указали, что только понимают абхазский язык; 80 (14,0%) человек

отметили, что не говорят и не понимают абхазский язык (рис. 77). Таким образом, данные анкетирования показывают, что большинство респондентов в той или иной степени владеет абхазским языком, хотя не исключено, что часть выборки могла вольно или невольно завысить собственный уровень владения языком. Лишь седьмая часть респондентов указала на непонимание абхазской речи.

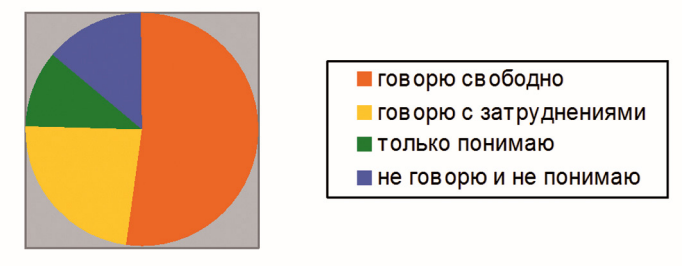

Рис. 77. Степень владения абхазским языком у респондентов.

Распределение респондентов, указавших принадлежность к абхазскому этносу (463 человека), закономерно выглядит иным образом. На свободное владение абхазским языком указали 293 (63,3%) человека, тогда как 110 (23,8%) человек отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями. Только понимают абхазский язык 36 (7,8%) человек, не говорят и не понимают – 24 (5,2%) человека (рис. 78).

Рис. 78. Степень владения абхазским языком респондентами-этническими абхазами.

Существенные различия выявляются при рассмотрении уровня владения абхазским языком респондентами-абхазами, представляющими разные возрастные когорты. Среди лиц школьного возраста (76 человек) только 29 (38,2%) человек отметили свободное владение абхазским языком, ещё 29 (38,2%) указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. Только понимающих абхазскую речь – 12 (15,8%) человек, не говорящих и не понимающих абхазский язык – 6 (7,9%) человек. Этнические абхазы студенческого возраста (125 человек) распределились следующим образом: 78 (62,4%) человек отметили свободное владение абхазским языком, 32 (25,6%) – с затруднениями, 10 (8,0%) – только понимают, 5 (4,0%) – не говорят и не понимают. Респонденты взрослого возраста (240 человек) распределились так: 172 (71,7%) человека указали свободное владение абхазским языком, 45 (18,8%) – с затруднениями, 12 (5,0%) – только понимают, 11 (4,6%) – не говорят и не понимают. Среди респондентов пенсионного возраста (42 человека) свободное владение абхазским языком отметили 34 (80,1%) человека и ещё 4 (9,5%) человека указали, что говорят по-абхазски с затруднениями. Только понимают абхазскую речь 2 (4,8%) человека, не говорят и не понимают по-абхазски 2 (4,8%) человека (рис. 79).

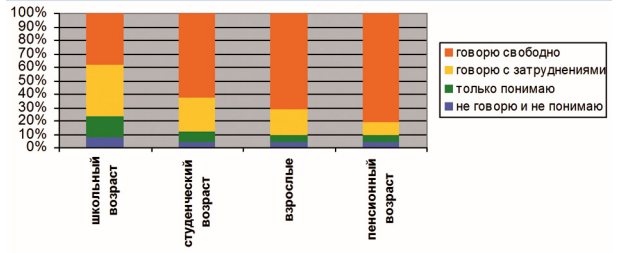

Рис. 79. Распределение респондентов-этнических абхазов по уровню владения абхазским языком по возрастным когортам.

Как и при распределении по языкам наилучшего владения, здесь заметна чёткая тенденция к сокращению доли свободно

владеющих абхазским языком от старших возрастных групп к более младшим. При этом процент вовсе не владеющих абхазским языком во всех возрастных когортах довольно низок, немного повышаясь лишь у представителей самого младшего поколения. Кроме того, у респондентов условно «школьного» возраста существенно повышена доля говорящих по-абхазски с затруднениями, что, по всей вероятности, связано с усилившимся (по сравнению с советским периодом) изучением абхазского языка в общеобразовательных школах города.

Значительные различия выявляются у этнически абхазских респондентов по уровню владения абхазским языком в зависимости от места рождения. Среди коренных сухумчан (194 человека) свободное владение абхазским языком отметили только 86 (44,3%) человек; 67 (34,5%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями; ещё 25 (12,9%) человек только понимают абхазскую речь; 16 (8,2%) человек указали, что не говорят и не понимают абхазский язык.

Из 10 уроженцев города Гагра 8 (80,0%) человек указали свободное владение абхазским языком, 1 (10,0%) – с затруднениями и 1 (10,0%) – только понимает. Ни один уроженец Гагры абхазской национальности не отметил непонимания абхазской речи.

Распределение по степени владения государственным языком 51 этнического абхаза, родившихся в Гудауте, следующее. Свободно владеют абхазским языком 37 (72,5%) человек, с затруднениями – 10 (19,6%) человек, только понимает – 1 (19,6%) человек, не говорят и не понимают – 3 (5,9%) человека.

Из 6 уроженцев Нового Афона абхазской национальности 4 (66,6%) человека указали свободное владение абхазским языком, 1 (16,7%) человек – с затруднениями и 1 (16,7%) человек отметил, что только понимает абхазскую речь. Не понимающих абхазский язык не отмечено.

Выходцы из Очамчыры, принадлежащие к абхазскому этносу (18 человек), распределились по степени владения абхазским языком таким образом: 13 (72,2%) человек свободно владеют абхазским, 3 (16,7%) человека – с затруднениями, 1 (5,6%) человек – только понимает, 1 (5,6%) человек – не говорит и не понимает.

У респондентов-абхазов, родившихся в Ткуарчале (44 человека), пропорции следующие: 32 (72,7%) человека отметили свободное владение государственным языком, 11 (25,0%) человек – с затруднениями и 1 (2,3%) человек указал, что только понимает абхазскую речь. Не понимающих абхазскую речь, так же как и среди уроженцев Гагры и Нового Афона, не отмечено.

Все 5 уроженцев пгт Бзыпта и 2 уроженца пгт Гулрыпш указали на свободное владение абхазским языком. Бзыпта в советское время являлась полиэтничным селом со значительной долей абхазского населения, получив статус посёлка городского типа незадолго до войны, 28 февраля 1991 года[1]. А уроженцы Гулрыпша, родившиеся в послевоенное время, по всей вероятности, являются детьми выходцев из сельской местности Абжуйской Абхазии.

У этнических абхазов, родившихся в сельской местности Абхазии (117 человек), закономерно отмечен наибольший (среди мест рождения с достаточно репрезентативным количеством респондентов) процент свободно владеющих абхазским языком: 103 (88,0%) человека указали, что говорят по-абхазски свободно. Ещё 11 (9,4%) человек отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями, 2 (1,7%) человека – только понимают абхазскую речь, и 1 (0,9%) человек указал, что не говорит и не понимает абхазского языка. Последний является уроженцем пригородного и этнически смешанного села Нижняя Эшера, а мать респондента – русская. Только понимающие абхазскую речь также являются представителями смешанных семей (матери в обоих случаях – грузинки), причём один из них родился в пригородном прибрежном селе Арсаул.

[1] Сборник законодательных актов Республики Грузия, №4. Тбилиси, 1991. С. 158.

Самый низкий процент свободно владеющих абхазским языком отмечен среди этнических абхазов, родившихся за пределами страны. Из 16 абхазов, родившихся за границей, только 3 (18,8%) человека отметили свободное владение абхазским, 6 (37,5%) человек указали, что говорят по-абхазски с затруднениями, 4 (25,0%) – только понимают, 3 (18,8%) – не говорят и не понимают абхазскую речь.

Следующая диаграмма визуализирует распределение респондентов-абхазов по уровню владения абхазским языком по месту рождения в разрезе каждого города Абхазии[1], посёлков городского типа, сельской местности Абхазии и заграницы (рис. 80).

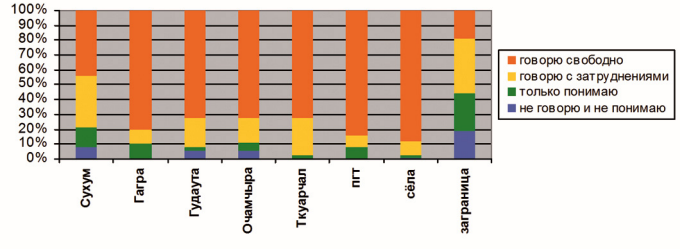

Рис. 80. Распределение респондентов-этнических абхазов по степени владения абхазским языком в зависимости от места рождения.

Более активное функционирование абхазского языка в Абжуйской Абхазии по сравнению с Бзыпской прослеживается и в данных по уровню владения абхазским языком. Из 59 сухумчан, родившихся в абжуйских сёлах, 53 (89,8%) отметили свободное владение государственным языком, 5 (8,5%) человек – с затруднениями и 1 (1,7%) человек указал, что только понимает абхазскую речь. Последний является представителем смешанной семьи (мать – грузинка) из села Адзюбжы, в

[1] Новый Афон объединён в одну группу с посёлками городского типа.

детском возрасте переселившимся в столицу. Не понимающих абхазскую речь не отмечено. Распределение сухумчан, родившихся в бзыпских сёлах, по уровню владения абхазским языком следующее: из 53 человек свободно владеют абхазским 45 (84,9%) человек, с затруднениями – 6 (11,3%) человек, только понимает – 1 (1,9%) человек, не говорит и не понимает – 1 (1,9%) человек (рис. 81). В числе говорящих по-абхазски с затруднениями есть как представители смешанных семей, так и респонденты с обоими родителями абхазской национальности. Любопытно, что в числе последних отмечены и выходцы из таких предгорных и этнически гомогенных селений, как Блабырхуа и Дурипш. Вероятно, до переселения в Сухум уже в сознательном возрасте их социализация проходила всё же не в родном селе, а в другом городском населённом пункте, например, в Гагре или Гудауте.

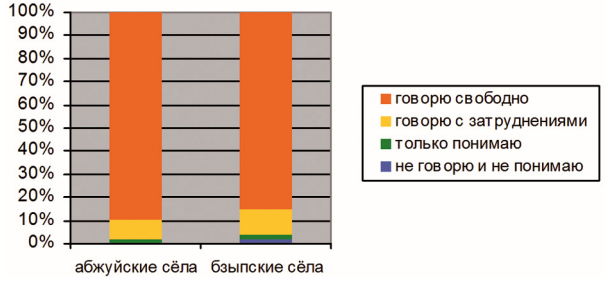

Рис. 81. Распределение респондентов-этнических абхазов, родившихся в сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии, по уровню владения абхазским языком.

Языковые компетенции этнических абхазов, родившихся в смешанных семьях, в целом довольно существенно отличаются от аналогичных показателей у респондентов с обоими родителями абхазами. Из 76 абхазов с одним из родителей неабхазской национальности только 19 (25,0%) человек указали свободное владение абхазским языком. Ещё 23 (30,3%)

человека отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями, 17 (22,4%) – только понимают абхазскую речь, 17 (22,4%) – не говорят и не понимают абхазского языка (рис. 82).

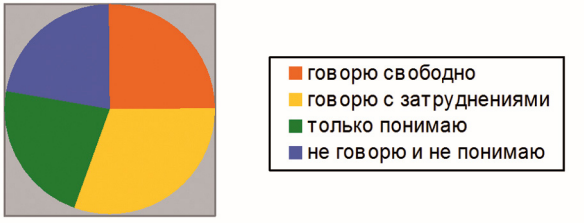

Рис. 82. Степень владения абхазским языком респондентами-этническими абхазами из смешанных семей.

В зависимости от места рождения у абхазов из смешанных семей выявлены следующие различия. Среди коренных сухумчан (39 человек) только 4 (10,3%) человека отметили свободное владение государственным языком, 13 (33,3%) человек – с затруднениями, 10 (25,6%) человек – только понимают, 12 (30,8%) человек – не говорят и не понимают. Распределение пяти выходцев из городов Западной Абхазии (3 уроженца Гудауты, 1 – Гагры, 1 – Нового Афона) выглядит следующим образом: двое отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями (40,0%), ещё двое – только понимают (40,0%), один человек указал, что не говорит и не понимает абхазскую речь (20,0%). Владеющих абхазским языком свободно среди данной группы респондентов не отмечено. У девяти уроженцев городов Восточной Абхазии (6 выходцев из Ткуарчала и 3 – из Очамчыры) ситуация совершенно иная. Так, 5 (55,6%) человек указали свободное владение абхазским языком, 2 (22,2%) человека – с затруднениями, 1 (11,1%) – только понимает, 1 (11,1%) – не говорит и не понимает. Этнических абхазов из смешанных семей, родившихся в сельской местности Абхазии, в выборке 15

человек. У данной группы доля свободно владеющих абхазским языком, естественно, самая высокая: 9 человек или 60,0%. Ещё трое респондентов отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями (20,0%), двое – только понимают (13,3%), 1 (6,7%) – не говорит и не понимает. Из 8 абхазов с одним из родителей неабхазской национальности, родившихся за пределами страны, только один человек отметил свободное владение абхазским языком (12,5%), 3 (37,5%) – с затруднениями, 2 (25,0%) – только понимают, 2 (25,0%) – не говорят и не понимают (рис. 83).

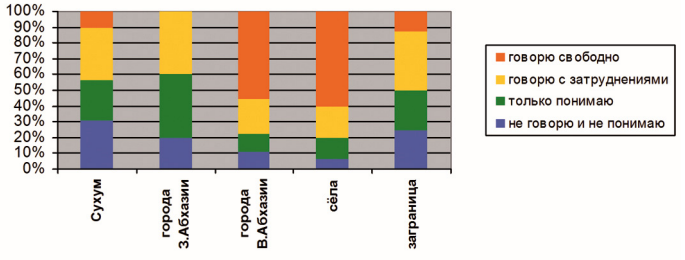

Рис. 83. Распределение респондентов-этнических абхазов из смешанных семей по степени владения абхазским языком в зависимости от места рождения.

Определённые различия наблюдаются в уровне владения государственным языком у абхазов с обоими родителями абхазской национальности и абхазов из смешанных семей в зависимости от национальности родителя-неабхаза. Абхазы из этнически гомогенных семей (387 человек) распределяются следующим образом: 274 (70,8%) человека отметили свободное владение государственным языком, 87 (22,5%) человек – с затруднениями, 19 (4,9%) человек – только понимают, 7 (1,8%) человек – не говорят и не понимают.

Среди представителей смешанных семей лучшее владение абхазским языком обнаруживают абхазы с одним из родителей картвельской национальности (всего 35 человек), среди которых 10 (28,6%) человек указали свободное владение абхаз-

ским языком, 11 (31,4%) человек – с затруднениями, 7 (20,0%) человек – только понимают, 7 (20,0%) человек – не говорят и не понимают. По всей видимости, данный факт определяется особенностями регионального происхождения данной группы респондентов: почти треть из них является непосредственными уроженцами Абжуйской Абхазии, где позиции абхазского языка наиболее сильны, а часть остальных может быть детьми выходцев из Абжуа, не теряющими связь с родовыми сёлами.

У этнических абхазов с матерями восточнославянской национальности (28 человек) наблюдается иная ситуация: 5 (17,9%) человек указали свободное владение абхазским языком, 9 (32,1%) человек – с затруднениями, 7 (25,0%) человек – только понимают, 7 (25,0%) человек – не говорят и не понимают.

Абхазы с матерями армянской национальности (5 человек) распределились так: один указал свободное владение абхазским языком (20,0%), двое – с затруднениями (40,0%), один – только понимает (20,0%), один – не говорит и не понимает (20,0%).

Этнические абхазы с одним из родителей любой другой национальности, не перечисленной выше (в совокупности 8 человек) распределены следующим образом: 3 (37,5%) человека указали свободное владение абхазским языком, 1 (12,5%) человек – с затруднениями, 2 (25,0%) человека – только понимают, 2 (25,0%) человека – не говорят и не понимают (рис. 84).

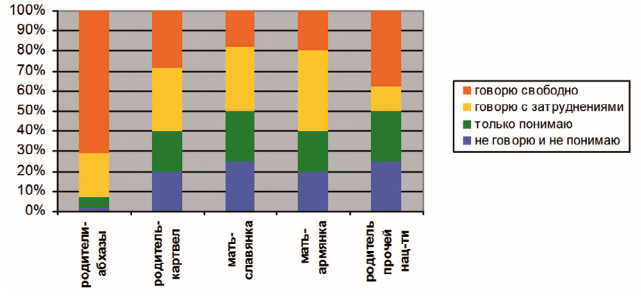

Рис. 84. Распределение респондентов-этнических абхазов из моно-национальных и смешанных семей по степени владения абхазским языком в зависимости от национальности второго родителя.

Распределение респондентов, принадлежащих к этническим меньшинствам вкупе, то есть всех, кто задекларировал неабхазскую национальность в ходе анкетирования, по степени владения абхазским языком следующее. Общее число неабхазов в выборке – 109 человек. Свободное владение абхазским языком указали только 4 человека (3,7%), говорят по-абхазски с затруднениями – 23 (21,1%) человека, только понимают абхазскую речь – 26 (23,9%) человек, не говорят и не понимают абхазского языка – 56 (51,4%) человек (рис. 85). При этом все респонденты, указавшие свободное владение абхазским языком, имеют мать абхазской национальности. Таким образом, около половины респондентов неабхазской национальности указали ту или иную степень компетенции в абхазском языке, однако и здесь, по всей вероятности, может иметь место некоторая переоценка собственного уровня владения языком у части опрошенных.

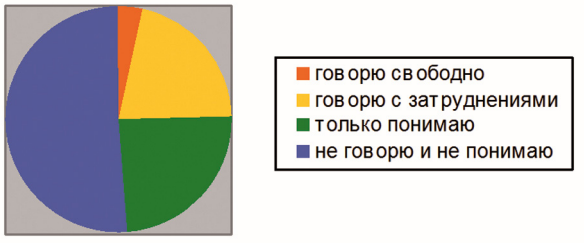

Рис. 85. Степень владения абхазским языком респондентами-этническими неабхазами.

Резкие различия обнаруживаются при сравнении уровня владения абхазским языком этническими неабхазами разных возрастных когорт. Среди лиц условно «школьного» возраста (37 человек) свободное владение абхазским языком отметил 1 (2,7%) человек – этническая осетинка с матерью-абхазкой. Ещё 18 (48,7%) респондентов указали, что говорят по-абхазски

с затруднениями, 7 (18,9%) респондентов отметили понимание абхазской речи и 11 (29,7%) человек не говорят и не понимают абхазского языка. Лица условно «студенческого» возраста (19 человек) распределяются следующим образом: 2 (10,5%) человека свободно владеют абхазским языком, 5 (26,3%) человек – с затруднениями, 5 (26,3%) человек – только понимают и 7 (26,3%) человек – не говорят и не понимают. Взрослая возрастная когорта (39 человек) по уровню владения государственным языком распределяется так: 11 (28,2%) человек только понимают абхазский язык, 28 (71,8%) человек – не говорят и не понимают. Говорящих на абхазском языке (свободно или с затруднениями) в данной возрастной группе не отмечено вовсе. Этнические неабхазы условно «пенсионного» возраста (14 человек) распределены следующим образом. Лишь 1 (7,1%) женщина указала свободное владение абхазским языком, однако отнесение её к этнически неабхазской части выборки можно считать техническим и в достаточной степени условным: это абазинка с матерью-абхазкой, родившаяся в 1950 году в Ткуарчале. Ещё трое респондентов указали, что понимают абхазский язык (21,4%), и 10 (71,4%) человек отметили, что не говорят и не понимают абхазской речи (рис. 86).

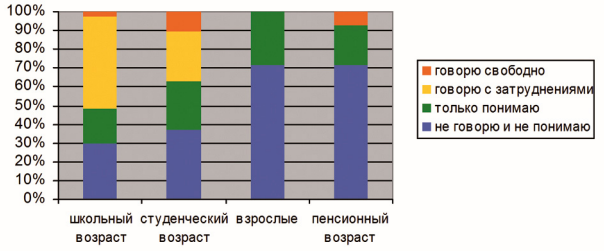

Рис. 86. Распределение респондентов-неабхазов по уровню владения абхазским языком по возрастным когортам.

Столь резкие различия между старшими возрастными когортами и поколением, родившимся в послевоенное время,

объясняются введением обязательного изучения абхазского языка в государственных общеобразовательных школах страны. И если в районах это требование выполняется не всегда, то в Сухуме обучение абхазскому языку ведётся в каждой школе.

Данные по уровню владения абхазским языком по каждому из этнических меньшинств, принявших участие в анкетировании, выглядят следующим образом. Ни один из 50 этнических армян не указал свободного владения абхазским языком, в то же время 16 (32,0%) человек отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями. Все они являются учениками старших классов армянской средней школы №9. Ещё 8 (16,0%) человек указали, что понимают абхазский язык, 26 (52,0%) человек – не говорят и не понимают абхазскую речь. Из 32 представителей восточнославянских народов (в том числе 29 русских и 3 украинцев) лишь 1 (3,1%) человек указал, что свободно владеет абхазским языком. Это старшеклассница с матерью абхазской национальности. Ещё трое (9,4%) отметили, что говорят по-абхазски с затруднениями (также старшеклассники); 7 (21,9%) человек указали, что понимают абхазский язык; 21 (65,6%) человек – не говорят и не понимают. Распределение 13 представителей картвельских народов (в том числе 12 грузин и 1 мегрела) таково: 1 (7,7%) человек владеет абхазским языком с затруднениями, 7 (53,8%) человек понимают абхазскую речь и 5 (38,5%) человек – не говорят и не понимают по-абхазски. Владеющих абхазским языком свободно среди респондентов-картвелов не отмечено. У представителей остальных меньшинств ситуация следующая: из пяти этнических греков один говорит по-абхазски с затруднениями, двое – понимают абхазскую речь, двое – не говорят и не понимают; из двух этнических евреек одна говорит по-абхазски с затруднениями, другая – понимает язык; из двух осетинок (обе с матерями-абхазками) одна свободно говорит по-абхазски, другая – понимает язык; одна абазинка и одна убышка свободно владеют абхазским языком; одна эстонка говорит по-абхазски с затруднениями; один итальянец и один немец не говорят и не понимают абхазского языка (рис. 87).

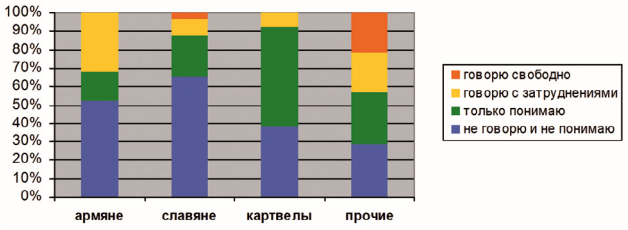

Рис. 87. Распределение респондентов-представителей этнических меньшинств по степени владения абхазским языком.

Существенное влияние на уровень владения абхазским языком среди этнически неабхазской части выборки, конечно же, оказывает фактор наличия или отсутствия одного из родителей абхазской национальности. Так, из 12 этнических неабхазов с одним из родителей абхазской национальности 4 (33,3%) человека владеют абхазским языком свободно, 6 (50,0%) человек понимают абхазскую речь и только 2 (16,7%) человека – не говорят и не понимают. Среди представителей этнических меньшинств, не имеющих ни одного родителя абхазской национальности (97 человек), свободно владеющих абхазским языком не отмечено вовсе. Говорящих по-абхазски с затруднениями – 23 (23,7%) человека, понимающих абхазскую речь – 20 (20,6%) человек, не говорящих и не понимающих абхазский язык – 54 (55,7%) человека (рис. 88).

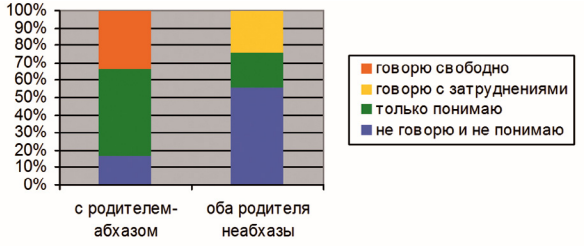

Рис. 88. Распределение респондентов-неабхазов по степени владения абхазским языком в зависимости от наличия или отсутствия родителя-абхаза.

Третьим языковым вопросом анкеты был вопрос о степени владения «языком своей национальности», который был адресован всем респондентам, кроме этнических абхазов и русских. В целом распределение этнических меньшинств (кроме русских) по уровню владения своими этническими языками выглядит так. Общее количество респондентов, которым был адресован этот вопрос, 80 человек. Свободное владение своим этническим языком отметили 43 (53,8%) человека; ещё 8 (10,0%) человек указали, что говорят на языке своей национальности с затруднениями; 8 (10,0%) человек отметили, что только понимают язык своей этнической группы; 21 (26,3%) человек – не говорят и не понимают.

Наилучшие показатели владения своим этническим языком отмечены у армян: 36 из 50 респондентов армянской национальности указали свободное владение армянским языком (72,0%), 7 (14,0%) человек говорят по-армянски с затруднениями, 2 (4,0%) человека – только понимают, 5 (10,0%) человек – не говорят и не понимают.

Распределение этнических грузин (12 человек) по степени владения грузинским языком выглядит таким образом: 3 (25,0%) человека указали, что свободно владеют грузинским, 1 (8,3%) человек – с затруднениями, 3 (25,0%) человека – только понимают грузинскую речь, 5 (41,7%) человек – не говорят и не понимают по-грузински. В данном случае проблема заключалась в том, что, по всей вероятности, бóльшая часть указавших грузинскую национальность – мегрелы, имеющие тот или иной уровень компетенции в мегрельском языке. Так, одна девушка, родившаяся в городе Гал, определила свою этническую принадлежность как «грузинка», но при этом в качестве языка наилучшего владения указала мегрельский. Степень владения языком «своей национальности» она определила как «говорю свободно», однако нет полной уверенности, какой именно язык при этом подразумевался. В другом случае женщина, также родившаяся в Гале и определившая свою национальность как «грузинка», в качестве языка наи-

лучшего владения указала русский. На вопрос о степени владения языком своей национальности она выбрала вариант ответа «не говорю и не понимаю», при этом среди прочих языков владения отметила мегрельский.

Только один из пяти этнических греков указал свободное владение греческим языком, 2 человека отметили, что понимают греческий, ещё 2 – не говорят и не понимают. Все три этнических украинца в выборке указали, что не говорят и не понимают украинского языка. Такая же ситуация отмечена у обеих этнических осетинок, итальянца, убышки[1] и эстонки. Одна из двух евреек указала, что понимает язык своей национальности, другая – не говорит и не понимает. Первая – девушка, родившаяся в 2003 году в Сухуме и имеющая родственников в Израиле, по всей вероятности, под языком своей национальности подразумевала иврит. Абазинка, мегрел и немка отметили, что свободно говорят на своих этнических языках (рис. 89).

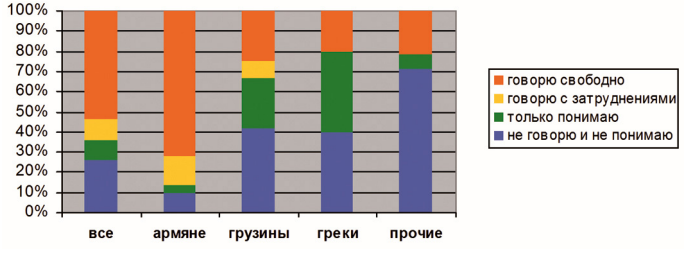

Рис. 89. Распределение респондентов-представителей этнических меньшинств (кроме русских) по степени владения своим этническим языком.

Завершающим вопросом, призванным выявить языковые характеристики респондентов, был вопрос «Какими ещё языками Вы владеете?». В данном случае основной целью было установить, насколько распространено владение традиционно

[1] Девушка особо подчеркнула, что «убыхский – это мёртвый язык».

используемыми (в настоящее время или в недавнем прошлом) в Абхазии языками. Большинство респондентов, не поставивших прочерк в ответе на данный вопрос, указывало усвоенные в процессе обучения, как правило, европейские языки. К сожалению, для настоящего исследования эти данные не являются актуальными, поэтому ниже будут рассмотрены только те ответы, в которых указывались языки, распространённые в Абхазии, языки народов стран ближнего зарубежья, а также турецкий язык. Последний вплоть до середины XX столетия выполнял роль лингва франка в Абхазии, хотя большинство указавших владение турецким языком в ходе анкетирования, по всей видимости, усвоили его путём целенаправленного изучения.

В целом результаты исследования показывают, что среди сухумчан в настоящее время слабо распространено знание языков своих иноэтнических соседей, за исключением той или иной степени владения абхазским языком неабхазами, что, однако, было подробно рассмотрено выше.

Наиболее часто упоминавшимися языками владения были картвельские языки: мегрельский и грузинский. Грузинский язык в качестве одного из языков владения указало 14 респондентов, не отнёсших себя к грузинскому этносу, в том числе 13 абхазов и 1 мегрел. Мегрельский язык указало 11 респондентов, не отнёсших себя к мегрелам, в том числе 7 абхазов, 3 грузина и 1 абазинка. Среди абхазов, указавших владение одним или несколькими картвельскими языками (14 человек), 57,1% имеют мать-грузинку, а остальные 42,9% происходят из моноэтнических семей. Очевидно, что определённая часть респондентов, которая с большой долей вероятности должна была бы владеть картвельскими языками , не стала указывать этого в силу психологических причин. Армянский язык указали 3 респондента неармянской национальности, в том числе 2 абхаза и 1 русский, причём у одного абхаза и русского матери принадлежат к армянскому этносу. Турецкий язык указали 6 чело-

век: 5 абхазов и 1 убышка. Украинский язык указали 3 человека: 2 абхаза и 1 русский. Причём в двух случаях матерью являлась украинка. Одна абхазка с матерью белорусской национальности указала владение белорусским языком (табл. 21).

Табл. 21. Прочие языки владения по национальностям респондентов.

	грузинский	мегрельский	турецкий	армянский	украинский	белорусский
абхазы	13	7	5	2	2	1
абазины	–	1	–	–	–	–
убыхи	–	–	1	–	–	–
русские	–	–	–	1	1	–
грузины	–	3	–	–	–	–
мегрелы	1	–	–	–	–	–

ИНТЕРВЬЮ

У некоторых респондентов, принявших участие в анкетировании, было взято интервью с целью более детального выявления этноязыковых характеристик опрошенных, а также обусловивших эти характеристики причин. В ходе интервьюирования список языковых вопросов был значительно расширен по сравнению с анкетой. В частности, помимо вопроса о языке наилучшего владения, задавался вопрос о том, какой язык считает родным сам опрашиваемый; какой язык был усвоен им первым; а также вопрос о преобладающем языке внутрисемейного общения в детстве. Беседа записывалась на диктофон. Ниже представлен текстуальный вариант интервью двадцати респондентов, представляющих различные этноязыковые страты. Реальные имена респондентов заменены вымышленными в целях сохранения конфиденциальности, за исключением тех случаев, когда сами респонденты просили не изменять их имён.

1. Жанна, 62 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Жанна: Я родилась в Абхазии, в городе Гудаута, в 1953 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Жанна: До 7 лет я жила в городе Гудаута.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Жанна: После окончания средней школы я переехала на учёбу в Сухуми. В 17 лет.

Н.Б.: До переезда в Сухум Вы проживали в каких-нибудь иных населённых пунктах, кроме Гудауты?

Жанна: Нет… А, в Лыхнах жила, да, да… 1969 и 1970 годы. Два года.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Жанна: Я – абхазка, и родители тоже абхазцы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Жанна: Бóльшую часть времени я училась в гудаутской средней школе №2. Школа была русской. А последние два года училась в лыхненской средней школе, тоже в русском секторе. Тогда там был такой.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Жанна: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Жанна: Русский. Наверное, и абхазский тоже. Сразу как-то было, сложно сказать.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Жанна: Хорошо. Могу изъясняться свободно. Но не совсем идеально знаю.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Жанна: На русском языке. Но на абхазском тоже общались. Родители между собой только на абхазском, с нами – больше на русском старались, хотя сами плохо его знали. Но так тогда было, они специально устроили нас в русскую школу, чтобы мы хорошо знали русский язык.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Жанна: Трудно сказать… Наверное, русский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Жанна: Немецким. Немного знаю грузинский, но не могу сказать, что владею. В школе мы все учили до определённого времени грузинский.

2. Маргарита, 42 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Маргарита: Я родилась в [19]73 году в городе Гал.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Маргарита: До 7 лет я жила сначала в Гале, а потом мы переехали в Гудауту. В садик я уже ходила в Гудаутах.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Маргарита: Папа решил купить здесь дом, и мы переехали сюда. В пятый класс я пошла уже в Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Маргарита: Я – мингрелка. Папа – мингрел, хотя корни у него абхазские (называет абхазские, подвергшиеся трансформации, фамилии родителей отца). Дед вначале был записан абхазом, потом уже – грузином. Он родился в Гумурише, Гальский район. Моя мама – абхазка, гудаутская.

Н.Б.: В анкете Вы записали национальность «грузинка», а в интервью говорите, что мингрелка.

Маргарита: Потому что в паспорте написано «грузинка». По этой причине.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Маргарита: В первые годы обучалась в Гудаутах, в 4-й школе. С пятого класса – во 2-й сухумской школе. Её же закончила в 1990-м году.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Маргарита: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Маргарита: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Маргарита: Никак не владею.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Маргарита: На русском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Маргарита: Русский.

Н.Б.: В анкете Вы указали, что не владеете никакими языками, кроме русского. То есть, по-абхазски или по-мингрельски дома в период Вашего детства не говорили?

Маргарита: Когда-то в детстве я могла на бытовом уровне на мингрельском общаться, но очень плохо.

Н.Б.: А в школе какие языки Вы изучали?

Маргарита: В Гудаутах я изучала абхазский в начальной школе, а уже во 2-й школе в Сухуме – грузинский. Но языками не овладела. Я только могла читать на грузинском языке, частично понимая смысл.

3. Адгур, 45 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Адгур: В Сухуме, в [19]70-м году.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Адгур: Абхаз, и родители – абхазы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Адгур: В 10-й школе.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Адгур: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Адгур: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Адгур: Почти не владею. Понимаю частично, но не всё. Иногда могу вставить пару слов по-абхазски, но в общем не владею.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Адгур: Только на русском. Родители с нами только на русском разговаривали. Друг с другом тоже в основном на русском. Иногда переходили на абхазский, чтобы что-то скрыть, как это бывает… А так только на русском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Адгур: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Адгур: Никакими.

Н.Б.: Вы учились в абхазской школе, но язык не освоили?

Адгур: Да, у нас даже и не преподавали абхазский толком. Там как бы русский сектор был, вот поэтому так. И в городе все только по-русски общались, моё окружение, друзья, близкие. До войны так было. Интернациональный город у нас всегда был.

4. Саид, 54 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Саид: Я родился в 1961 году в селе Тамыш Очамчырского района.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Саид: В Тамыше.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Саид: После войны, где-то через год. Тяжёлая обстановка была там в селе, знаешь же, как. Сильно пострадало наше село. Но я постоянно туда приезжаю, дом не заброшен. Родня там живёт.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Саид: Я – абхаз, и они – абхазы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Саид: В тамышской школе.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Саид: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Саид: Абхазский, конечно.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Саид: В школе. Точно не могу сказать. Хорошо выучил ближе к концу школы. А так общаться мог с детства.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Саид: Дома только на абхазском общались.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Саид: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Саид: Мингрельский. Точнее, раньше знал.

Н.Б.: В анкете Вы не упомянули, что владеете мингрельским языком.

Саид: Да, потому что после войны ни разу не говорил на мингрельском. Хотя, помню в общем, конечно. В Тамыше очень много их [мегрелов. – *Н.Б.*] было.

5. Сусанна, 29 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Сусанна: Родилась в городе Сухум, в [19]85 году.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Сусанна: Я по национальности – армянка, родители тоже – армяне.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Сусанна: В русской школе. Закончила 2-ю школу.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Сусанна: Русским языком.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Сусанна: Сложный вопрос. Русский и армянский вместе, наверное.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Сусанна: Не владею вообще. Так, в школе учила. В институте как бы тоже. Но сказать, что владею, не могу. Если спросят что-нибудь простое по-абхазски, могу даже и не понять.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Сусанна: На русском больше, наверное. Но на армянском тоже. Дома так, а во дворе – только на русском. На армянском только дома, с родственниками тоже.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Сусанна: Армянский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете армянским языком?

Сусанна: Достаточно хорошо, на бытовом уровне. Хорошо владею.

Н.Б.: Вы умеете читать и писать на армянском? Понимаете литературный язык?

Сусанна: Нет, не умею. Ереванских не понимаю вообще.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Сусанна: Английский более-менее. Ну, не то чтобы прямо владею.

6. Пётр (попросил указать реальное имя), 71 год.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Пётр: Родился в селе Атара, 2 октября, в 1944 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Пётр: В Атарах. Село Атара Очамчырского района.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Пётр: Я не имел квартиры до 1991 года. Ездил всё время в Атару. Но работал здесь, в Сухуме, с [19]72 года. По этой причине, можно сказать, переехал. В основном работа.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Пётр: Абхаз. Абхазы (называет фамилии родителей).

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Пётр: Закончил я Атарскую сельскую среднюю школу. 11 классов. В [19]61 году.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Пётр: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Пётр: Абхазский.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Пётр: Начало изучения русского языка совпадает с периодом обучения в школе. Примерно с пятого класса. До пятого класса не было русского языка, я его не знал. Впоследствии я хорошо выучил русский язык в период обучения в институте.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Пётр: В детстве общение в семье, игра и всё остальное – всё было на абхазском языке.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Пётр: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Пётр: Читаю и перевожу с помощью словаря неплохо с немецкого. Учился до четвёртого класса на грузинском языке, в грузинской школе, там в селе. Закончил 4 класса на грузинском языке, умею читать и говорить.

Н.Б.: В анкете Вы не упомянули, что владеете грузинским языком.

Пётр: Владение не совсем полное. Словарный запас у меня очень слабый. Читаю неплохо, и говорю тоже. Произношение тоже нормальное, если читаю. А значение слов не всегда понимаю, не хватило образования, до четвёртого класса учился на грузинском только.

Н.Б.: Вы не владеете мингрельским языком?

Пётр: Кое-что понимаю. Будучи в экспедиции в Зугдидском районе, я пытался общаться, и меня понимали. Но в нашем селе мингрелов почти не было. Было 3 хозяйства сванов, но во время войны они повели себя неподобающим образом, и им пришлось оставить свои дома. Это чисто абхазское село. Знание мингрельского языка для Атары нехарактерно. Хотя около 10 моих однофамильцев женились на мингрелках, которые приехали в село в [19]40-е годы, когда школу перевели на грузинский язык. Там были и учительницы, и буфетчицы и т.д. Потомство от этих смешанных браков и сейчас живёт в селе.

7. Ахра, 16 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Ахра: Город Сухум, Республика Абхазия. В 1999 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Ахра: В Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Ахра: Абхаз. Папа тоже – абхаз. Мама – грузинка.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Ахра: 10-я школа и очно-заочная. В 10-й школе учился с первого по десятый класс и одиннадцатый класс в очно-заочной школе. Сейчас я в одиннадцатом классе.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Ахра: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Ахра: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Ахра: Ну так, плохо… Как бы по-абхазски говорить не могу, немного понимаю.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Ахра: На русском языке. Только на русском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Ахра: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Ахра: Никакими. Только русским.

8. Амина, 19 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Амина: В 1996 году, в селе Куланырхуа Гудаутского района.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Амина: В Куланырхуа.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Амина: После окончания школы, в 17 лет. Переехала в связи с поступлением в университет. Но на выходные приезжаю в село.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Амина: По национальности я – абхазка. Родители – абхазы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Амина: В гудаутской школе №2. Больше ни в каких.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Амина: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Амина: Абхазский.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Амина: Не знаю точно. В детстве. До школы, в раннем детстве.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Амина: Чаще на абхазском. На русском тоже общались. С родителями больше на абхазском, с братьями и сёстрами – на том и на другом.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Амина: Абхазский язык.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Амина: Только абхазским и русским. Больше никакими. Английский учу.

9. Асида, 52 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Асида: Я родилась в Абхазии, в селе Анухва Гудаутского района (это так записали), в 1963 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Асида: Жила в Новом Афоне до 7 лет.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Асида: Мой отец сам родом очамчирский, мы переехали в Сухуми. Здесь я пошла в школу.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Асида: Я – абхазка, и мои родители тоже абхазцы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Асида: Я училась в Железнодорожном интернате в Новом районе, с начала и до конца.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Асида: Лучше русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Асида: Русский. Научилась говорить на русском.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Асида: Я не могу сказать, что я очень хорошо владею абхазским языком, я просто говорю на «базарно-абхазском» языке. Литературный язык я вообще не знаю, так как я не проходила в школе. Но думаю, что говорю свободно.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Асида: На русском.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили абхазский язык?

Асида: Я выучила абхазский язык, когда мне было, наверное, лет 16. Так я чуть-чуть, конечно, понимала кое-что, но говорить до этого я не могла вообще.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Асида: Язык мой, конечно, абхазский, родной.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Асида: Не владею. Только абхазский и русский.

10. Георгий, 48 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Георгий: В Сухуме, в [19]67 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Георгий: Сухум. Всю жизнь живу в Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Георгий: Я – абхазец. Моя мама – абхазка. Отец по документам был грузином, но мама у него тоже была абхазка (называет фамилию). Мингрельцем был только мой дед, поэтому я считаю себя абхазцем и пишусь абхазцем тоже.

Н.Б.: Какая национальность была указана в Ваших документах до войны?

Георгий: До войны – «грузин». Но тогда так не придавали значение. Отец у тебя грузин, значит ты тоже грузин. Никто особо не спрашивал, когда я паспорт получал. Не помню уже. Так получилось.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Георгий: Я закончил 15-ю школу в Новом районе.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Георгий: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Георгий: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Георгий: Не владею вообще.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Георгий: На русском языке. Родители мои городские. Только на русском общались, хоти они знали абхазский. Не то чтобы очень хорошо, но говорить могли. Но с детьми не говорили.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Георгий: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Георгий: Никакими не владею.

11. Мадина, 16 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Мадина: В городе Сухум, в 1999 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Мадина: В Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Мадина: Я – осетинка. Папа – осетин, мама – абхазка.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Мадина: Учусь в 4-й школе.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Мадина: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Мадина: Сначала заговорила по-русски. По-абхазски чуть позже начала говорить.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Мадина: Достаточно хорошо. Разговорный язык хорошо знаю.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Мадина: На русском чаще. Родители друг с другом общаются по-русски, с нами в основном тоже. Но мама и по-абхазски общается с нами.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете осетинским языком?

Мадина: Осетинским не владею, к сожалению.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Мадина: Осетинский и абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Мадина: Больше никакими.

12. Анжелика, 42 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Анжелика: Я родилась в Сухуме, в 1973 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Анжелика: В Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Анжелика: Я – абхазка, и родители тоже абхазцы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Анжелика: Во 2-й школе. Пошла и закончила 2-ю школу.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Анжелика: Русским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Анжелика: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Анжелика: Не владею вообще.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Анжелика: Только на русском языке.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Анжелика: Родной язык – абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Анжелика: Никакими, кроме русского.

13. Гунда, 33 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Гунда: Родилась в Сухуме в [19]82 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Гунда: До 7 лет – в селе Члоу. Родилась здесь, и сразу переехали в село.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Гунда: Абхазцы все.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Гунда: Закончила сухумскую 4-ю школу. Сначала ходила в школу в селе Гуада, потом Члоу.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Гунда: Абхазским и русским одинаково.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Гунда: Абхазский.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Гунда: Затрудняюсь. У нас в доме всегда жил русский. Жил с нами, значит, я с ним как-то разговаривала.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Гунда: На абхазском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Гунда: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Гунда: Немного турецким и всё.

14. Наала, 55 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Наала: Родилась в селе Джгерда, Очамчырский район Абхазской АССР, в [19]60 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Наала: В Джгердах.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Наала: В 16 лет после окончания школы приехала поступать в институт.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Наала: Все абхазы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Наала: Закончила джгердскую среднюю школу.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Наала: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Наала: Абхазский.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Наала: В средней школе. Наверное, лет в 10–12 уже могла говорить нормально.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Наала: Дома и в селе вообще только на абхазском языке говорили тогда.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Наала: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Наала: Кроме абхазского и русского, никакими больше не владею.

15. Даур, 29 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Даур: Я родился в 1986 году в селе Ачандара.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Даур: До 7 лет я проживал сперва в селе Ачандара, а затем мы переехали в город Гудаута, когда мне было около 4 лет.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Даур: В Сухум мы переехали в 1995 году по причине того, что мой отец устроился здесь на работу.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Даур: Абхазы. Я – абхаз, мама – абхазка, папа – абхаз.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Даур: В Гудауте я учился во 2-й русской школе, а в городе Сухум – в 10-й горской школе. В Гудауте я учился до третьего класса включительно, а затем уже в 10-й школе в Сухуме.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Даур: Сложный вопрос. Не сказать, что одинаково хорошо тем и другим. Отвечу так: больше я общаюсь на русском языке, чем на абхазском. Но, когда говорю на абхазском, тоже могу поддержать разговор. В общем, в равной степени практически.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Даур: Абхазский. До 4–5 лет я не знал русского языка.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Даур: Средне. Я хотел бы лучше. Из-за того, что я учился в русской школе и моё окружение говорило только на русском языке в детстве, это имело свои последствия.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Даур: В возрасте 5 лет меня начали обучать русскому языку для того, чтобы я потом пошёл в школу, и у меня не возникло проблем. В домашней обстановке. Мать была педагогом, она меня обучала русскому языку. И я достаточно быстро его воспринял. Да и к тому же круг общения во дворе в Гудаутах был интернациональный. Это было до войны, тогда там проживало очень много национальностей, и мы общались в основном на русском, так как другие дети не знали абхазского языка. В возрасте 5 лет я уже помню, что говорил на русском языке.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Даур: На абхазском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Даур: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Даур: Английским. Сейчас начинаю изучать турецкий язык.

16. Людмила, 58 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Людмила: Село Калдахвара, в 1957 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Людмила: До 7 лет я проживала в Гудаутском районе, в селе Калдахвара, вплоть до окончания школы.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Людмила: Для поступления в университет. Сухумский пединститут, тогда он так назывался.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Людмила: Абхазка. Абхазы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Людмила: Калдахварская средняя школа.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Людмила: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Людмила: Абхазский, конечно.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Людмила: Русский язык в школьные годы выучила.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Людмила: На абхазском. Только на абхазском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Людмила: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Людмила: Английский со словарём.

17. Отар, 61 год.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Отар: Я родился в 1954 году в городе тогда ещё Сухуми Абхазской АССР.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Отар: Всю жизнь в Сухуме.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Отар: Я абхазец. Мой отец был абхазцем, мама – грузинка.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Отар: Я учился в средней сухумской школе №17 им. Чочуа с первого по десятый класс. Сейчас она работает под другим номером из-за сокращения количества школ, 11-я школа.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Отар: Лучше всего владею русским языком.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Отар: Русский.

Н.Б.: Насколько хорошо Вы владеете абхазским языком?

Отар: К сожалению, со мной не разговаривали на абхазском в детстве. Хотя отец прекрасно его знал. Он работал на ответственных должностях: и прокурором Гудаутского района, и министром юстиции, и переводил литературные произведения с украинского, с белорусского на абхазский. Но вот человек постоянно на работе был, а мама с бабушкой не знали абхазский, соответственно, я не смог выучить абхазский язык. Языком я не владею, понимаю отдельные выражения. Бывает очень неудобно, когда обращаются, а я даже сущность вопроса не понимаю.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Отар: На русском и грузинском.

Н.Б.: Вы владеете грузинским языком?

Отар: Да, грузинский знаю. Поскольку влияние мамы и бабушки по материнской линии. Часто использую по работе, перевожу грузинских авторов, читаю их измышления по истории Абхазии и отвечаю, соответственно, как им подобает отвечать. Я владею разговорным грузинским языком, литературным не владею.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Отар: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Отар: Владею и английским языком, но вот без практики применения трудновато уже его использовать.

18. Хибла, 46 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Хибла: Я родилась в 1969 году, 15 мая, в городе Ткуарчал.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Хибла: Я жила и в городе Ткуарчал, но больше всего… я выросла в деревне у бабушки. Село Члоу Очамчырского района.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Хибла: Я закончила в [19]86 году школу, поступила в университет. Так я здесь и живу до сих пор.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Хибла: Я – абхазка, и родители тоже, соответственно, абхазцы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Хибла: Я училась в абхазской ткварчельской 5-й средней школе. С первого по десятый класс. Тогда было десять классов.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Хибла: Я думаю, что родным языком, абхазским, лучше всего владею.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Хибла: Родной абхазский язык.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Хибла: Русский язык я начала учить лет с семи. До семи лет я точно не владела, вообще даже не понимала русский язык. Мне так сложно было. Я из деревни приехала. Ну как из деревни: мои родители жили в городе, а я – у бабушки. Мы с братьями воспитывались в деревне у бабушки. И вот мы только абхазский язык знали. А тут я учиться начала в школе, поступила в музыкальную школу, а там нужен был русский язык. Вот у меня начались проблемы. Но потихонечку выучила. Лет в восемь я уже нормально, думаю что, владела языком, понимала и уже говорила.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Хибла: У нас всегда на абхазском, только на абхазском говорили.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Хибла: Родной язык – абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Хибла: Больше никакими. Абхазским и русским.

19. Аслан, 23 года.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Аслан: Родился я в 1992 году в селе Лыхны Гудаутского района.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Аслан: Проживал в Лыхнах, в Гудаутском районе, практически постоянно. Находился там, в родном селе Лыхны.

Н.Б.: В каком возрасте и по какой причине переехали в Сухум?

Аслан: Переехал я в Сухум в 2010 году, поступил в вуз. Основной причиной моего переезда в Сухум является учёба.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Аслан: Я – абхаз. Отец – абхаз, мама – лазка. То есть у нас такой интернационал присутствует.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Аслан: Лыхненская школа имени П.С. Шакрыл. С первого по одиннадцатый класс учился там.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Аслан: Лучше всего владею абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Аслан: Абхазский, родной.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили русский язык?

Аслан: Я практически с самого раннего детства говорю, потому что у нас в семье такой своего рода билингвизм присутствовал. Я параллельно говорил и на абхазском, и на русском.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Аслан: На абхазском и на русском. На обоих языках. С мамой – на русском, с отцом – на абхазском.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Аслан: Ну, естественно, мой родной – абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Аслан: Абхазским и русским только. Английским полноценно не владею, к сожалению.

20. Амра, 39 лет.

Н.Б.: Когда и где Вы родились?

Амра: Родилась в городе Сухуми Абхазской АССР в [19]76 году.

Н.Б.: В каком населённом пункте Вы проживали до 7 лет?

Амра: В городе Сухум, постоянно.

Н.Б.: Ваша национальность и национальность Ваших родителей?

Амра: Я – абхазка и родители – абхазцы.

Н.Б.: В каких школах Вы учились?

Амра: 10-я средняя школа, с первого по одиннадцатый класс.

Н.Б.: Каким языком Вы лучше всего владеете?

Амра: Абхазским.

Н.Б.: Какой язык Вы усвоили первым?

Амра: Русский язык. Потому что у меня няня была русская, я на русском языке научилась говорить, а потом абхазский выучила.

Н.Б.: В каком возрасте Вы выучили абхазский язык?

Амра: Не помню. Наверное, годика в 2–3. Точно не знаю.

Н.Б.: На каком языке чаще общались дома в период Вашего детства?

Амра: Дома с родителями мы всегда говорили на абхазском. И в детстве, и сейчас.

Н.Б.: Какой язык Вы считаете родным?

Амра: Абхазский.

Н.Б.: Какими ещё языками Вы владеете?

Амра: Английским со словарём.

Интервью помогает более глубоко, чем основной вопросник анкеты, раскрыть факторы и причины, повлиявшие на языковые компетенции респондентов. Здесь мы попытались сформулировать вопросы таким образом, чтобы максимально детально выявить причинно-следственные связи нынешней этноязыковой ситуации в столице.

Данные анкетирования выявили очевидную тенденцию лучшего владения абхазским языком у уроженцев сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии по сравнению с коренными сухумчанами и выходцами из других городов Абхазии. Однако анализ результатов анкетирования не даёт возможности выявить причину имеющих место различий в языковых компетенциях самих уроженцев Сухума. Вникнуть в суть этой проблемы помогло дальнейшее интервьюирование респондентов. Так, коренные сухумчане, чья социализация проходила непосредственно в городе, во всех случаях указывали на наилучшее владение русским языком, а те из них, чьи школьные годы пришлись на довоенное время, как правило, отмечали полное или практически полное невладение абхазским языком. С другой стороны, уроженцы Сухума и других городов Абхазии, в детском возрасте значительную часть времени прожившие в селе, отмечают не только свободное владение абхазским языком, но и указывают его в качестве языка наилучшего владения.

В ходе интервьюирования женщины, указавшей в анкете национальность «грузинка», раскрылся сложный комплекс этнических процессов в среде населения исторического Самурзакана, за большей частью которого до сих пор институционально закреплена грузинская этническая идентичность. Как выяснилось в ходе интервью, респондент указал грузинскую национальность в анкете лишь потому, что так зафиксировано в паспорте. Во время же интервью, проходившего несколькими месяцами позже заполнения анкеты, женщина указала мегрельскую национальность, что, судя по всему, и соответствует её реальному этническому самосознанию. В то же время оказалось, что все четыре её прародителя имеют абхазское происхождение, а единственным языком, которым она в настоящее время владеет, является русский.

Интервьюирование обнажило ещё один тренд послевоенных этнодемографических процессов в Абхазии, а именно, документальную смену этничности у представителей смешанных семей. У респондента, являющегося на ¾ этническим абхазом, в советское время в графе национальность в паспорте было отмечено «грузин». По собственному признанию, он всегда ощущал себя абхазом и после войны оформил это документально. Однако, как уже отмечалось, в ряде случаев люди, находящиеся в сходной ситуации, продолжают в официальных документах числиться грузинами.

Если выходцы из сельской местности, родившиеся 1940–1980-е годы, отмечают в качестве первого усвоенного языка только абхазский, то родившиеся в 1990-е годы, как правило, указывают, что усвоили русский язык в раннем детстве в дошкольном возрасте, параллельно с абхазским. Таким образом, налицо тенденция к внедрению полного билингвизма в сельской местности.

В ходе интервьюирования два респондента, родившиеся в сёлах Абжуйской Абхазии, указали на владение в той или иной степени мегрельским языком, однако в их анкетах этот факт отмечен не был. Один из них также отметил, что в период посещения начальной школы языком обучения был грузинский, и респондент в некоторой степени владеет этим языком, что также не было указано в анкете.

Практически все респонденты-абхазы, даже не понимающие абхазской речи, на вопрос о том, какой язык они считают родным (данный вопрос в анкете не фигурировал), ответили – «абхазский». Данный факт является ярким подтверждением существующих различий в объективном и субъективном восприятии понятия «родной язык». Любопытно и то, что единственная абхазка, указавшая в качестве родного языка русский, свободно владеет абхазским языком и усвоила его в раннем детстве параллельно с русским.

Роль «родного языка» как маркера этнического самосознания проявилась и в том, что девушка-осетинка с матерью-абхазкой указала в качестве родных языков осетинский и абхаз-

ский, при том что языком наилучшего владения она назвала русский, а осетинским языком респондент не владеет вовсе.

По итогам интервьюирования двадцати респондентов, практически не удалось выявить процесс полной смены человеком языка наилучшего владения. Большинство опрошенных отметили, что лучше всего владеют тем языком, который они усвоили первым. Однако к последнему по мере взросления часто добавлялся и второй язык (русский или абхазский), которым респонденты, по их мнению, владеют так же хорошо, как и первым усвоенным. Исключение составили двое опрошенных. Так, мужчина, первым языком которого был абхазский, до пятилетнего возраста не владевший русским языком, вследствие многолетнего проживания в Гудауте и Сухуме фактически сменил язык наилучшего владения на русский. Обратный пример зафиксирован у женщины, первым усвоенным языком которой был русский (из-за влияния русской няни). Уже в раннем детстве она осваивает абхазский язык, который являлся единственным обиходно-бытовым в её семье, и абхазский остаётся для неё языком наилучшего владения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью настоящей работы явилось освещение полуторавековой этнодемографической истории абхазской столицы и анализ новейших этнодемографических, этнокультурных и этноязыковых процессов в Сухуме.

Будучи одним из древнейших городов Кавказа, современный Сухум, тем не менее, начал отсчёт своей «новой» истории с последней четверти XIX столетия. Модель этнодемографической истории Сухума во многом была сходна с траекторией развития ряда других городских центров региона и прочих национальных окраин Российской империи. Начав формироваться как полиэтничный приморский городской центр внутри «инородческой» этнической территории, Сухум на раннем этапе своего развития аккумулировал значительный пласт пришлого населения, среди которого долгое время преобладал славянский элемент. Само географическое положение Абхазии, наряду с историческими событиями конца XIX – начала XX веков, обусловило мощную инфильтрацию греческого, армянского, мегрельского и прочего населения. Трагедия махаджирства и последовавшие за ней репрессивные меры правительства в отношении абхазского народа на долгое время предопределили крайне слабую вовлеченность коренного населения в урбанизационные процессы внутри Абхазии, что эхом отразилось на всей дальнейшей этнодемографической истории столицы вплоть до конца XX столетия.

Оказавшись в XX веке в составе советской Грузии, Абхазия невольно была вовлечена в построение умозрительного конструкта *«идеальной Грузии»,* зародившегося в XIX веке в среде грузинской интеллигенции, но получившего полноценную возможность для практической реализации лишь в эпоху правления Сталина. С целью введения Абхазии в грузинское

этнокультурное пространство в этот период разворачивается многоаспектная политика по аккультурации (грузинизации) страны, одним из компонентов которой явилась новая фаза демографической колонизации. Таким образом, начиная с 30-х годов XX века славянская этническая доминанта Сухума постепенно сменяется картвельской, и процесс этот будет продолжаться вплоть до осени 1993 года. Важной вехой в этнодемографической истории Сухума явилась депортация греческой общины Абхазии в 1949 году, поскольку лишь малая часть сухумских греков вернётся в город после реабилитации. Несмотря на непрерывное увеличение доли грузинского населения и параллельное сокращение процента славянского населения во второй половине XX века, Сухуму удаётся остаться преимущественно русскоязычным городом. На этом фоне абхазское этническое присутствие в городе на протяжении всего XX столетия остаётся в целом незначительным, неспособным хоть как-то повлиять на этнокультурный облик столицы: к 1989 году абхазы составляют лишь 12,5% населения Сухума.

Тем не менее, к концу советской эпохи в Сухуме уже имеется довольно многочисленное абхазское население (около 15000 человек), этнокультурные характеристики которого вызрели при определяющем воздействии доминирующего поликультурного и в целом русскоязычного городского пространства. И эти характеристики довольно сильно отличались от естественного этнокультурного состояния большей части абхазского этноса, на тот момент по-прежнему сосредоточенного преимущественно в сельской местности Абжуйской и Бзыпской Абхазии.

Эпохальные этнодемографические сдвиги произошли после победы в Отечественной войне народа Абхазии, когда поэтапно формировавшийся путём перманентной иммиграции преимущественно из-за пределов Абхазии этнический ландшафт столицы в одночасье прекратил своё существование. Крупнейшая община довоенного Сухума – картвельская

– почти целиком покинула город, а оставшееся здесь немногочисленное грузинское население, в массе своей связанное родственными узами с абхазами, более не представляет самостоятельной этнокультурной общности. В период оккупации столицы войсками Госсовета Грузии и последовавшей после войны экономической блокады Абхазии Сухум покидает значительная часть русского, армянского, греческого, еврейского и прочего населения, и в то же время в город устремляется мощный поток абхазского населения из Абжуйской и Бзыпской Абхазии, превратив Сухум в преимущественно этнически абхазский город.

Начиная с 1993 года, в столице приходят во взаимодействие две страты этнически абхазского населения. Между взаимодействующими группами уже нет этнической дистанции, но они отличаются по ряду культурных характеристик. Это «старые» довоенные жители с одной стороны и недавние переселенцы, как правило, из сельской местности – с другой. В условиях, когда Абхазия впервые за долгие годы обрела политический суверенитет и, тем самым, возможность проводить самостоятельную культурную, в том числе языковую политику, логичным явилось бы, если мигрирующая в город группа, в гораздо большей степени сохранившая естественные этнокультурные и языковые характеристики, изменила бы языковой ландшафт столицы. Однако этого не произошло, и, насколько можно судить, *«новые сухумчане»* сами оказались в значительной степени в роли адаптирующейся группы. Сухум как сложившаяся территориальная общность «устоял» под натиском революционных этнодемографических пертурбаций двух последних десятилетий и практически не изменил своего языкового ландшафта. Более того, данные, полученные в ходе настоящего исследования, говорят о том, что процессы языковой трансформации затронули самое младшее поколение, включая детей выходцев из сельской местности, в ещё большей степени.

Сухум, на протяжении длительного периода времени аккумулировавший население из самых различных уголков Европы и Азии, к началу XXI века в силу объективных геополитических причин стал концентрировать в своих пределах прежде всего население регионов Абхазии, становясь, таким образом, *«Абхазией в миниатюре»,* органичной абхазской столицей, но не переставая при этом оставаться поликультурным городским центром. Каким изменениям подвергнется этнокультурное пространство Сухума в обозримом будущем, остаётся открытым вопросом.

Данная работа является попыткой освещения, анализа и систематизации этнодемографической истории Сухума последних полутора веков, а также выявления современных тенденций этноязыковых процессов в городе. Эти вопросы, без сомнения, нуждаются в более глубоком и системном междисциплинарном изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Абхазия в цифрах. Сухум, 2005.

Абхазия в цифрах за 2010 год. Сухум, 2010.

Абхазия в цифрах за 2014 год. Сухум, 2015.

Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.: Сб. материалов. Сост.: *Сагария Б.Е. (отв. ред.), Ачугба Т.А., Пачулия В.М.* Сухум, 1991.

Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1951 год. Сухуми, 1951.

Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. 1953 год. Сухуми, 1953.

Авидзба А.Ф. К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август – декабрь 1992 года) // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2012.

Агумаа А.С. Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX–XX вв. Сухум, 2016.

Административно-территориальное деление ССР Грузии. Тифлис, 1930.

Акаба Л.Х. Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели // Труды АбИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Выпуск XXXI. Сухуми, 1960.

Акуа – Сухум. 21-31 января 2012, №2 (257).

Алексеев М.Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. М., 1992.

Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог, 2013, №5 (17).

Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. М., 2000.

Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

Анчабадзе Ю.Д. Введение // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014.

Анчабадзе Ю.Д. Грузия – Абхазия: трудный путь к согласию // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.

Ардзинба В.Г. Из прошлого и настоящего села Эшера // Собрание трудов в 3-х тт. Том III. Кавказские мифы, языки, этносы. М., 2015.

Ачугба Т.А. Абхазия и Россия: о некоторых уроках двухсотлетней этнополитической истории абхазского народа // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2005.

Ачугба Т.А. О некоторых проблемах этнокультурной идентичности абхазов (ретроспективный анализ) // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти Владислава Григорьевича Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум – Москва, 2016.

Ачугба Т.А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк). Сухум, 2006.

Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010.

Ачугба Т.А. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.). Сухум, 1995.

Ачугба Т.А. Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2007.

Багапш Н.В. Этнодемографическое развитие Абхазии: территориальный аспект. Кандидатская диссертация. М., 2011.

Барганджия Р. Жить для людей // Газ. «Республика Абхазия», №32 (2777), 2012.

Басариа В.К. Время тяжких испытаний. Сухум, 1995.

Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007.

Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.

Большаков В.А., Комарова О.Д. Анализ демографической ситуации и демографических гипотез долгожительства // Абхазское долгожительство. М., 1987.

Ботяков Ю.М. Предисловие // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013.

Ботяков Ю.М. Проявления системы организации абхазского сельского сообщества в условиях современного города (на примере Сухума) // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Бугай Н.Ф. Лазы – известные и неизвестные // Кавказские научные записки, 2011, №3 (8).

Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография, 1977, №6.

Бухонкина А.С. Бретонская лингвистическая граница: критерии разделения, факторы сдвига и изменения с IX по XX век // Вестник ТГПУ, 2013, № 10 (138).

Бухонкина А.С. Факторы эволюции коммуникативной среды Нижней Бретани // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 2013. Т. 13, вып. 3.

Бухонкина А.С. Функциональный статус бретонского языка в контексте бретонской языковой ситуации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание, 2013, №2 (18).

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.

Волкова Н.Г. Армяне Абхазии (вопросы этнокультурных контактов) // Полевые исследования института этнографии 1979 г. М., 1983.

Волкова Н.Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX–XX веке // Советская этнография, 1968, №6.

Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум // Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. IV. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2012.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XIV. Закавказская СФСР. М., 1929.

Гагры. Климатическая станция на черноморском побережье. СПб., 1905.

Газ. «Голос трудовой Абхазии», №70, 11 сентября 1921.

Газ. «Голос трудовой Абхазии», №107, 28 ноября 1921.

Газ. «Голос трудовой Абхазии», №136, 30 декабря 1921.

Газ. «Советская Абхазия», №52 (12646), 14 марта 1967.

Газ. «Советская Абхазия», №56 (12650), 19 марта 1967.

Гванцеладзе Т. Абхазский язык в современной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009.

Геджуа М. История этнодемографического развития населения современной Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времён до наших дней. Тбилиси, 2009.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Герд А.С. О некоторых проблемах этнолингвистики // Этнографическое обозрение, 1994, №5.

Гогуа А.Н. Акуа – Сухум, Сухум – Акуа. Сухум, 2002.

Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта, №2. Ирвайн, 2000.

Город в горах. Сухуми, 1971.

Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1960 года. Тбилиси, 1960.

Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 года. Тбилиси, 1988.

Грузинская ССР. Административно-территориальное деление на 15 января 1966 года. Тбилиси, 1966.

Губаз Э.Ш. О проблеме движения колхозного населения // Труды Сухумского государственного педагогического института им. А.М. Горького. Т. XXI – XXII. Сухуми, 1971.

Губогло М.Н. О влиянии расселения на языковые процессы // Советская этнография, 1969, №5.

Губогло М.Н. Социально-этнические последствия двуязычия // Советская этнография, 1972, №2.

Гунба Б.М. Из истории изучения древнего Себастополиса (Сухума) // Абхазоведение. История, археология, этнология. Выпуск I. Сухум, 2000.

Гурвич И.С. Этнокультурное сближение народов СССР // Советская этнография, 1977, №5.

Дамениа О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб., 2011.

Делба М.К. К вопросу изучения языка и истории абхазов. Сухуми, 1951.

Демографический паспорт Абхазской АССР. Сухуми, 1990.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Джергения М.А. Абхазский язык и общество: прошлое, настоящее, будущее // Абхазия и вызовы современной эпохи. Материалы конференции 22 декабря 2002 года. М., 2003.

Джонуа Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002.

Джопуа А.И., Нюшков В.А. Раннеантичные полисы на территории Абхазии // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2015.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960.

Дубова Н.А. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М., 2012.

Дубова Н.А. Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008.

Евстигнеев Ю.А. Национально-смешанные браки в Махачкале // Советская этнография, 1971, №4.

Зарубежный восток: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.

Заяц Д.В. Эускади – земля басков // Газ. «География», №14, 1999.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Абхазская молодежь между городом и деревней // Антропология города глазами молодых исследователей. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 22–24 декабря 2014 г. М., 2015.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Городская и деревенская свадьба в Абхазии // Антропология города. Материалы конференции молодых ученых. М., 2013.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Проявление трансформации социальных отношений в свадебной обрядности современной Абхазии // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2012–2013 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013.

Зельницкая (Шларба) Р.Ш. Роль города в формировании социальных отношений в современной Абхазии // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2014.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми, 1960.

Инал-ипа Ш.Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // Советская этнография, 1990, №1.

Инал-ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. Сухум, 1992.

Интервью Леонида Лолуа // Сухум, 2004, №1.

Интервью Фазиля Искандера // Сухум, 2004, №1.

Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления). Сухум, 2006.

Искандер Ф.А. Собрание сочинений. В 6-ти тт. Т. 3: Сандро из Чегема: Роман. М., 1997.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 1. Население по полу, возрасту и национальностям. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 2. Население по полу, возрасту, национальностям, месторождению, продолжительности пребывания и семейному состоянию. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской переписи городского населения 30 ноября 1922 года. Ч. 1. Демография. Вып. 3. Население по полу, возрасту, национальностям, грамотности и образовательному цензу. Тифлис, 1923.

Итоги Всегрузинской сельскохозяйственной переписи 1923 года. Вып. 1. Ч. 2. Тифлис, 1925.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Грузинская ССР. М., 1963.

Итоги переписи населения Республики Абхазия 2011 г. Сухум, 2012.

Кавказский календарь на 1870 год. Тифлис, 1869.

Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация поло-возрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

Квашилава К. Историческое Самурзакано (конец XVII в. – 1840 г.): Автореф. диссертации на соискание академической степени доктора истории. Тбилиси, 2009.

Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века (Опыт автономизации и национального развития). М., 1993.

Конституции Абхазии. XX век. Сост.: Чирикба В.А. (ред.), Шанава Т.А., Возба С.З. Сухум, 2015.

Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания, 2002, №2.

Кузнецова Р.Ш. Быть абхазом (выбор этничности) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Выпуск I. Краснодар, 2013.

Куправа А.Э. Из истории культурного строительства в советской Абхазии (1921–1925) // Труды. Т. I. Сухум, 2013.

Куправа А.Э. Ликвидация неграмотности населения в Абхазской АССР. Сухуми, 1979.

Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

Лакоба С.З. Крылились дни в Сухум-Кале. Сухум, 2011.

Лакоба С.З. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001.

Лакоба С.З. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993.

Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухуми, 1989.

Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). М., 1997.

Ле Коадик Р. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог. М., 2013.

Маан О.В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. Сухум, 2013.

Маан О.В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. Сухум, 2014.

Материалы по истории Абхазии XIX века (1863–1874). Т. III. Сухум, 2012.

Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов. Т. I. Сухум, 2012.

Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Народное образование. Культура. Наука. Т. II. Сухум, 2015.

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.

Населенные пункты и население Грузии (по данным Всесоюзной переписи 1989 года). Статистический справочник. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).

Начкебиа М. Топонимическая ситуация в современной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009.

Николаева С.П. О своеобразии этнической и языковой ситуации в Перу // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.

Олонецкий А.А. Сухуми в первой половине XIX столетия // Труды Абхазского государственного музея. Выпуск I. Сухуми, 1947.

Папаскири З. Абхазия. История без фальсификации. Тбилиси, 2010.

Пачулиа В.П. Гагра. Очерки истории города и курорта. Сухуми, 1979.

Пачулиа В.П. Сухуми – Акуа (От Диоскурии до наших дней). Историко-культурный очерк. Сухуми, 1989.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXI. Бакинская губерния. СПб., 1905.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXIX. Тифлисская губерния. СПб., 1905.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. СПб., 1905.

Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография, 1969, №5.

Сабекия Э.Д. Социальная билингвизация личности в поликультурном контексте Абхазии // Труды Абхазского государственного университета, Сухум, 2011.

Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми, 1970.

Сагария Б.Е. Образование и укрепление советской национальной государственности в Абхазии. Сухуми, 1981.

Саманба Л.Х. Чтобы звучала абхазская речь // Языковой суверенитет в контексте политической субъектности самоопределившихся государств. Тирасполь, 2010.

Сборник законодательных актов Республики Грузия, №4. Тбилиси, 1991.

Сборник постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства ССР Абхазии за 1925 год. Сухум, 1926.

Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

Сергеева Г.А., Смирнова Я.С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска) // Советская этнография, 1971, №4.

Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Смирнова Я.С. Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей // Советская этнография, 1951, №1.

Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.

Смыр Н.Х. Языковая политика в Абхазии // Языковой суверенитет в контексте политической субъектности самоопределившихся государств. Тирасполь, 2010.

Соловьёва Л.Т. Миграционные процессы в юго-восточной Абхазии и их влияние на этнокультурное развитие региона (XIX – начало XX в.) // Расы и народы. Вып. 34. М., 2009.

Соловьёва Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии (по полевым материалам 2004–2005 гг.) // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. М., 2006.

Соловьёва Л.Т. Субэтноним самурзаканцы: возникновение, история, современность // Вестник МГИМО – Университета. №3 (12). 2010.

Статистический справочник на 1927 год. Сухум, 1928.

Столярова Г.Р. А.А. Сусоколов. Межнациональные браки в СССР // Советская этнография, 1989, №4.

Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

Тарба Б.Г. Ленинская национальная политика и билингвизм у абхазов. Сухуми, 1970.

Терентьева Л.Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // Советская этнография, 1969, №3.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001.

Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук, 2016, Т. 86, №4.

Тотадзе А. Население Абхазии. Осетины в Грузии. Тбилиси, 1994.

Трапш С.Г. Концептуальные основания культурной идентичности абхазского этноса // Труды Абхазского государственного университета, Сухум, 2011.

Трофимова А.Г. Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района имени 26 комиссаров, г. Баку) // Советская этнография, 1965, №5.

Харчлаа Л.Я. Значение национального языка в государственном строительстве Абхазии // Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003.

Хашба А.Ш. Современная абхазская сельская семья: демографический аспект // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008.

Хашба А.Ш. Этническое воспроизводство населения Абхазии с 1992–2010 гг. // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.

Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос, №4 (49), 2005.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000.

Цулая Г.В. Современная этнодемографическая ситуация в Грузии в грузинской этнографической литературе (1964–1974)

// Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Чирикба В.А. Армяне в Абхазии: роль диалектов и русского языка на фоне демографической динамики // Диаспоры, 2014, №2.

Чирикба В.А. Развитие абхазского языка в условиях полиэтнического общества: вызовы и перспективы. Сухум, 2009.

Чкадуа Л.П. К вопросу о перспективах развития абхазского языка // Акуа – Сухум, 2004, №1.

Шамба Р.П. Современное использование трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазии // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VII. Сухуми, 1989.

Шамба Р.П. Структура и динамика трудовых ресурсов в некоторых типичных субтропических хозяйствах Абхазской АССР в 1975–1985 гг. // Труды Абхазского государственного университета им. А.М. Горького. Т. VI. Сухуми, 1988.

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография, 1976, №2.

Эсатиа Л. Политика русификации в оккупированной Абхазии // Языковая ситуация в современной Абхазии. Тбилиси, 2009.

Эшба Э.Д. К вопросу о демографической ситуации в РА (анализ этнического и религиозного состава) // Абхазоведение. Археология, история, этнология. Выпуск VII. Сухум, 2012.

Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984.

Ямсков А.Н. Особенности изменения этнодемографической ситуации в Абхазии в постсоветский период // Кавказ и глобализация. Т. 3. Выпуск 2–3, 2009.

Ямсков А.Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов // Вестник МГИМО – Университета, №3 (12). 2010.

Ямсков А.Н. Социальная жизнь современного абхазского села // Абхазы. М., 2012.

Ямсков А.Н. Экономическое положение и социально-демографические особенности сельских абхазов // Этническая экология: народы и их культура. М., 2008.

XXVIII конференция Сухумской городской партийной организации. Сухуми, 1978.

Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers, 2007, Vol. 35, №2.

Blauvelt T. "From words to action!" Nationality policy in Soviet Abkhazia (1921–38) // The Making of Modern Georgia, 1918–2012. The first Georgian republic and its successors. London and New York, 2014.

Blauvelt T. Sukhum(i): Multi-Ethnic Capital of the Soviet Riviera // The Black Sea, 2013, №7/8.

Blauvelt T. The "Mingrelian Question": Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies, 2014, №6.

Broers L. Containing the Nations, Building the State: Coping with Nationalism, Minorities and Conflict in Post-Soviet Georgia. London, 2004.

Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge, 1996.

Conversi D. Immigration and statelessness: Political Participation of Immigrants and their Descendants in Catalan and Basque Mobilizations (1959–1978). Turin, 2002.

Conversi D. The Basques, the Catalans and Spain: Alternative Routes of Nationalist Mobilisation. Reno, 2000.

Denison N. Language Death or Language Suicide? // International Journal of the Sociology of Language. 1977, № 12.

Escobar A. Lingüística y política // El reto del multilingüismo en el Perú. Lima, 1972.

Graddol D. English Next. London, 2006.

Marr T., Pooley T. Towards a shifters' view of language shift: a comparative study of Lima and Lille // Cahiers de l'Association for French Language Studies, 2009, №15.2.

Müller D. Ethno-demographic history of Abkhazia, 1886–1989 // The Abkhazians: a handbook. New York, 1998.

Population and Housing Census Report. Addis Ababa Region. 2007. Addis Ababa, 2010.

Tchirikba V. La situation ethno-demographique en Abkhazie // L'Ossétie et d'Alentour, Publieé par l'Association Ossète en France, 2005, №17.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Главный архив Национальной АН Грузии. Ф. 30. Оп. 1. Д. 25 // Статистические материалы о населении трудовой Абхазии.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 775 // Доклад Кадырова Сеида на имя Ибрагимова «Об итогах обследования ССР Абхазии по национальному вопросу» от мая 1929 г.

Национальный архив Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 423 // О предоставлении в пользование города Сухума земли, предназначенной в надел городу.

Национальный архив Грузии. Ф. 545. Оп. 1. Д. 1826 // Переписка о мерах к возрождению города Сухума и о выдаче пособия разорённым его жителям.

Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 69. Д. 272 // Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Тбилисскому горсовету.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 273 // Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Абхазской АССР и г. Сухуми.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 274 // Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения по национальности и родному языку по Аджарской АССР и г. Батуми, Юго-Осетинской АО и г. Цхинвали, районам республиканского подчинения Грузинской ССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 999 // Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566-д // Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения по национальности и родному языку по АССР и АО.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1567 // Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав столиц АССР и центров АО.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3799 // Численность наличного населения сельских мест с указанием численно преобладающей национальности (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.) по Абхазской АССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7879 // Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 1. Д. 572 // Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения по административно-территориальным единицам Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 2. Д. 333 // Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения по административно-территориальным единицам Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 338. Ч. 3. Д. 481 // Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения по администра-

тивно-территориальным единицам Грузинской ССР по национальности и родному языку.

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 214 // Объяснительная записка к годовому отчёту по переселенческим мероприятиям в Грузинской ССР за 1938 г.

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 232 // Объяснительная записка к переселенческому плану на 1939 г. по Грузинской ССР.

ПИСЬМА-ОТВЕТЫ

Письмо-ответ Министерства образования и науки Республики Абхазии. Исх. №155 от 31.03.2016 года.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

База данных сравнения результатов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml (дата обращения: 20.02.2017).

Джонуа Б.Г. Языковая политика в Абхазии: история, реалии и перспективы. URL: http://apsnyteka.org/file/jonua_b_iazykovaia_politika_v_abkhazii.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

Информация о конфиденциальности базы микроданных сравнения результатов всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/help/Confidentiality-help.jsp?dbid=VPN2002_2010L (дата обращения: 20.02.2017).

Розенблит Г.А. Сухуми. Практический справочник туриста. Сухуми, 1966. URL: http://apsnyteka.org/file/Rozenblit_Sukhumi_Prakticheskiy_spravochnik_turista.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

Instituto Nacional de Estadística. República de Bolivia. Censo de Población y Vivienda – 2001. URL: http://www.ine.gob.bo/cgi-bin/Redatam/RG4WebEngine.exe/PortalAction?&MODE
=MAIN&BASE=TallCreac&MAIN=WebServerMain.inl (дата обращения: 20.02.2017).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

АбИЯЛИ – Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа

АГУ – Абхазский государственный университет

АН Абхазии (АНА) – Академия наук Абхазии

АН Грузии – Академия наук Грузии

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

ВИЭМ – Всесоюзный институт экспериментальной медицины

Вуз – Высшее учебное заведение

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГДР – Грузинская Демократическая Республика

Главполитпросвет – Главный политико-просветительный комитет Народного комиссариата просвещения

Горсовет – Городской совет

ЗАГС – Органы записи актов гражданского состояния

Закавказская СФСР (ЗСФСР) – Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Заккрайком – Закавказский краевой комитет [Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)]

Исполком – Исполнительный комитет

Колхоз – Коллективное хозяйство

Компартия – Коммунистическая партия

КП Грузии – Коммунистическая партия Грузии

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

Ликбез – Ликвидация безграмотности

МГИМО – Московский государственный институт международных отношений

Нарком – Народный комиссар

Наркомзем – Народный комиссариат земледелия

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

ООН – Организация Объединённых Наций

Пгт – Посёлок городского типа

Профсоюз – Профессиональный союз

РА – Республика Абхазия

Райцентр – Районный центр

РАН – Российская академия наук

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

Ревком – Революционный комитет

РИ – Российская империя

Росстат – Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

Сельсовет – Сельский совет

СК – Северный Кавказ

СНГ – Содружество Независимых Государств

Совнарком (СНК) – Совет народных комиссаров

ССР – Советская Социалистическая Республика

ССРГ – Советская Социалистическая Республика Грузия

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ТГПУ – Томский государственный педагогический университет

Учрабсил(а) – Служба учёта и распределения рабочей силы

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ЦК КП(б) Грузии – Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ……3

Глава I
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СУХУМА (1886–2016 гг.)..12
Сухум как полиэтничный город ……15
Грузинизация Сухума ……42
Сухум – этнически абхазский город ……65
Этнокультурное пространство Сухума …… 93

Глава II
СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СУХУМЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ) ……134
Анкета……138
Общие данные ……140
Этнические характеристики ……157
Языковые характеристики …… 188
Интервью …… 230

Заключение ……255

Список источников ……259

Список сокращений …… 276

Нури Валериевич Багапш

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СУХУМЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.**)**

Нури Валери-иԥа Багаԥшь

АҞӘА АҚАЛАҚЬ ИМՓАԥЫСУАЗ АЕТНОДЕМОГРАФИАТӘ ПРОЦЕССҚӘА
(XIX АШӘЫШЫҚӘСА АНҬӘАМҬА – XXI АШӘЫШЫҚӘСА АЛАГАМҬА)

Nuri Bagapsh

ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES IN SUKHUM
(FROM THE LATE 19th TO THE EARLY 21st CENTURY)

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИ АБХАЗСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ СУХУМА

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2011 г.)

АЧАДАРА
Российский военный городок
Республиканская больница
ЯШТХУА
БАСЛАТА
ДЗЫГУТА
ГУМИСТА
Промзона
КИНОПРОКАТ
СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ
Массив Гумиста 570 37,7%
Гумистинская 267 64,8%
Картозия 207 48,8%
Агрун 252 44,4%
Северная 39 5,1%
Северный пр. 17 0%
Гумистинская 445 61,6%
Агрба 361 78,7%
Киараз 208 52,9%
НОВЫЙ РАЙОН
Лагвилава 511 64,6%
Киараз 641 76,1%
Агрун 597 57,6%
Чалмаз 675 57,8%
В. Лакоба 552 69,4%
30 сентября 445 75,1%
СТАРЫЙ ПОСЁЛОК
Эшба 678 60,6%
Трапш 141 58,0%
Апланская 313 11,2%
Ачкуй 261 21,8%
Ардих 150 44,7%
Адыгейская 522 65,3%
Кабардинская 207 34,8%
Вайнахская 129 73,8%
Дагестанская 204 82,4%
Чеченская 60 65,0%
Убыхская 31 71,0%
Пачулия 44 47,7%
Шапсугская 100 48,0%
Дзидзария 68 42,6%
Дзидзария 176 59,8%
Назадзе 1436 48,8%
Северная 100 13,0%
Полевая 73 58,9%
Станционная 120 45,8%
Деповская 59 64,4%
1-я Деповская 73 24,7%
Вокзал
ВОДОКАНАЛ
Северная 243 55,6%
Амтрба 104 51,0%
НИИЭПиТ
Ботанический сад
Сухумская гора
ЭМИНЧАБА
Лесная 31 77,4%
8 марта 47 59,6%
Санчарская 58 37,9%
Кортуа 39 74,4%
Фестивальная 39 15,4%
Туапсинская 182 68,5%
Студенческая 49 35,1%
Патеипа 53 43,4%
Подгорная 24 33,3%
Тупиковая 18 72,2%
Харазия 23 65,2%
Гастелло 33 81,8%
Чернявского 60 70,5%
Гулия 16 93,8%
Гулия 112 75,0%
Марухская 46 65,2%
4 марта 20 60,0%
4 марта 184 64,1%
Басария 57 89,5%
Леона 67 89,0%
Папаскир 66 68,7%
Ласурия 66 56,7%
Тоннельная 23 73,9%
Агрба 36 72,2%
Чанба 89 84,3%
Шестова 20 80,0%
Соловьёва 75 77,3%
Дакуа 16 100%
Армейская 143 53,8%
Братьев Завгорния 183 77,1%
Очаленко 73 67,1%
Дерматовского 55 80,0%
Гулия 77 76,5%
Ашхацава 74 78,4%
Чехова 24 67,5%
Безымянная 48 68,8%
Ачкубадзе 43 69,8%
Кицинний 78 57,7%
Ладария 189 76,2%
Челюскинцев 38 50,0%
М. Хварцкия 310 69,7%
гора Баграта
Гора Баграта 63 68,3%
Акиртава 645 56,9%
Лакрба 84 47,6%
Кодорское ш. 177 59,9%
Дендропарк
Пансионат Синоп 67 23,9%
СФТИ
Синопское ущелье 369 35,0%
СИНОП
Зелёная 33 12,1%
Альбова 42 4,8%
Кодорское ш. 94 36,2%
Рыбинского 8 12,5%
Успенская 106 77,4%
Университетская 20 0%
Кодорское ш. 235 61,7%
АГУ
Мичурина 39 46,2%
Тимирязева 20 55,0%
Вавилова 129 65,9%
КЕЛАСУР
МАЯК
Депо
Вардания 125 63,2%
Бубновой 17 47,1%
Бубновой 33 24,2%
Инал-ипа 48 77,1%
Инал-Ипа 372 61,0%
Дбар 140 75,7%
Дбар 309 66,7%
Басария 247 75,7%
Гулия 52 63,5%
Сахарова 191 77,0%
Абазинская 116 59,5%
Ардзинба 42 78,6%
Ардзинба 4 75,0%
Воронова 204 69,1%
пр. Мира 54 72,2%
пр. Мира 24 66,7%
пр. Мира 718 75,6%
пр. Мира 228 65,8%
пр. Мира 34 88,2%
пр. Мира 51 43,1%
Пушкина 13 69,2%
Лакоба 36 72,2%
Лакоба 27 70,4%
Лакоба 216 67,6%
Абрыба 11 36,4%
Джонуа 165 67,3%
Имама Шамиля 143 78,3%
Чанба 140 86,4%
Чанба 215 73,9%
Джонуа 123 45,5%
Кяпшимкова 109 56,0%
Кяпшимкова 103 71,8%
Басария 43 81,4%
Гулия 41 85,4%
Спортивная 9 44,4%
Ардзинба 258 64,0%
Ардзинба 13 69,2%
Эзанба 33 78,8%
Леона 37 54,1%
наб. Махаджиров 22 68,2%
Махаджиров 34 41,2%
Коганова 13 69,2%
Кондратенатов 70 61,4%
Порт
ТУРБАЗА
Республиканский стадион
Почтовая 257 59,9%
Пивзаводовская 17 52,9%
пр. Мира 21 38,1%
Эшерская 100 51,0%
Заречная 391 63,4%
Железнодорожная 56 67,3%
Типова 157 66,2%
Агумаа 164 64,3%
Имама Шамиля 154 80,5%
Аамкба 40 69,8%
Гулия 41 85,4%
Харания 80 46,3%
Эмухвари 31 80,6%
Заводская 7 42,9%
Ескинна 55 65,5%
Речная 80 35,0%
Трикотажная 49 26,6%
Адлейба 354 48,9%
Промзона
Бейгуаа 463 44,3%
2-я и 3-я Деповские 40 25,0%
Сухумское озеро
Славянская 71 49,3%
Адлейба 189 54,5%
Чукбар 148 45,3%
Гобечия 99 24,2%
Казачья 33 42,4%
Колхозная 61 49,2%
Адлейба 147 51,7%
Связи 34 29,4%
Татарская 31 16,1%
1 мая 50 12,0%
Башкирская 34 29,4%
Чачхалия 43 32,8%
Красномаякская 234 20,1%
Маякский тупик 7 0%
Гидрофизический институт
Морская 21 9,5%
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Погрузочный тупик 6 0%
МАЧАРА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

МАЯК – городские районы

БАСЛАТА – сёла Сухумской квазиагломерации

0% ДОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ-АБХАЗОВ В ПРЕДЕЛАХ УЛИЦЫ 100%

Ласурия — название улицы
66 — количество избирателей на улице
56,7% — доля абхазов среди избирателей

Общее количество избирателей в Сухуме – 26832
Доля абхазов – 58,9%

© Н.В. Багапш, 2017

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИ СЛАВЯНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ СУХУМА

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2011 г.)

АЧАДАРА
Российский военный городок
Республиканская больница
КИНОПРОКАТ
Промзона
ЯШТХУА
БАСЛАТА
СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ
Массив Гумиста 570 41,6%
Гумистинская 267 22,8%
Гумистинская 445 21,3%
Картозия 207 40,6%
Аргун 252 43,3%
Северная 39 17,9%
Северный пр. 17 5,9%
РАЙОН НОВЫЙ
Агрба 361 16,9%
Киараз 208 33,2%
Лагвилава 511 18,8%
30 сентября 445 11,9%
Киараз 641 16,4%
В. Лакоба 552 23,0%
Чалмаз 675 32,4%
Аргун 697 29,3%
СТАРЫЙ ПОСЁЛОК
Ашхацава 104 13,5%
Семердиниева 243 15,2%
Эшба 678 28,3%
Назадзе 1436 24,3%
Северная 100 3,0%
Полевая 73 2,7%
Станционная 120 7,5%
1-я Деповская 73 37,0%
Деповская 59 27,1%
ВОДОКАНАЛ
Тралш 141 7,8%
Апсная 313 5,4%
Пачулия 44 0%
Гочуа 261 6,9%
Ардах 159 22,7%
Адыгейская 522 20,3%
Кабардинская 207 9,7%
Дагестанская 204 12,7%
Дзидзария 68 30,9%
Шапсугская 100 33,0%
Дзидзария 176 25,3%
Вокзал
Промзона
ДЕПО
Черкесская 60 26,7%
Убыхская 31 12,9%
НИИЭПиТ
ВИЭМ
Ботанический сад
Сухумская гора
Гумская 162 24,7%
Студенческая 49 36,7%
Лесная 31 16,1%
8 марта 47 17,0%
Санчарская 58 44,8%
Кортуа 39 10,3%
Фестивальная 39 35,9%
Патеипа 53 18,9%
Подгорная 24 29,2%
Тупиковая 18 5,6%
ЧАНБА
Дмитра 16 0%
Чанба 89 10,1%
Соловьёва 75 17,3%
Армейская 143 12,6%
Братская Заставка 153 6,5%
Харазия 23 21,7%
Гастелло 33 3,0%
Чернявского 60 21,3%
Марухская 46 17,4%
4 марта 20 10,0%
Гулиа 16,6%
Гулиа 112 18,8%
Тоннельная 23 13,0%
Агрба 36 25,0%
Щеглова 20 10,0%
Очаленко 73 8,2%
Демуловского 55 23,6%
Гулиа 17 11,8%
4 марта 184 8,7%
Басария 57 8,8%
Басария 247 11,3%
Леона 87 18,4%
Папаскир 66 25,4%
Ласурия 66 20,9%
Дзидзария 31 31,3%
Шоссейная 30 17,6%
пр. Мира 51 37,3%
Чочуа 96 19,6%
Звамба 71 8,5%
Мадза 97 21,6%
Ардзинба 4 25,0%
Ардзинба 78 18,0%
Ардзинба 42 14,3%
Ардзинба 116 17,2%
Безымянная 48 10,4%
Чехова 24 15,0%
Ашхацава 74 14,9%
Садовая 25 32,0%
Квициния 78 30,8%
М. Хварцкия 310 19,0%
Челюскинцев 38 34,2%
Ладария 189 10,6%
Анчабадзе 43 18,6%
Лакоба 27 11,1%
Пушкина 13 30,8%
пр. Мира 34 8,8%
пр. Мира 54 20,4%
Звамба 33 15,2%
наб. Махаджиров 22 9,1%
Леона 37 32,4%
Порт
Лакоба 36 13,9%
Когония 13 15,4%
Конфедератов 70 22,9%
Махаджиров 34 50,0%
Гора Багрята 63 14,3%
гора Багрята
ТУРБАЗА
Амиртава 645 31,8%
Лакрба 84 33,3%
Кодорское ш. 177 32,2%
Дендропарк
КЕЛАСУР
Вардания 125 16,0%
Бубновой 33 3,0%
Бубновой 17 17,6%
Имама Шамиля 154 5,2%
Чанба 215 14,4%
Колхозная 109 2,8%
Дзюгба 123 13,0%
Инал-ипа 48 12,5%
Дбар 140 6,4%
Гулиа 52 13,5%
Абазинская 116 17,2%
Воронова 204 16,2%
Сахарова 191 16,2%
Басария 43 14,0%
Гулиа 41 2,4%
Спортивная 9 44,4%
Эмухвари 31 6,5%
Ачуева 154 22,1%
Ачкинба 46 13,0%
Железнодорожная 65 14,9%
Заречная 391 20,5%
Эшвская 100 28,0%
Харания 80 15,0%
Республиканский стадион
Титова 157 17,8%
Ардзинба 258 21,3%
пр. Мира 228 19,7%
Почтовая 257 24,9%
пр. Мира 21 33,3%
Пивзаводовская 17 11,8%
Заводская 7 42,9%
пр. Мира 718 11,0%
пр. Мира 24 8,3%
Лакоба 216 19,0%
Абрыба 11 9,1%
Имама Шамиля 143 14,0%
Чанба 140 3,6%
Колхозная 103 19,4%
Инал-Ипа 372 16,4%
Джонуа 165 25,5%
Дбар 309 16,8%
Воронова 214 19,6%
Абазинская 387 22,6%
Сахарова 34 14,7%
ГУМИСТА
Сухумское озеро
МАЯК
Славянская 71 26,8%
Чукбар 149 25,0%
Адлейба 189 22,2%
Казачья 33 18,2%
Колхозная 61 26,2%
Адлейба 147 31,3%
Чачалия 43 30,2%
1 мая 50 76,0%
Башкирская 34 58,8%
Красномаякская 234 64,5%
Маякский тупик 7 0%
Гидрофизический институт
Морская 21 61,9%
Связи 34 32,4%
Гобечия 99 31,3%
Татарская 31 41,9%
Есенина 55 16,4%
Речная 80 20,0%
Транспортная 49 36,7%
Адлейба 354 29,4%
Промзона
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Пансионат Синоп 67 71,6%
СФТИ
Симпсоновское ущелье 389 50,1%
СИНОП
Зелёная 33 6,1%
Альбова 42 4,8%
Кодорское ш. 94 51,1%
Рыбинского 8 25,0%
Успара 106 6,5%
КЕЛАСУР
Университетская 20 40,0%
Тимирязева 20 30,0%
АГУ
Мичурина 39 25,6%
Кодорское ш. 235 24,7%
Вавилова 129 16,3%
МАЧАРА
Погрузочный тупик 6 33,3%

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

МАЯК – городские районы

БАСЛАТА – сёла Сухумской квазиагломерации

0% ДОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ-СЛАВЯН В ПРЕДЕЛАХ УЛИЦЫ 100%

Ласурия — название улицы
66 — количество избирателей на улице
20,9% — доля славян среди избирателей

Общее количество избирателей в Сухуме – 26832
Доля славян – 21,8%

© Н.В. Багапш, 2017

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИ АРМЯНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА ПО УЛИЦАМ СУХУМА

(ПО ДАННЫМ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ 2011 г.)

АЧАДАРА
Российский военный городок
Республиканская больница
КИНОПРОКАТ
ЯШТХУА
БАСЛАТА
Промзона
СЕВЕРНЫЕ РАЙОНЫ
Массив Гумиста 570 16,7%
Агдун 252 3,9%
Северная 39 74,4%
Северный пр. 17 94,1%
Гумистинская 267 9,4%
Картовая 207 5,8%
РАЙОН
Агрба 381 1,9%
Киараз 208 6,7%
Гумистинская 445 13,9%
Лагвилава 511 13,3%
30 сентября 445 10,8%
Киараз 641 4,5%
В. Лакоба 552 5,1%
Чалмаз 675 5,6%
Агдун 597 10,6%
НОВЫЙ
СТАРЫЙ ПОСЁЛОК
Назадзе 1436 15,0%
Северная 100 79,0%
1-я Деповская 73 28,8%
2-я и 3-я Деповские 40 67,5%
Бейгуаа 463 26,1%
Эшба 678 8,1%
Семенджинова 243 26,3%
Авидзба 104 25,0%
Полевая 73 28,8%
Станционная 120 45,0%
Деповская 59 3,4%
ВОДОКАНАЛ
Трапш 141 45,3%
Пачулия 44 52,3%
Аланская 313 81,8%
Гочуа 261 70,1%
Ардах 150 27,3%
Адыгейская 522 8,0%
Кабардинская 207 53,6%
Дагестанская 204 2,9%
Ванахская 120 10,1%
Шапсугская 100 7,0%
Дзидзария 68 14,7%
Дзидзария 176 9,8%
Вокзал
Промзона
ДЕПО
Эшерская 100 14,0%
Заречная 391 13,0%
Железнодорожная 65 12,7%
Почтовая 257 9,7%
пр. Мира 21 28,6%
Пивзаводовская 17 11,8%
Сухумское озеро
Республиканский стадион
Харания 80 33,8%
Титова 157 10,2%
Эмухвари 31 12,9%
Ардзинба 258 10,9%
пр. Мира 228 8,8%
Вардания 125 16,0%
Бубновой 17 29,4%
Аиаиба 46 10,9%
Атлаа 154 9,1%
Басария 43 4,7%
Гулиа 41 4,9%
Спортивная 9 0%
Имама Шамиля 154 13,0%
Чачба 215 9,8%
Бубновой 33 72,7%
Калмыкова 109 39,4%
Дбзоу 123 34,1%
Чачба 216 10,2%
Абрыба 11 45,5%
пр. Мира 718 7,9%
Чачба 140 5,0%
Имама Шамиля 143 7,0%
Колхозная 103 8,7%
Инал-ипа 48 0%
Дбзоу 140 12,1%
Басария 247 8,5%
Гулиа 52 21,2%
Абазинская 116 16,4%
Воронова 204 7,8%
Инал-Ипа 372 18,3%
Джонуа 165 3,0%
Дбзоу 309 14,6%
Воронова 214 19,2%
Абазинская 367 10,1%
Сахарова 94 11,8%
Махаджиров 34 8,8%
Конфедератов 70 10,0%
Когония 13 15,4%
Лакоба 36 8,3%
Порт
Леона 37 2,7%
наб. Махаджиров 22 9,1%
Пушкина 13 0%
пр. Мира 24 20,8%
пр. Мира 54 5,6%
Ардзинба 42 7,1%
пр. Мира 34 2,9%
Званба 33 3,0%
Лакоба 27 7,4%
Ардзинба 4 0%
Андрюшкова 78 1,3%
Басария 57 0%
Сахарова 191 1,6%
Абазинская 116 16,4%
Леона 87 2,3%
Мархуха 46 13,0%
4 марта 20 30,0%
4 марта 184 23,4%
Гулиа 112 2,7%
Гулиа 16,0%
Ботанический сад
НИИЭПиТ
ВИЭМ
Сухумская гора
Чернявского 60 0%
Харазия 23 13,0%
Гастелло 33 0%
Чернявская 60 1,7%
Усыскал 31 12,9%
Студенческая 49 2,0%
Гумская 162 3,7%
Санчарская 58 13,8%
Лесная 31 6,5%
8 марта 47 23,4%
Кортуа 39 0%
Фестивальная 39 23,1%
Патеипа 53 26,4%
Подгорная 24 37,5%
Тупиковая 18 11,1%
ЧАНБА
Дзигуа 0%
Чачба 89 1,1%
Соловьёва 75 1,3%
Щетлова 20 0%
Агрба 36 0%
Тоннельная 23 0%
Армейская 143 21,7%
Боевая Заставка 153 6,5%
Очаленко 73 16,4%
Дехтяревского 55 7,3%
Лухуцина 17 5,9%
М. Хварцкия 310 5,5%
Папаскир 66 1,5%
Ласурия 66 16,4%
Джанашия 31 16,8%
Шоломитская 50 14,8%
Чочуа 96 7,2%
Эшба 71 21,1%
Мира 97 6,2%
пр. Мира 51 9,8%
Безымянная 48 18,8%
Чехова 24 2,5%
Ашхацава 74 4,1%
Садовая 24 4,0%
Квициния 78 5,1%
Ладария 189 9,5%
Анчабадзе 43 9,3%
Челюскинцев 38 0%
гора Багратa
Гора Багратa 63 3,2%
Амиртава 645 5,4%
ТУРБАЗА
Лакрба 84 11,9%
Кодорское ш. 177 5,1%
ДЗЫГУТА
КЕЛАСУР
Дендропарк
Пансионат Синоп 67 0%
СФТИ
Синопское ущелье 389 9,2%
СИНОП
Зелёная 33 78,8%
Альбова 42 83,3%
Кодорское ш. 94 7,4%
Рыбинского 8 62,5%
Успара 106 7,5%
КЕЛАСУР
Университетская 20 60,0%
Тимирязева 20 10,0%
АГУ
Мичурина 39 23,1%
Кодорское ш. 235 8,5%
Вавилова 129 11,6%
МАЧАРА
Погрузочный тупик 6 66,6%
ГУМИСТА
МАЯК
Славянская 71 12,7%
Адлейба 189 17,5%
Чубабр 148 19,6%
Гобечия 99 42,4%
Казачья 33 15,2%
Колхозная 61 9,8%
Адлейба 147 10,2%
Связи 34 23,5%
1 мая 50 8,0%
Башкирская 34 8,8%
Красномаякская 234 11,5%
Маякский тупик 7 100%
Чачалиа 43 34,9%
Гидрофизический институт
Морская 21 9,5%
Татарская 31 35,5%
Транспортная 49 32,7%
Речная 80 35,0%
Есенина 55 16,4%
Адлейба 354 17,2%
Промзона
ЧЁРНОЕ МОРЕ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

МАЯК – городские районы

БАСЛАТА – сёла Сухумской квазиагломерации

0% ДОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ-АРМЯН В ПРЕДЕЛАХ УЛИЦЫ 100%

Ласурия — название улицы
66 — количество избирателей на улице
16,4% — доля армян среди избирателей

Общее количество избирателей в Сухуме – 26832
Доля армян – 14,4%

© Н.В. Багапш, 2017

Редактор *Пачулия Л.С.*
Корректор *Клычева Л.З.*
Компьютерная вёрстка *Аджинджал А.Ю.*

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Способ печати офсетный.
Усл.печ.л. 16,275 + 1,05 цв.вкл. Заказ 0154. Тираж 1000.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграф-ЮГ».
Республика Адыгея, 385000, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок: 8(8772) 52-23-92.
E-mail: guripp2@yandex.ru